

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЧЕКИНА Анастасия Артемовна

**ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМЫ И ФОРМУЛЫ НАРОДНОЙ РЕЧИ:
СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВА «ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО
СЕВЕРА В НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ»)**

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Т.С. Садова

Санкт-Петербург
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Этикет народной речи: постановка проблемы.....	15
1.1. Этнолингвистический аспект в языкознании	15
1.2. Малые формы фольклора в этнолингвистическом освещении	21
1.3. Формы и формулы устноречевого текста	25
1.4. Описание материала исследования	34
1.5. Выводы по главе I.....	37
Глава II. Этикетные формы и формулы в повседневной речи жителя Русского Севера: функционирование, прагматика, языковая специфика	40
2.1. Сферы бытования ЭФФ: тематические группы.....	40
2.2. Естественная вариативность фольклорного текста: типология возможных вариантов.....	66
2.3. Диалоговая форма традиционного контактоустановления: типы коммуникантов	79
2.4. Этикетные формы и формулы традиционной коммуникации: структурно-семантические особенности	91
2.5. Облигаторность этикетных форм и формул.....	126
2.6. Фольклорно-жанровая соотнесенность ЭФФ	130
2.7. Выводы по главе II.....	131
Заключение.....	134
Источники и их сокращения.....	138
Список литературы	139
Словари	153

Приложение	155
Контексты, фиксирующие этикетные формы и формулы народной речи (по материалам Архива СДК).....	155

Введение

В современной лингвистике сохраняется устойчивый интерес к языку фольклора как особому объекту исследования: специфика этой подсистемы общенационального языка, замеченная еще в трудах классиков отечественной науки (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, В.Ф. Миллер), сегодня изучается в разных аспектах и научных направлениях. Активно исследуется язык отдельных устнопоэтических жанров: народных песен (Е.Б. Артеменко; М.А. Бобунова; А.Т. Хроленко; И.С. Климас), пословиц и других малых прозаических форм (Г.Л. Пермяков; З.К. Тарланов; М.Л. Ковшова), духовных стихов (С.Е. Никитина, А.М. Петров), быличек и легенд (О.А. Черепанова; Т.Н. Бунчук), примет и снопримет (В.К. Харченко; Т.С. Садова), благопожеланий (Л.Ю. Зорина; О.В. Мешкова) и др. Исследуются особенности языка фольклора в связи с реконструкцией жанровой картины мира (Т.В. Цивьян; А.Т. Хроленко; Ю.Н. Ильина и др.), широко и системно представлен язык разных форм русского фольклора в трудах российских этнолингвистов (Н.И. Толстой; С.М. Толстая; Е.Л. Березович; О.Б. Христофорова и др.).

В настоящей работе предпринимается попытка описать язык народного этикета как устойчивой системы малых речевых форм, отражающей традиционные правила речевой культуры и безусловно сохранившей архаичные формы прагматико-ориентированной коммуникации.

Совершенно очевидно, что в сельском социуме, имеющем особые, культурно маркированные представления о том, как должно себя вести в различных ситуациях, существует своя этика, свой «устный этический кодекс» [цит. по: Садова 2003: 26]. Он неизбежен в условиях полноценной духовной жизни, которая, по словам Н.А. Бердяева [Бердяев 1993], представляет собой систему нравственных ценностей народа, формирующихся в конкретных историко-культурных условиях. Это замечание чрезвычайно важно для нашей работы, т.к. материалом для исследования явились малые тексты, функционирующие в самобытном регионе России — Русском Севере.

Как известно, Русский Север — сочетание в современной фольклористике почти терминологическое, прочно вошедшее в научный обиход. Традиционно «под Русским Севером понимается территория от Урала до Прибалтики, севернее Волги. Это Новгородская, Псковская, Ленинградская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Костромская, Вятская, Пермская области, Карелия, Коми республики, некоторые (северные) районы Тверской и Ярославской областей» [Черепанова 1986: 3]. Понятие «Русский Север» для этих регионов в этнографическом отношении обладает определенной условностью, так как здесь издавна и, видимо, исконно проживают другие народы, прежде всего, финно-угорского происхождения, которые по праву считают себя аборигенами большинства из названных мест. Исследование духовной культуры на территории этого региона не теряет своей актуальности с учетом того, что именно здесь, по словам К.В. Чистова, сохраняет свои наиболее первозданные, архаичные формы. Характеризуя этнокультурную уникальность этого края, он же выделяет «три основных факта этой уникальности:

1. это хранилище архаических форм культуры славянского прошлого в целом, и русского в частности;
2. среда, в которой длительное время активно перерабатываются традиционные архаические элементы под воздействием и пограничных (субстратных) культур, языков, и неизменных историко-социальных воздействий;
3. уникальное этнокультурное пространство со сложным генезисом, характеризующимся: а) цельностью, б) гармоничностью, в) органической связью с географической средой» [Чистов 1988: 3].

Отмеченные цельность, временная устойчивость культуры и этнокультурная уникальность региона с общим названием «Русский Север» позволяет рассматривать как единую систему разновременные и разнолокальные записи, относимые к группе текстов, отражающих традиционные правила речевого поведения.

В качестве **материала** диссертационного исследования выступили экспедиционные записи (более 50 тыс. текстов) архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (далее — Архив СДК) кафедры русского языка СПбГУ, сделанные студентами, аспирантами и преподавателями университета с 1984 по 2024 г. во время научных экспедиций по специальной экспедиционной программе этнолингвистической направленности (автор программы — проф. СПбГУ О.А. Черепанова). Для исследования отобрано около 400 единиц текстовых записей, фиксирующих анализируемые речевые формы и устойчивые формулы, воспроизводимые в конкретных бытовых ситуациях. Контексты встречаются в разных рубриках экспедиционного классификатора, наиболее актуальными из которых (для нашей работы) являются разделы «Хозяйство», «Фольклор», «Демонология», «Народный этикет» и подразделы «Сев и жатва», «Ткачество», «Праздники».

В настоящем диссертационном исследовании рассматривается речевой этикет, под которым вслед за Н.И. Формановской в широком смысле понимаются «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 2020: 8].

Народноречевой этикет представляет собой сложное культурное явление, которое часто генетически связано с ритуалом или обрядом (эти обозначения используются в работе как синонимичные), где «ритуал предшествует этикету, а этикет, в свою очередь, формируется на основе ритуала» [Байбурин 1990: 161]. Следует учесть, что рассматриваемые формулы бытуют и в современной речевой повседневности, поэтому их связь с традиционным обрядом, представляющим явление архаичное и в известной степени «сакральное», сегодня не всегда прозрачна и ясна, вследствие чего вопрос определения «обрядовости» и собственно «этикетности» той или иной речевой формулы часто не может быть решен однозначно.

Итак, в качестве единиц исследования обозначены **этикетные формы и формулы народной речи** (далее — **ЭФФ**) — как широкое именование традиционных устойчивых текстовых единиц, выполняющих этикетную функцию в различных, культурно маркированных ситуациях. **Формула** имеет более устойчивый характер, она воспроизводится целостно, всегда сохраняет ядерные лексические компоненты (слово или сочетание слов), часто подвержена незначительным трансформациям (вариациям) в устном бытовании в различных регионах Русского Севера. Таковы, например, повсеместно распространенное пожелание при стирке белья: *Беленько .../ Вам / тебе; Беленько стирать; Белó на воде; Белó стирать / мыть* и под. При этом необходимо учитывать фольклорную специфику большинства формул, а именно — их свойство «содержать в себе кванты традиционной культурной информации» [Артеменко 2005: 99–108]. Иными словами, существенное отличие этикетных формул народной речи и формул в речи современного городского человека в том, что первые являются естественными «эволюционными» фактами культуры, их прагматическая роль не ограничивается сугубо коммуникативными задачами (начало, поддержание, завершение речевого контакта, например), они встроены в жизнь социума как важнейший компонент культуры в целом.

Этикетными речевыми **формами** мы называем либо устойчивые речевые единицы, записанные и, предположительно, бытующие на ограниченной территории Русского Севера, либо такие, которые содержательно и функционально выполняют роль этикетных речевых правил, но выражены «вольнo», без опоры на ядерные компоненты всем известной формулы, а порой и вовсе созданные говорящим по её «подобию» с целью заполнить «культурную лакуну»: *«Труд на пользу!»*. *«Здоровье в руки!»*. *«Чистота в избе!»* *Бывает, и сам придумает.* (Устрека, Мошенск., Новг., СДК-45, 1989)¹. Прежде всего учитывается функция этих речевых форм, ясно

¹ Здесь и далее принята след. последовательность сокращений паспорта записи: название деревни / села / города, район, область, номер экспедиционного отряда (если есть), год.

осознаваемая носителями традиционного знания, их нацеленная на «узнавание своего» практическая (культурная) обязательность.

В контексте рассуждений о структурных единицах устнопоэтической речи требует специальной оговорки и термин **фольклорный жанр**, который в работе понимается как устойчивая традиционная форма произведения конкретной функциональной заданности, в которую могут «облачаться» этикетные формулы и формы. В нашем случае формы и формулы могут быть равны малым речевым фольклорным жанрам (благопожелания, приговоры, заговоры, поговорки, пословицы и под.).

Таким образом, **объектом исследования** являются формы и формулы речевого этикета народной речи Русского Севера и их жанровая представленность. **Предметом** — семантика, прагматика и способы функционирования этих текстов в народной речи как единиц традиционной культуры.

Актуальность диссертационного исследования видится, прежде всего, в том, что его тема встроена в парадигму лингвофольклористики и этнолингвистики, относительно новых, но весьма актуальных междисциплинарных направлений современной русистики, нацеленных на изучение традиционных речевых форм / жанров с точки зрения отражения в них особенностей культуры, хозяйствования, быта и других сфер жизни человека, в нашем случае — жителя Русского Севера. Работа выполнена в этнолингвистическом аспекте, который предполагает семиотический, в современной терминологии — мультимодальный [Загидуллина 2019: 181–188] — метод исследования.

Актуальность работы связана также с изучением особых речевых форм — устойчивых, цельных высказываний, имеющих (в самом широком смысле) этикетную функцию, источником которой может быть обряд, табу, а также система традиционных мифологических представлений жителя Русского Севера.

Работа с уникальным полевым материалом, часть из которого будет впервые введена в научный оборот (т.к. не опубликована и хранится в виде рукописных записей в Архиве СДК), а также лингвистическое исследование речевого этикета, органично вписанного в традиционную культуру жителя Русского Севера, во многом обуславливают **новизну исследования**.

Теоретико-методологическую базу работы составляют исследования, освещающие основные теоретические и практические вопросы, затрагиваемые в диссертации: из области этнолингвистики в разных аспектах — работы А.А. Потебни, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.С. Герда, Е.Л. Березович, О.А. Черепановой и др.; из области исследования формул в разных аспектах — труды М. Пэрри, А.Б. Лорда, А.Н. Веселовского, Г.И. Мальцева, А.Т. Хроленко, А.В. Десницкой, и др.; из области изучения этикета — исследования Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина, В.Г. Костомарова, А.А. Акишиной, И.А. Стернина, А.Г. Балакая, А.К. Байбурина и др.; из области изучения аспектов народноречевого этикета — работы Л.Ю. Зориной, О.А. Черепановой, В.Н. Гришановой и др.; из области исследования специфики языка фольклора, в том числе малых жанров — работы Г.Л. Пермякова, В.Н. Топорова, С.Е. Никитиной, А.Т. Хроленко, И.А. Оссовецкого, З.К. Тарланова, М.Л. Ковшовой, Т.С. Садовой и др.

Цель работы — исследовать языковые особенности и культурную прагматику этикетных форм и формул народной речи в этнолингвистическом аспекте.

Достижению этой цели подчинены следующие **задачи**:

1) Обобщить результаты научного осмысления (в трудах известных ученых) значимых для работы тем, положений, понятий: фольклорная формула, этнолингвистика, фольклорный текст / жанр, специфика народного этикета.

2) Отобрать и систематизировать речевые единицы материала Архива СДК, выполняющие этикетную функцию в условиях традиционной коммуникации на Русском Севере.

3) Описать лексические компоненты и грамматические особенности форм и формул народноречевого этикета.

4) Определить специфику этикетной функции речевой формы в условиях традиционной (условно — фольклорной) коммуникации.

5) Определить устойчивые и вариативные компоненты комплекса формул одной тематики.

Решение поставленных задач предполагает использование ряда общенаучных методов. Прежде всего, в работе будет использован **описательный метод**, предполагающий описание и обобщение существующих подходов к изучению речевого этикета в целом и народного речевого этикета в частности. Для систематизации и выявления устойчивых ситуаций, в которых употребляется та или иная речевая форма или формула, будет актуален **метод научного наблюдения**. При анализе содержательно-смысловой стороны отобранных речевых единиц применен **метод лексико-семантического анализа** в этнолингвистическом аспекте, поскольку слово в ситуации традиционной коммуникации выступает как факт культуры. Кроме того, в работе предполагается использование **метода синтаксического анализа** речевого отрезка различной протяженности (от словосочетания до предложения) для выявления ядерных и периферийных зон устойчивой формулы. **Метод текстологического анализа** применяется при составлении типологии вариантов этикетной формулы отдельной тематической группы.

Гипотеза исследования: тексты записей этикетных форм и формул народной речи культурно маркированы и обусловлены мифологическими представлениями не-городского жителя; язык малых речевых форм демонстрирует эволюцию сугубо прагматической коммуникации в условиях мифологического мировоззрения в направлении коммуникации, осознаваемой и функционирующей в качестве этически обусловленной.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке ряда теоретических вопросов, относящихся к лингвистике фольклорного текста как особого типа текста, обладающего категорией естественной вариативности и жанровой маргинальности. В этнолингвистическом аспекте обосновывается специфика традиционного (фольклорного) речевого этикета, его прочная связь с мифопоэтикой «крестьянской повседневности». Теоретически значимыми являются попытки лингвистического описания малых речевых форм фольклора, их систематизации по ряду признаков, выявлении исходно прагматической функции отдельно представленной речевой формы или формулы и ее трансформации в чисто этикетную, условно-символическую функцию.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использовать результаты исследования в лексикографировании и разработке универсального классификатора малых форм фольклора. Выводы об инвариантной и вариативной зонах одного «тематического куста» этикетных формул могут быть учтены при разработке структуры будущего корпуса текстов, хранящихся в архиве СДК, при написании поисковых программ по ключевым словам и тематическим блокам такого корпуса. Впервые введенный в оборот устноречевой материал может быть использован в университетских лекционных курсах по этнолингвистике, лингвофольклористике и культуре речи, а также в разработке программ учебных полевых экспедиций.

Структура работы традиционна и включает в себя введение, две главы, заключение, список источников, литературы и словарей. Приложение представляет собой перечень из 395 текстовых записей Архива СДК, включающих в себя анализируемые речевые этикетные формулы и формы.

Апробация работы

Результаты исследования были представлены в виде докладов на научных конференциях и форумах:

1) Второй Международный Петербургский Исторический Форум (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, октябрь 2022);

2) LI Международная филологическая конференция имени Л.А. Вербицкой (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, март 2023);

3) IX Всероссийская межвузовская научно-методическая конференция (г. Петергоф, ВИ ЖДВ и ВОСО, май 2023);

4) Международная научная конференция «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (г. Челябинск, ЮУрГУ, сентябрь 2023);

5) VII Международный научный семинар «Лингвистическое регионоведение» (г. Донецк, ДонНУ, ноябрь 2023);

6) Молодёжный форум «Культурный код-2023» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, ноябрь 2023);

7) Итоговый форум профессионального конкурса студенческих экспедиций «Открываем Россию заново» (г. Москва, НИУ «Высшая школа экономики», ноябрь 2023);

8) Открытое научное заседание, посвящённое дню рождения Б.А. Ларина, «Ларинские чтения-2024» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, январь 2024);

9) LII Международная филологическая конференция имени Л.А. Вербицкой (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, март 2024);

10) VIII Международный симпозиум «Русская грамматика в динамике» (г. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, октябрь, 2024).

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 7 научных статьях, 4 из которых опубликованы в научных индексируемых журналах из перечня, рекомендуемого ВАК РФ:

1) **Чекина А.А. Структурно-семантические особенности одной обрядово-этикетной формулы народной речи в ситуации ткачества // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2023. — Т. 45 (6). — С. 23–28. [Чекина 2023в].**

2) **Чекина А.А. Этикет народной речи: диалоговая форма // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — № 4, 2024. — С. 160–169. [Чекина 2024б].**

3) Чекина А.А. Синтаксис обрядово-этикетных формул одной прагматики // Когнитивные исследования языка. — Тамбов, 2023. — № 3(54). — С. 320–325. [Чекина 2023а].

4) Садова Т.С., Чекина А.А. Парные фольклорные формулы // Когнитивная лингвистика в контексте современной науки: материалы Международной научной конференции. — Москва: Тамбов, 2023. — № 4(55). — С. 635–637 (личное участие автора диссертации составляет 50 %). [Садова, Чекина 2023].

5) Чекина А.А. «Дедушко-домовеюшко, полюби мою семеюшку»: обрядово-этикетные формулы обращения к домовым в регионах Русского Севера // Вестник Донецкого национального университета. — Вып. 3., 2023. — С. 119–125. [Чекина 2023г].

6) Чекина А.А. Синтаксис и прагматика одной обрядово-этикетной формулы народной речи // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы пятнадцатой Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка. — Владимир, 2023. — С. 502–510. [Чекина 2023б].

7) Чекина А.А. Приговоры на урожай: лингвистические особенности обрядово-этикетных текстов (по материалам полевых записей экспедиций в Тотемский район Вологодской области) // Русский Север-2024. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ VIII Всероссийской научной конференции. — Вологда, 2024. — С. 180–185. [Чекина 2024а].

Положения, выносимые на защиту:

1) Традиционный речевой этикет имеет специфические черты, обусловленные его культурной маркированностью, часто имеющей глубокие мифопоэтические корни. Современный носитель традиционной культуры не всегда осознает глубинную, мифологическую мотивировку того или иного этикетного выражения, однако отчетливо признается обязательность (*так принято / положено*) присутствия их в речи.

2) Этикет и обряд в контексте изучения устойчивых формул народной речи представляют собой сложное взаимосвязанное культурное целое, включенное в повседневное бытовое общение, в современном состоянии плохо отграничивающее «обрядовое» от «этикетного», что свидетельствует о естественной эволюции функций таких выражений от исходно прагматических, мифологизированных к сугубо культурным, знаковым, этикетным.

3) Этикетные формы и формулы традиционного общения имеют комплекс коммуникативных функций (контактоустановление, поддержание коммуникации, воздействие и т.д.), важнейшей из которых является функция идентификации коммуниканта по шкале «свой — чужой».

4) Этикетные формы и формулы народной речи исходно и всегда представляют собой фрагмент живой диалогической речи, даже в тех случаях, когда реплика одного из участников диалога не вербализована. В качестве коммуникантов, иногда — не явленных, может выступать не только человек, но и мифологический персонаж / антропоморфизированное явление природы.

5) Как всякая фольклорная, устноречевая формула, этикетная формула имеет различные варианты речевых реализаций. Тексты одной тематики, записанные в одном регионе, обладают инвариантной и вариативной зонами. Лексика и синтаксис инвариантной зоны обеспечивает устойчивость текста в целом.

Глава I. Этикет народной речи: постановка проблемы

1.1. Этнолингвистический аспект в языкознании

При написании настоящего параграфа используются материалы опубликованной статьи автора диссертационного исследования [Чекина 2023в].

Вопросы взаимопроникновения языка и культуры изучаются предметно в различных междисциплинарных науках, в том числе особой области языкознания — этнолингвистике. Этнолингвистика «как составляющая современной семиотики соприкасается с мифологией, историей культуры, этнической историей, теорией этногенеза, а также с рядом иных комплексных дисциплин, в фокусе внимания которых находятся человек (прежде всего “человек говорящий” — *homo loquens*) и этнос» [Толстой 1995: 8]. Глубокий мифологически насыщенный архаичный материал народноречевого этикета сельского жителя Русского Севера исследуется в настоящем диссертационном сочинении в этнолингвистическом аспекте.

Этнолингвистика как термин и как отрасль языковедческой науки зародилась в 1940-е годы и связана с именами американского антрополога Ф. Боаса и американского лингвиста Э. Сепира. Широко известны труды в области изучения стереотипных представлений польского ученого Е. Бартминьского [Бартминьский 2005: 33–38] и исследователей люблинской школы этнолингвистики. Вопросы этнолингвистического анализа народной культуры в России стали предметом научного интереса многих российских ученых: В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, О.А. Черепановой, А.С. Герда, М.М. Копыленко и др.².

Глубокое и всестороннее изучение взаимодействий этноса, языка и культуры стало следствием развития идей ученых, работавших задолго до формирования этнолингвистики как самостоятельного научного направления.

² См. список литературы.

Так, В. фон Гумбольдт последовательно высказывал передовые для своего времени идеи о воплощении в языке «духа народа», «индивидуального мировоззрения народа». Гумбольдт считал «нацию» «такой “формой индивидуализации человеческого духа”, которая имеет “языковой” статус» [Гумбольдт 2000: 9]. Отметим, что Гумбольдт категорически возражал против понимания языка как чего-то механического и статичного, он писал о том, что «язык» всегда находится «в действии» и воссоздается в живой речи. В языковом развивающемся процессе в равной степени участвуют три компонента: «дух народа», внешняя форма языка и внутренняя форма языка. Замечания о воссоздании языка в каждом акте речетворчества особенно актуальны для нашей работы, поскольку неизбежность вариантов речевых формул в условиях традиционного общения принимается в ней как аксиома.

Идеи Гумбольдта в отечественном языкознании были чрезвычайно популярны и нашли отражение в трудах многих российских ученых XIX в. [Ф.И. Буслаев 1858; А.А. Потебня 1860; А.Н. Афанасьев 1864; И.И. Срезневский 1959] и мн. др., впоследствии ставших зачинателями различных направлений в лингвистике и гуманитарной науке в целом, в той или иной степени отражавших поиски «точек пересечения», «точек взаимовлияния», «точек взимопроникновения» народной мысли и народного живого слова.

Важнейшими — в рамках исследуемой проблематики — оказываются изыскания А.А. Потебни, для которого язык есть не что иное как воплощенная в слове культура народа во всем многообразии ее выражения. Следуя Гумбольдту, Потебня видит в языке не только отражающий культуру инструмент, но, что более важно, — одновременно и механизм, порождающий мысль. В языке как бы изначально заложен творческий потенциал: «Мысль проявляется через язык, причем каждый акт говорения является творческим процессом» [Байбурин 1989: 5]. В этом аспекте речевой этикет вполне может быть осознаваем как речевая творческая деятельность, демонстрирующая результат «искусства общения» [Байбурин, Топорков 1990: 15].

В философской концепции Потебни важное значение имеют такие категории, как «народ» и «народность». Народ для Потебни является творцом языка, в то время как язык — порождение «народного духа». Вместе с тем именно язык обуславливает национальную специфику народа, в терминах Потебни — «народность». То же происходит и в народноречевом этикете: народ — творец своего языка, своего «устного этического кодекса» [цит. по: Садова 2003: 26].

Очевидно, что в зависимости от культурно-исторических особенностей территории общенациональный язык приобретает неизбежные специфические черты, как бы фиксирующие эти особенности. В настоящей работе внимание сосредоточено на регионах Русского Севера, где формируется уникальный народноречевой этикет, зачастую отличающийся (иногда значительно!) даже в пределах одного региона, о чем свидетельствуют записи Архива СДК, сделанные в одно время в деревнях одной области: а) Архангельская область, 1986: «Клёв на уду!» — *если идёшь на рыбалку*. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986). «Счастливого улова!» — *так приговаривали, когда на рыбалку провозжали*. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); б) Вологодская область, 2023: «Поезжай с Богом» — *всё, как хочешь, дальше*. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023). «Ни чешуйки ни хвоста!». *А он ты должен послать: «К чёрту!»*. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023). В таких случаях имеет место формульная синонимия — весьма частое явление в рамках этикетных единиц, выполняющих схожую прагматическую функцию.

Мысль Потебни — о взаимовлиянии языка и мифологического сознания — находит отражение в нашем материале: например, близкозвучащие слова нередко становятся источником т. н. «этимологической магии» («на Ивана *Купала* солнце *купается*; если ребенок родится *на заходе* солнца — он будет *заходиться* плачем» [Толстой 1995: 317–319]), а язык пополняется номинациями, возникшими в результате реакции на различные мифологические представления, — таковы, например, наименования «домашних духов». Взаимодействие языка, который реализуется в этикете

народной речи, и мифологического сознания, которое находит отражение в обрядовой составляющей жизни села, влияет на формирование особых устойчивых этикетных речевых единиц. Это взаимодействие активно изучается в работах фольклористов А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова, также известны работы В.П. Левкович и А.Б. Гофмана³, описывающие обычай и ритуал в процессах социальной регуляции.

В настоящем диссертационном исследовании вопросы функционирования оппозиции «обряд — этикет» и ряда вытекающих из нее семантических оппозиций: «сакральность — повседневность», «коллективность — индивидуальность», «знаковость — незнаковость» являются одними из ключевых задач теоретической части работы, что делает актуальной проблематику работы в свете решения дискуссионных вопросов этнолингвистики.

Обряд (ритуал) и этикет обладают общей характеристикой: и в том, и в другом случае — это установленный порядок речевого поведения, своего рода церемониал. Обряд предполагает наличие традиции, наличие того мифологического, зачастую уже утраченного контекста, который несвойственен этикету. В вербализированном виде часть обряда, теряя свои древние архаические этнокультурные свойства, наполняется новым содержанием, условно названным — этикетным. В этом состоит сложное взаимодействие оппозиции «обряд — этикет», из которых вытекает ряд семантических оппозиций:

1. В контексте оппозиции «сакральность — повседневность» необходимо учесть очевидное: ритуал предполагает общение в особых (даже сакральных) случаях, влекущих за собой переворот, «переходность» из одного состояния в другое, например, изменение социальной роли или статуса участников ритуала, изменение в жизни целого коллектива и др. Отсюда следует, что «ритуал (даже периодически повторяемый) — всегда событие,

³ См. список литературы.

некоторый *кризисный период* (выделено мной — *А. Ч.*) в жизни коллектива» [Байбурин, Топорков 1990: 161]. Этикет же регламентирует повседневную жизнь, бытовое общение, не привязанное к глобальным изменениям жизни общества.

2. В контексте оппозиции «коллективность — индивидуальность» необходимо отметить, что последнее подразумевает под собой прикреплённость к конкретной прагматической ситуации, в которой многое зависит от поведения (в том числе «ритуальной компетентности») отдельного человека. Одно из главных отличий социальной природы ритуала и этикета заключается в том, что ритуал ориентирован на коллектив, этикет — на индивидуальное общение коммуникантов в одной конкретной ситуации.

3. С точки зрения оппозиции «знаковость — незнаковость» при анализе ЭФФ учитывается, что всякий обряд, в рамках которого предполагается воспроизведение устойчивой этикетной формулы, обладает очевидной знаковостью, он всегда символизирует собой важные события участников (новоселье, свадьба, похороны). Это некоторый игровой творческий акт, совершаемый зачастую участниками «бессознательно, следуя культурной традиции» [Адоньева 2005]. Его основная функция — символическая. Этикет же обладает знаковостью в меньшей степени и выполняет прежде всего свои основные функции — фатическую и прагматическую.

При рассмотрении ЭФФ в этнолингвистическом аспекте обращает на себя внимание семантико-символический потенциал лексических единиц формулы. Помимо собственно лексической семантики компоненты формулы могут обладать особой культурной семантикой, т.е. областью тех «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т.п. «созначений», актуализирующихся лишь в особых, периферийных, вторичных, поэтических, метафорических и др. «непрямых» употреблении слова» [Толстой 1995: 289]. В архаичной формуле *Беленько мить*, произносимой при встрече хозяйки, стирающей белье, в слове-знаке «беленько» актуализируется сема 'чистоты,

свежести’, не всегда напрямую соотносимая с белым цветом. В формуле *Сиденью вашему!* — *Сидеть по-нашему!* ядерный лексический компонент в зависимости от тематической ситуации наполняется различным коннотативным значением: 1. *Сидение, сидеть* понимаются в значении ‘находиться в состоянии бездеятельности или покоя, отдыха’ [МАС 1988: 90]. В русском народном этикете обычно этим действием заняты люди старшего поколения. В связи с чем в записях Архива СДК встречается контекст: *Если старушки сидят, то им говорят: «Сиденью вашему», а они уж отвечают: «Сидеть по-нашему»* (Игнатово, Черепов., Волог, СДК-41, 1987). Этот род занятия старшего поколения непременно должен быть ознаменован миром и спокойствием. 2. В лексемах *сидение, сидеть* актуализируется семантика ‘будучи надетым, располагаться на фигуре (или частях тела) тем или иным образом’ [МАС 1988: 90] (характеристика полотна, из которого шьют одежду) в тех случаях, когда формула с благопожелательной семантикой функционирует как приветствие женщины, занятой процессом тканья: *Если ткачиха затыкала, а в это время кто зайдёт, то говорили: «Сиденье вашему!».* *А она и ответит: «Сидеть по-нашему!».* *Гость и сядил, чтоб полотно хорошо садилось.* (Николо-Раменьё, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Слово, закрепленное в ЭФФ в определенной позиции, погружаясь в сферу повседневного традиционного общения, нередко основанное на мифологическом представлении, превращается таким образом в культурный знак.

Сформулированный Н.И. Толстым тезис об изоморфности слова, предмета и действия как равнозначных культурных знаков в условиях обрядовой коммуникации имеет ключевое значение для любых исследований в аспекте этнолингвистики [Толстой 1995: 23], учет этого взаимоотношения важен и для нашего исследования. На материале фольклорно-обрядовых устных текстов Полесья Н.И. Толстой и С.М. Толстая рассматривают процессы семиотизации, ритуализации и прагматикализации обряда, явления мифологической и культурной семантики словесного знака, анализ его

архаического символического смысла. Эти процессы свидетельствуют об «интегральности» культуры, т. е. смыслового единства всех ее форм и жанров (языка, обряда, верований, народного искусства)», они «обусловлены единой картиной мира воспринимающего и осмысляющего мир и создающего культуру человека» [Толстая 2002: 2] и лежат в основе формирования ЭФФ.

1.2. Малые формы фольклора в этнолингвистическом освещении

В изучении многожанрового фольклора специального внимания заслуживают его малые речевые формы: поговорки, пословицы, присловья, приметы, заговоры, загадки, потешки, считалки, дразнилки и др. как малоизученные в этнолингвистическом аспекте. К подобным формам по своей онтологии близки и этикетные формы и формулы народной речи, представляющие объект настоящего диссертационного исследования. По формальным признакам (пространство текста, компонентная мобильность, жанровая маргинальность) эти тексты могут быть отнесены к малым речевым жанрам, в самом общем виде представляющим собой «устойчивые, клишированные речевые сегменты, порождённые повторяющимися ситуациями (например, формы приветствия, поздравления, телефонного общения и т.п.)» [Садова 2003: 26]. Малые речевые жанры характеризуются также «содержательной гомогенностью (сообщение об одном факте, одном событии и т.д.), крайней степенью компрессии, стандартной формой (однообразная, часто клишированная структура сообщения, ограниченный, нередко заданный набор языковых и стилистических средств)» [Иванов 2022: 902].

В современной лингвофольклористике малые формы (жанры) фольклора в разных аспектах активно изучаются рядом исследователей.

Известны работы Г.Л. Пермякова, подробно рассматривавшего пословицы, поговорки, фразеологизмы и «ряд клишированных языковых форм, представляющих собой замкнутую цепь предложений» [Пермяков 1970: 52], которые именуются им «сверхфразовыми единствами». К ним относятся «разного рода побасенки, анекдоты, басни, загадки, сказки и некоторые другие

тексты, которые употребляют в заранее заданном виде» [Пермяков 1970: 52]. Под последними Пермяков подразумевает различные «хозяйственные, юридические, медицинские изречения и приметы» [Там же: 86], близкие, как кажется, по своей онтологии к этикетным формам и формулам народной речи: *«Хто чего работат, скажут: «Бог на помощь!» А сейчас: «Труд на пользу!» (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986); И вот была примета: через реку молока не давать. Если с молоком идёт (женщина), то говорить нельзя, ни ставить нельзя и по гостям ходить нельзя с этим молоком, пока по дому не дойдёшь. Молоко из рук в руки не передают. Это на корову отражается. С молоком шутки плохи. (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008); Ну, вот капусту садят, дак говорят: «Не будь голенаста, а будь коренаста!» (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).* В этих случаях «понятие малой текстовой формы является в известной степени условным, поскольку основано, с одной стороны, прежде всего на линейном объеме текста, а с другой — на его жанровых свойствах (форме, содержании, языковых и/или стилистических особенностях)» [Иванов 2022: 902].

Наиболее активно и всесторонне исследуется язык пословиц и поговорок как наиболее структурированных и имеющих большой собирательский фонд фольклорных текстов. Широко известны работы З.К. Тарланова по исследованию синтаксиса пословиц, исходным тезисом которого является утверждение о том, что «синтаксис пословиц — это синтаксис живой народной речи определенного периода, доведённый до совершенства» [Тарланов 1999: 39]. Это меткое и весьма перспективное для нашего исследования суждение (о совершенстве структуры малой фразеологической единицы) открывает возможность взглянуть на строение этикетной формулы как на нечто «системное», как на своеобразную «матрицу» вне конкретного акта речи, способную заполняться лексическими единицами, свойственными данному времени и данному региону. От этого функция и общий смысл формулы не меняется.

Этикетные речевые образования обладают особым синтаксисом, где живая спонтанная речь, являющаяся неподготовленной, неофициальной, некодифицированной и др. (см. напр. [Лаптева 2007; Шведова 1960]), однако, соединяется с устойчивыми формулами, которые следует произносить в той или иной ситуации. Зачастую такие формулы представляют собой диалоговые структуры: *Если ткачиха затыкала, а в это время кто зайдёт, то говорили: «Сиденье вашему!». А она и ответит: «Сидеть по-нашему!». Гость и садился, чтоб плотно хорошо садилось.* (Николо-Раменьё, Череп., Волог., СДК-41, 1987); *Помню, что вот хозяйка если ткёт, дак кто придёт, да пожеланье: «Сто локот на пришивицу». А хозяйка-то отвечала: «Сто рублей в карман».* (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008); *Как охотник идёт в лес, ему чё говорят? — «Ни пуха ни пера!». Он тоже должен сказать: «Иди ты к чёрту!».* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

В лингвофольклористическом аспекте хорошо изучены приметы и сноприметы. В работах Т.С. Садовой [Садова 2003; Она же 2021] выделены лингвистические особенности, связанные, прежде всего, с поиском «праформы» текста малого фольклорного жанра, имеющего безусловно древнее содержание. Рассуждения о маргинальности жанровой формы [Земцовский 1985: 24–30; Левинтон 1998: 56–71] одного «архаического содержания» очень важны при исследовании её «текучести» — так, примета способна «превращаться» и в запрет, и в сентенцию-гадание, она же может быть представлена в форме поговорки и (даже) пословицы.

Подобные свидетельства маргинальности, например, формы благопожеланий, прослеживаются и в нашем материале. Так, формула, произносимая при посадке растения, может являться условно-символическим приговором, или прагматико-ориентированным заговором, имеющим конкретную прагматическую цель, — вырастить хороший урожай: *Когда сажаешь (капусту), надо, чтоб никто тебя не видел. Надо сказать: «Расти, капуста, густа, голенаста и пузаста».* После этого хлопнуть себя три раза по ягодицам (Тотьма, Тотем., Волог, СДК-2000); *Ну, вот капусту садят, дак*

говорят: «Не будь голенаста, а будь коренаста!» (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); *На капусту приговаривали: «Не родись голенаста, а родись пузаста», — чтобы кочан наливался* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

В московской этнолингвистической школе активно изучались и изучаются малые формы обрядовой поэзии: лексические и культурно-мифологические особенности ритуальных приглашений, ритуал-диалогов, причитаний, гаданий (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова); символика текстов свадебного обряда (А.В. Гура) и др. Масштабный лексикографический проект «Славянские древности» — результат многолетней исследовательской работы, осуществленной учеными-этнолингвистами (с 1992 по 1996 г. — под руководством Н.И. Толстого).

Формы народного речевого этикета в связи с их жанровой неопределенностью и разнородностью исследуется в современной лингвистике не очень активно, но известны содержательные научные публикации Л.Ю. Зориной [Зорина 2012], описывающей в основном благопожелания Вологодской области. Интересны исследования В.В. Плешаковой [Плешакова 1997], посвященные изучению благопожеланий как особого фольклорно-речевого жанра. Показательны отдельные заметки Л.Н. Виноградовой [Виноградова 2016], О.А. Черепановой [Черепанова 1995: 169–176], О.В. Мешковой [Мешкова 2010: 69–72], В.Н. Гришановой [Гришанова 1999: 324–336] и др., связанные с некоторыми лингвистическими и литературоведческими аспектами этикета живой народной речи.

Материал настоящей диссертации имеет ряд специфических черт, охватывающих как формальные, так и содержательные характеристики изучаемых текстов: во-первых, как уже указывалось, он представляет собой разновременные полевые записи филологов-русистов ЛГУ / СПбГУ, сделанные в разных районах Русского Севера по программе этнолингвистической экспедиции. Во-вторых, взяв за основание (при выборке текстов из огромного массива записей) тезис о контактоустанавливающей

функции этикетных формул и форм, мы получили корпус текстов разной коммуникативной прагматики — от повседневных бытовых благопожеланий до обрядовых формул обращения и приветствия, которые используются не только при общении человека с человеком, но и человека с локальными духами, растениями, явлениями природы, «речевые контакты» с которыми мало чем отличаются от межчеловеческих. В-третьих, ряд текстов, вошедших в наш корпус, впервые вводится в научный оборот, т. к. имеет рукописный экспедиционный статус, не имевший публикационной формы, поэтому диссертация снабжена приложением с полным перечнем текстов, подвергнутых лингвистическому анализу. В-четвертых, записи фиксируют некоторые вариации устойчивых формул, что вызывает особый интерес в связи с вопросом о «границах традиции» [Виноградова 2016].

С.М. Толстая подчёркивает, что подобные устноречевые тексты обладают синтетической природой, «обращенностью к ритуалу, их кровной связью с этнографическим контекстом и верованиями и одновременно близостью к паремиологии, фразеологии, языковым клише, наконец, насыщенностью формальными и семантическими архаизмами» [Толстая 2002: 2], что позволяет рассматривать эти «открытые» тексты в различных аспектах.

1.3. Формы и формулы устноречевого текста

Фольклорные тексты, как известно, обладают формульной природой: «формульность в ее различных модификациях является непосредственным проявлением канона в традиционной культуре» [Мальцев 1989: 6]. Народный речевой этикет включает в себя разноформатные и разносодержательные формы и формулы, которые обусловлены, в основном, бытовой обязательностью и традиционной культурой — как общеэтнической, так и местной. Существуют различные точки зрения на определение форм и формул в фольклорном тексте.

Западноевропейские ученые М. Пэрри и А. Лорд, исследуя строение эпической песни, вводят понятие «формула» и дают следующее определение: формула — «группа слов, регулярно встречающаяся в одних и тех же

метрических условиях и служащая для выражения того или иного смысла» [Parry 1930: 80]. Дополняя и продолжая более детальную разработку теории Пэрри, А. Лорд рассматривает т.н. «формульное выражение», которое представляет собой «стих или полустих, строящееся по образцу формулы» [Lord 1960: 58]. Формулы по Лорду — это «не окостеневшие клише..., они способны изменяться и часто порождают множественно иных, совершенно новых формул» [Там же], что выражается в высокой вариативности фольклорной формулы в целом.

В отечественной науке формулы (как устойчивые выражения с особым эстетико-прагматическим заданием в составе фольклорного текста) привлекали внимание многих лингвистов и филологов, поскольку очевидность повторяемости наиболее типичных для конкретного жанра ряда лексико-стилистических единств, была настолько бесспорна, что зачастую не требовала отдельных заключений (см. [Буслаев 1861: 14–15]). Однако более детальная проработка вопросов вариативности, компонентной устойчивости, происхождения, вариативности и «живучести» той или иной формулы привела к необходимости исследовать формулу как конституирующую единицу фольклорного текста более подробно.

Так, словенский лингвист Ф. Миклошич одним из первых указывал на «“типические места”» (характерная черта фольклорного стиля героического эпоса), которые изучались на материале сербохорватского, болгарского, украинского и русского эпоса» [Егорова 2016: 270]. Примерно в этом же направлении, но на материале былин «типические места» всесторонне исследовали классики отечественной науки А.Ф. Гильфердинг и В. Миллер, внесшие большой вклад в изучение «формульного вопроса» языка фольклора. А.Ф. Гильфердинг выделил в былинах две составные части: «места типические, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собой типические места и в которых рассказывается ход действия» [Гильфердинг 1949: 57].

Известны труды А.Н. Веселовского, который подробно изучал устойчивые формы и формулы поэтического и обрядового текста, «прослеживал повторяемость “общих мест”, топосов, неизменных формул в широких хронологических и ареальных рамках литературы» [Веселовский 1989: 316]. Его исследование выполнено в историко-культурном аспекте с применением литературоведческих методов.

Принимается во внимание крупное теоретическое исследование традиционных формул Н. Рошияну [Рошияну 1974], выполненное на материале сказок (в основном румынских и некоторых сказках славянских, западноевропейских и восточных народов). Рассматривая структуру традиционных формул, Рошияну «устанавливает инвариантные модели, по которым реализуются конкретные варианты. Эти модели отражают, в конечном итоге, закономерности, которые лежат в основе традиционных формул» [Там же]. В этом направлении в настоящем исследовании предпринимается попытка выделить инвариантную и вариативную зону ЭФФ в каждом тематическом блоке, для чего используются методы классифицирования вариантов формул, применяемые в фольклористической текстологии⁴.

Кроме того, традиционные сказочные формулы рассматривали в своих работах Н.М. Герасимова, Н.М. Ведерникова, О.А. Давыдова, Г.Я. Сими́на и нек. др.⁵, предлагая различные толкования понятия традиционной формулы. Близкое в структурном отношении к нашему материалу определение предлагает Г.Я. Сими́на, которая отмечает, что «эти устойчивые формулы представляют собою предложение или группу предложений, ритмически организованных внешней или внутренней рифмой, лексическими повторами» [Сими́на 1977: 110]: *Если место готовишь, а кто чужой и вошёл, то говорит: «Спорынья в квашню!». А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!»* (Николо-Раменьё, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

⁴ См. параграф 2.2.

⁵ См. список литературы.

Традиционные фольклорные формулы стали объектом исследования Г.И. Мальцева, видевшего в них «устойчивые компоненты традиционного текста — постоянные эпитеты, устойчивые сравнения и тропы, “типические”, “общие места”, “подвижные отрывки”, тематические стандарты, стилистические клише, образные стереотипы и т. п.», которые «оформляют ситуации, образы персонажей, их чувства, действия, характеристики, речи, изображение природы, течение времени и т. д. вплоть до мельчайших стилистических деталей» [Мальцев 1989: 3]. Мальцев проводил анализ особенностей формул русской необрядовой лирики в актуальной фольклорной традиции, выявляя в них эстетическую специфику.

Безусловно, историки, литературоведы и культурологи внесли серьезный вклад в изучение устноречевых форм и формул, чьи замечания автором диссертации принимаются во внимание. Однако нужно подчеркнуть, что в настоящей работе этот вопрос рассматривается с лингвистической точки зрения.

В этом ключе отмечаются работы А.Т. Хроленко [Хроленко 1981: 3–16], который на материале русской лирической песни предложил первое лингвистическое (что особенно важно — лингвофольклористическое) описание типов фразеологизмов в связи с понятием о формуле как основной единицы языка фольклора. Изыскания Хроленко важны и с точки зрения его значительного исследования семантики фольклорного слова в целом [Хроленко 1992].

Принципиально отличается от всех предыдущих лингвистическое исследование П.П. Червинского, который рассматривает форму как «грамматическое устройство традиции, ощущение фольклорной семантики как языка» [Червинский 2011: 27]. Ученый представляет специфический взгляд на исследование традиционных формул песенного фольклора.

Наконец, актуальным представляется подход Г.Л. Пермякова, который изучал совокупность малых форм фольклора и предпринял попытку создать «общую теорию клише». Форму в таком случае он понимает очень широко,

приравнивая её к фольклорному «открытому» жанру, способному менять свой жанровый статус в зависимости от контекстуальной необходимости. Он выделяет несколько форм: 1) часть предложения (фразеологизмы); 2) предложения (пословицы, поговорки); 3) цепочки предложений разной длины (побасенки, басни, анекдоты); диалоги (шутки, деловые формы) [Пермяков 1970: 103–104]. В структурном отношении к нашему материалу эта теория может быть применима частично, относительно двух последних пунктов: ЭФФ в основном представляют собой предложения или цепочки предложений (диалогические тексты⁶) в функции приветствия, благодарности, прощания и нек. др.: *«Бело стирать (мыть)!»* (Тотьма, Волог., СДК-2000); *А труд на пользу! — Спасибо. «Бог на помочь!»*. *Раньше всё: «Бог на помочь»* ведь, а тут стал *«труд-то»*. (Кобелёва, Пин., Арх., СДК-2008); *Работат кто, скажут: «Торговать в пользу!»*. *А хто и ответит: «Не знам, може пользы нет, а делам»*. (Усть-Пёза, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

Все существующие подходы к исследованию устноречевых форм и формул освещают различные аспекты изучения устойчивых речевых единиц народной речи. Однако всё же очевиден и ряд сходных суждений при известных различиях в терминологии. Так, общими признаками для т.н. «формульного факта» признаются его «стереотипность, устойчивость, повторяемость» [Мальцев 1989: 5]. Эту точку зрения разделяет известный исследователь русского фольклора И.А. Разумова [Разумова 1984], которая называет формулы «формульными стереотипами» и выделяет наиболее общие признаки: «1) *стабильность*, основанную на жесткой структуре, синтаксической и лексикосемантической идентичности и, в большинстве случаев, на ритмико-звуковой организации; 2) *устойчивость* как постоянство в процессе передачи традиции, иными словами “формула сохраняется во времени (на определенном этапе бытования жанра) и воспроизводится разными исполнителями, встречается в сказках на разные сюжеты,

⁶ См. параграф 2.3.

повторяется в одном и том же тексте”; 3) *цельность* заключенного в стереотипе смысла, значения» [Егорова 2016: 274]. Эти признаки характерны и для этикетных форм и формул народной речи.

Одно и то же «формульное» явление исследователи называют разными терминами: «типические места» (А.Ф. Гильфердинг), «общее место» (А.Н. Веселовский, П.Г. Богатырев, Е.М. Мелетинский и др.), «формульное выражение» (А. Лорд), «лейтмотив» (П.Г. Богатырев, Л.А. Астафьева), «формульный стереотип» (И.А. Разумова) и нек. др.

Основными единицами настоящего диссертационного исследования терминологически обозначены этикетные фольклорные формулы — как широкое именование традиционных устойчивых текстовых единиц, выполняющих этикетную функцию в различных, культурно маркированных ситуациях. Таким образом, этикетная формула в работе понимается как устойчивая, национально специфичная единица речевого общения: *«С лёгким паром!»* — *кто помылся. А кто не помылся: «С будущим!»* (Тотьма, Волог., СДК-2000), этикетная форма — как устойчивая (в плане содержания), но свободная (в плане конкретного языкового выражения) единица речевого этикета, бытующая в речи конкретного диалектоносителя. Иными словами, это некая устойчивая модель традиционного содержания, способная включать в себя и новое содержание, «претендующее» на традиционность. Например, нередко информанты говорят, что сами придумывают некие пожелания, «говорят своими словами», сохраняя при этом общие структурные признаки традиционной формулы: *«Труд на пользу!»*. *«Здоровье в руки!»*. *«Чистота в избе!»* *Бывает, и сам придумает.* (Устрека, Мошенск., Новг., СДК-45, 1989); *Всегда нужно поблагодарить. «Спасибо, банька милая» — своими словами. Всегда говорю. «Ой ты умница моя». Со всеми разговариваю: хоть теплица, кого похваляю, кого поругаю* (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

В любом традиционном социуме, как известно, формируется система правил поведения, правил речи, правил семейного существования и т.д.,

зачастую уходящих корнями в мифологическое прошлое — своеобразный и всегда культурно маркированный этический кодекс.

Этика как широкое, объёмное культурное явление, регулирующее нравственное поведение человека в обществе, включает в себя важный элемент — этикет (от фр. *étiquette* — этикетка, надпись) как «установленный порядок поведения, форм обхождения где-л.» [МАС 1988: 769]. Знание этикета является необходимым, поскольку в обществе «важным, значительным и достойным признается сделать известный знак, знак уважения и почтения, знак любви и сочувствия и т.д.» [Бердяев 1993: 213].

В традиционном социуме область этического порой определить достаточно сложно, поскольку нет установленных норм поведения и общения, признаваемых в общепринятом смысле. Существует система особых правил, предписаний и запретов, имеющая «высокую степень регламентации всего жизненного уклада: строго регламентированы (и ритуализованы) работа, отношения полов, семейные и социальные роли, пространство, время, еда, речевое поведение, отношение к животным и растениям и т.д.» [Толстая 2000: 373]. Эти регламентации в повседневной коммуникации сопровождаются в том числе и рядом формульных условно-этикетных речевых единиц.

Проблема формульности речевых единиц рассматривается в настоящем исследовании в рамках этикета народной речи.

Явления речевого этикета и этикета в целом обширно изучены в различных аспектах. Работы Н. И. Формановской [Формановская 1989], В. Г. Костомарова [Костомаров 1967: 56–62], А.А. Акишиной (в соавторстве с Н.И. Формановской) [Акишина, Формановская 1975], В.Е. Гольдина [Гольдин 1978], И.А. Стернина [Стернин 1996], А.Г. Балакая [Балакай 2002], В.И. Карасика [Карасик 2003], А.В. Занадворовой [Занадворова 2003], Н.Г. Тырниковой [Тырникова 2003] посвящены как общекультурным, так и сугубо лингвистическим вопросам речевого этикета. В приведённых работах авторы описывают явления, прежде всего, городской речи.

Народноречевой этикет отчасти встраивается в общую теорию речевого этикета и подпадает под те признаки, которые выделяет И.А. Стернин: ситуативность, регулятивность, согласованность, наличие коммуникативной рамки [Стернин 1996: 4–5]. Однако всё же система этикетных норм крестьянского быта имеет свои отличительные черты. Так, например, в народноречевом этикете «в качестве партнера по коммуникативному акту может выступать не только человек, но и практически любой другой объект, который приобретает человеческие атрибуты в акте общения. Происходит своеобразная “тотальная антропоморфизация” природы. Таким образом, правила этикета могут соблюдаться не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к зверю, дереву, земле, а также духам предков, персонажам народной демонологии и т. д.» [Байбурин, Топорков 1990: 7]. Таковы, например, а) обращения к домовым, лесовым и пр.: *Дедушка-домовейушка, пусти, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги.* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Говорят, надо идти, выбрать место, спросить хозяина: «Хозяин-лесовой, пусти меня не ночь ночевать, а век вековать».* (Чёрная, Бат., Новг., 1988); б) обращения к персонифицированным праздникам: *В Егорий возьму иконку и весь двор обойду, и приговариваю: «Егорий-батюшка, сохрани мою скотинушку от злых людей, от зверей», а то два ремешка постелю накрест и замок повешу на первую дверь на двор, тогда коровушка будет дома держаться* (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987); в) обращения к растениям: *Кидали ногой-то через голову, да — «Расти, лёнок, большой да долгой», говорили, да вроде как песок бросали, вроде как песок, помню вот, что бросали и говорили всё.* (Анфалово, Череп., Волог., СДК-38, 1987) и под.

В рассматриваемых ЭФФ тесно переплетены элементы «обрядовости» и «этикетности». Этот вопрос в современной науке так и остаётся до конца не решённым. С одной стороны, очевиден архаичный мифологический подтекст, с другой — ярко выраженное «сгущение мысли» [Гречко 1985: 177], затемненное значение воспроизводимой формулы, забытое современным

диалектоносителем. «*Беленько Вам!*» — говорят женщине, которая занята стиркой. Однако такие этикетные формулы в речи необходимы и даже обязательны в употреблении в конкретных ситуациях, т.к. «ссылка на закон предков (“так делали раньше”, “так установили предки”) — основной и универсальный способ мотивации действий в данной системе поведения» [Байбурин 1985: 12]. Интересно, что в этом случае «вопрос “почему так и не иначе?” не имеет значения, т.к. весь смысл традиции как раз в том и состоит, чтобы делать так, как это было сделано “в первый раз” во время “первых поступков”. Подобная универсальная мотивация действий является следствием такого совмещения диахронии и синхронии, при котором прошлое (миф или мифологизированное предание) выступает в качестве объяснения настоящего, а иногда и будущего» [Левада 1965: 111]. Видимо, диалектоноситель воспроизводит интуитивно только те формулы, которые ему кажутся знакомыми, которые ему что-то подсказывают именно в силу их традиционности: «вымирают или забываются, до очереди, те формулы, образы, сюжеты, которые в данное время ничего нам не подсказывают, не отвечают на наше требование образной идеализации; удерживаются в памяти и обновляются те, которых суггестивность полнее и разнообразнее и держится долее» [Там же: 58].

Устойчивые фольклорные формулы и их вариативность всегда обусловлены традицией [Чистов 2005]. Ещё А.Н. Веселовский отмечал, что «это кадры, в которых привыкла работать мысль и без которых она обойтись не может» [Веселовский 1989: 74]. Причём — «эти кадры ветшают; их живучесть зависит от нашей способности подсказать им новое содержание и от их — вместимости» [Там же]. Диалектоносители в таких случаях нередко придумывают сами новые устноречевые формы, ориентируясь при этом на традиционную структуру уже устоявшейся, принятой всеми речевой этикетной формулы. Так, например, принято благодарить друг друга за хорошо оказанную услугу или помощь. В сельском социуме такими помощниками, которых необходимо благодарить, нередко могут выступать

антропоморфизированные явления природы, например, лес: *Надо, говорят, в лес зайти дак на четыре стороны поклониться и попросить, как говорится: «Лес-батюшка, а земля-матушка, дай...»*. И выйти, и спасибо сказать (Колодозеро, Пудож., Карелия, СДК-2006); предметы хозяйства, например, баня: *Всегда нужно поблагодарить. «Спасибо, банька милая» — своими словами. Всегда говорю* (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023). Как видно, семантическая пропозиция форм в этих случаях не меняется, меняется лишь их структура в соответствии с культурными представлениями диалектоносителя. «Формульность» как таковая сохраняется в этом случае в интенции адресанта (выразить благодарность), что выражается в лексической наполняемости этикетной — в данном случае — формы.

Таким образом, формы и формулы устноречевого этикетного текста сохраняют признаки стабильности, устойчивости, цельности и повторяемости. Все четыре признака отчетливо характеризуют функционирование этикетных формул как устойчивых единиц речевой культуры. Признак стабильности не соблюдается в тех случаях, где отмечается иная интерпретация структуры и смысла речевого выражения, что заметно проявляется в этикетных формах. Однако и те, и другие формируются в рамках традиции, что позволяет делать вывод об универсальной устойчивости ЭФФ и их закреплённости в сознании жителя Русского Севера.

1.4. Описание материала исследования

Основным материалом диссертационного исследования служат полевые записи экспедиций Архива СДК кафедры русского языка СПбГУ, сделанные студентами, аспирантами и преподавателями университета с 1984 по 2024 г. во время научных экспедиций по специальной экспедиционной программе этнолингвистической направленности, в количестве почти 400 единиц, фиксирующих анализируемые ЭФФ, воспроизводимые в конкретных бытовых ситуациях жителя Русского Севера. Необходимо уточнить, что под Русским Севером вслед за Т.А. Бернштам и К.В. Чистовым понимается обширный «историко-географический ареал» [Бернштам, Чистов 1992: 3–6], в который

«включены Архангельская, Новгородская, Псковская, Вологодская, Ленинградская, Тверская, части Ярославской, Костромской и Пермской областей, Республики Карелия и Коми» [Мельникова 2017: 18].

Исследуемые речевые формы и формулы встречаются в разных рубриках экспедиционного классификатора, наиболее актуальными из которых являются разделы «Народный этикет», «Хозяйство», «Фольклор», «Демонология» и подразделы «Сев и жатва», «Ткачество», «Праздники», записанные, в основном, в Архангельской, Вологодской и Новгородской областях. Привлекаются контексты, зафиксированные в Ленинградской и Тверской областях и Республики Карелия.

Все исследуемые формы народной речи, выполняющие этикетную функцию, в работе рассматриваются в сложном культурном обрядово-этикетном единстве и классифицируются по нескольким критериям.

Первый критерий для классификации — характеристика степени устойчивости бытования той или иной формы в речи и её закреплённости в сознании диалектоносителя. При этом устойчивость может выражаться как в грамматической структуре формы, так и в её содержательной стороне. В таком случае ЭФФ делятся на этикетные формулы (устойчивые единицы) и этикетные формы (устойчивые по содержанию, но свободные по конкретному языковому выражению).

Этикет народной речи представляет собой сложноструктурированное культурное целое, зачастую генетически связанное с обрядом (ритуалом). С точки зрения этнографов и культурологов, этикет «выделился из обычаев и обрядов сравнительно поздно; в народной культуре отделить с достаточной степенью определенности сферу этикетного поведения от ритуального часто бывает весьма затруднительно либо вообще невозможно» [Виноградова 2000: 325]. В связи с этим к народноречевому этикету относятся не только формулы общения между людьми, но и, например, обращения к персонажам народной демонологии, (нередко фигурирующих в обрядовых действиях), в частности — домовым, которые тоже принимают непосредственное участие в

жизни и быте села. Очевидно, что это особый тип мифологизированного общения, который не регламентируется этикетом городской современной речи. Из сказанного закономерно вытекает **второй критерий** для классификации — соотнесенность исследуемых речевых форм с обрядом, вследствие чего их можно разделить на собственно этикетные (формы и формулы приветствия, прощания, благодарения и под.) и обрядово-этикетные (формы и формулы обращения к мифологическому патрону, запреты и др.). При этом ЭФФ почти всегда ситуативно обусловлены, в связи с чем их можно разделить на тематические блоки, которые отражают повседневный быт сельчанина и выстраивают прагматико-ориентированную коммуникацию. Наш материал освещает 16 таких блоков-ситуаций, которые в свою очередь, можно объединить в две группы: **I. Труд, хозяйствование, промысел:** 1) Труд (*Труд на пользу! Бог в помощь! Привет труду!*); 2) Ткачество (*Сто локот на пришивицу!*); 3) Рыболовство (*Клёв на уду! Ни чешуйки ни хвоста! — К чёрту!*); 4) Охота (*Ни пуха ни пера! — К чёрту!*); 5) Стирка (*Беленько мыть! Бело на воде!*); 6) Доеение коровы (*Море под коровой! Река молока! Море до колена!*); 7) Приготовление пищи (*Спорынья в квашню!*); 8) Огородничество (*И на нищего, и на завидующего! Не будь голенаста, а будь коренаста!*); 9) Сбор даров леса (*Дай Бог грибов на полную корзину!*). **II. Дом, дорога, человек:** 1) Трапеза (*Чай да сахар! Хлеб да соль!*); 2) Баня (*С лёгким паром! Пар в баню! Божья благодать!*); 3) Дорога (*Счастливого пути! В дальнюю дорогу!*); 4) Дом (*Мир вашему дому!*); 5) Чих, кашель, зевота (*Будь здоров! Счастлив будь!*); 6) Сон (*Мать перед сном молитву учила меня говорить: «Ложусь со Христом / Награждаюсь крестом. / Там ангелы стоят / Мою душу сторожат». Так три раза*). **III. Праздники** (*Батюшка-Покров, дай хорошую свекровь!*).

При этом некоторые тематические блоки могут классифицироваться по гендерным и возрастным признакам: некоторые ситуации относятся только к миру мужчин (охота, рыболовство), некоторые — исключительно к сфере

женских занятий (стирка, приготовление пищи), но есть универсальные (труд, урожай и под.).

Рассматриваемые этикетные речевые формы по структурным признакам могут принимать то или иное фольклорно-жанровое обличие. Однако, как известно, в народной речи один жанр может легко встраиваться в другой, а тот в свою очередь — в третий, поэтому «жанровая» классификация, особенно малых фольклорных форм, зачастую приводится весьма условно. Этот вопрос и по сей день остаётся для фольклористов закономерно открытым. В связи с чем **третьим критерием** для классификации этикетных форм (конкретной записи) народной речи является их соотнесённость с определенным речевым (фольклорным) жанром. Исследуемые формы могут представлять собой благопожелание, примету, пословицу, приговор, заговор и под.

Как видно, исследуемый материал позволяет создать детальную классификацию всех ЭФФ, которые характеризуются в диссертации по трем описанным критериям: 1) устойчивость грамматической и содержательной формы; 2) обрядово-этикетная соотнесённость; 3) фольклорно-жанровая соотнесённость.

1.5. Выводы по главе I

1. В современной науке этнолингвистика — актуальное лингвистическое направление, изучающее взаимопроникновение языка и культуры в архаических формах. ЭФФ рассматриваются в настоящем диссертационном исследовании в этнолингвистическом и лингвофольклористическом аспектах, в связи с чем учитываются три основных уровневых кода: вербальный, акциональный и предметный. Таким образом, что этикетные формулы в условиях традиционной коммуникации выступают как речевые единицы культуры.

2. При лингвистическом анализе ЭФФ учитывается специфическая культурная оппозиция «обряд — этикет» и ряд связанных с ней семантических

оппозиций: «сакральность — повседневность», «коллективность — индивидуальность», «знаковость — незнаковость».

3. Основными терминами исследования являются «этикетные формы и формулы народной речи (ЭФФ)», «этикетная формула», «этикетная форма», «фольклорный жанр». ЭФФ в работе рассматривается как широкое именование традиционных устойчивых текстовых единиц, выполняющих контактоустанавливающую функцию в различных, культурно маркированных ситуациях. **Этикетная формула** в этом случае — это устойчивая, национально специфичная единица речевого этикета, имеющая широкое распространение и во многом утратившая мифологическую или иную архаическую основу, сохраняющая в своей структуре ядерные лексические компоненты (слово или сочетание слов). **Этикетными формами** именуется устойчивые речевые единицы, записанные и, предположительно, бытующие на ограниченной территории Русского Севера, либо такие, которые содержательно и функционально выполняют роль этикетных речевых правил, но выражены «вольно», без опоры на ядерные компоненты всем известной формулы. В контексте рассуждений о структурных единицах народной речи требует специальной оговорки и термин **фольклорный жанр**, который в работе понимается как устойчивая традиционная форма произведения конкретной функциональной заданности, в которую могут «облачаться» ЭФФ.

4. ЭФФ обладают стабильностью, устойчивостью, цельностью и повторяемостью, что позволяет им функционировать в рамках традиции. При этом признак стабильности, выражающий «жесткость» структурно-семантической конструкции, может не соблюдаться в этикетных формах различной функции (приветствие, благодарность, прощание) в силу интерпретации диалектоносителя, обладающей высокой вариативностью.

5. Материалом исследования служат 395 единиц текстовых записей Архива СДК кафедры русского языка СПбГУ, фиксирующих анализируемые ЭФФ, обусловленные бытовой действительностью жителя Русского Севера.

6. ЭФФ классифицируются по трем основным критериям:
1) устойчивость грамматической и содержательной формы; 2) обрядово-этикетная соотнесённость; 3) фольклорно-жанровая соотнесённость. При анализе учитываются 16 тематических ситуативно обусловленных блоков.

Глава II. Этикетные формы и формулы в повседневной речи жителя Русского Севера: функционирование, прагматика, языковая специфика

ЭФФ в условиях традиционной коммуникации представляют собой комплекс единиц речевой культуры, обусловленных историко-культурным пространством регионов Русского Севера и разновременной характеристикой собранных полевых записей (1984–2024). С учетом формата полевой записи (рукописный; печатный; с помощью записывающей техники), которая осуществлялась студентами, аспирантами и преподавателями кафедры русского языка СПбГУ (ЛГУ), этнолингвистическая направленность экспедиционной программы требует ряда оговорок в связи с предстоящим анализом конкретных текстов:

а) основой тематической классификации ЭФФ является программа-вопросник «Духовная культура Русского Севера в народной словесности», согласно которой производился сбор материала;

б) тематическая классификация представляет собой распределение текстов по сферам их практического бытования, что во многом определяет рассмотрение их коммуникативной функции;

в) анализируется языковая специфика всех форм (как внеобрядовых, так и обрядовых) повседневной коммуникации человека, находящегося в рамках т.н. традиционного общения, т.е. культурно маркированного, с учётом различных типов коммуникантов (человек + человек, человек + мифологический персонаж и под.) в их основной контактоустанавливающей (прагматической) функции.

2.1. Сферы бытования ЭФФ: тематические группы

В сельском социуме в повседневной традиционной коммуникации ЭФФ функционируют практически во всех бытовых сферах жителя Русского Севера. Согласно вопроснику, разделённому на тематические рубрики, анализируемые речевые сегменты встречаются: в разделе «Хозяйство» и его подразделах «Ткачество», «Дом. Двор», «Скот»; в разделе «Природа» и его

подразделе «Растения»; в самостоятельных разделах «Демонология», «Фольклор», «Календарь», «Народный этикет», что составляет большую часть классификатора. Эти разделы являются основой для тематической классификации ЭФФ, которая может быть представлена в виде таблицы 1. Все ЭФФ могут быть разделены на **собственно этикетные (СЭФФ)** и **обрядово-этикетные (ОЭФФ)** (в ситуациях *Дом, Лес, Огородничество, Праздники*), собранные в несколько тематических блоков-ситуаций, которые в свою очередь распределяются по трём группам: **И. Труд, хозяйствование, промысел. II. Дом, дорога, человек. III. Праздники.**

И. Труд, хозяйствование, промысел

В представленной группе анализируются ЭФФ, связанные с выполнением разнохарактерного труда или промысла, притом — с учётом гендерного признака. В деревне традиционно выделяются исключительно женский вид деятельности (ткачество, приготовление пищи, стирка) и мужской (рыболовство, охота, колка дров).

Труд

Материал настоящего исследования составляют многочисленные ЭФФ, связанные с выполнением человеком какой-либо работы. Такие формулы Л.Ю. Зорина называет «трудовыми благопожеланиями» [Зорина 2012: 31]: *Бог в помощь! Труд на пользу! Помогай Бог!* и др. Действительно, зачастую эти формулы-универсалии выполняют функцию приветствия с семантикой благопожелания, которые диалектоноситель произносит при случайной встрече на улице с человеком, занятым каким-либо делом (полевыми работами, колкой дров, стиркой и под.): *Если пашет или жнёт, говорили яму — кто скажет: «Бог помочь!» или «Труд на пользу!»*. (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991); *Дак это всегда говорили. Это кода дрова колят, я грю: «Ну, Бог помогают тебе?» — «Помогает»*. (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024); или же приветствует трудящегося в доме (ткачество, приготовление пищи и под.): *А некоторы приговаривали: «Труд на*

пользу!» — когда в дом входили, если ткёт кто. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Как видно, нередко в контекстах упоминается конкретный вид работы, при котором желательно употребить «трудовую» этикетную формулу. Но есть и такие контексты, когда подобная универсальная формула произносится без уточнения тематики «трудовой» ситуации, на что указывает глагол *работает* в безличной конструкции: *Бог помочь вам! — если работает.* (Старорусс., Новг., СДК-54, 1994); или отглагольное существительное *работа* в позиции предиката: *Человек за работой — «Бог помощь!» — говорят* (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997); или в позиции обстоятельства в сочетании с определительным местоимением «любой»: *«Труд на пользу!» — говорили при любой работе.* (Игнатово, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Такие ЭФФ можно разделить на две большие группы по наличию ядерного лексического компонента: «Бог» и «труд»:

ЭФФ с ядерным компонентом «Бог»:

Бог на помощь / Бог на помощь / Бог на помощь / Бох на помощь! (20)
Бог в помощь! (7) / Без Бога ни до порога! (2) / Бог помощь (2) / Божья
помощ(ч)ь! (2) / Помогай Бог! / Помоги вам Бог! (5)

ЭФФ с ядерным компонентом «труд»:

Труд в пользу! (4) / Труд на пользу! (9) / Привет труду! (2) Слава
труду! (1) Успех труду! (1)

Есть и те, которые отличаются по своему лексическому составу и встречаются в единичных контекстах: *Дело в пользу! Торговать в пользу!* *Успех в работе!* и нек. другие.

Всего наш материал насчитывает 74 употребления «трудовых» ЭФФ. Это самая большая количественная группа.

Как уже было сказано, в материале наблюдается достаточно широкая группа контекстов, в которых ЭФФ употребляются в соответствии с конкретной тематикой «трудовой» ситуации, на которую указывает, как правило, семантический предикат: *Здоровались: «Сто локот на*

пришивицу!» — если *ткёт*. Ответят: «Спасибо», — да и всё. (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985); *Если кто-нибудь бельё полощет, а ты мимо идёшь, подойдёшь и скажешь: «Белёнько полощи!»*. А тебе и ответят: «Спасибо!» (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987). Такие формулы имеют особую языковую специфику, отражающую во многом мифологизированное диалектное сознание говорящего и слушающего. Их следует рассматривать в отдельных полноправных группах.

Ткачество

Ткачество как особый вид женского ремесла связано с мифологическими представлениями о «создании жизни человека, социума и Космоса на основе идеи привнесения гармонии в хаос, преобразования природного в культурное» [Валенцова 2012: 278]. Процесс ткачества сопровождается особыми «магическими приговорами на всех этапах этого ремесла, включая сев, прополку, уборку волокнистых растений, их первичную обработку, переработку готового волокна в нить (прядение), подготовку ниток в тканью (мотание и снование), собственно тканье и обработку полотна (выбеливание)» [Павлова 1993: 170–183]. Наш материал из всего обрядового комплекса этикетных формул-приговоров фиксирует лишь те, которые произносятся в качестве благопожеланий ткачихе, занятой процессом тканья. Специфические ЭФФ могут различаться по своей структуре, но обычно это диалоговый текст-приветствие, предполагающий различные варианты ответной реплики:

Спех тебе за став (стаф)! (1) / Спех за крёснами! (1) / Сто локот на пришивицу! (5) — Сто женихов под окошко! (1) / Спасибо! (1) / Сто рублей в карман! (2) / Сиденье вашему! — Сидеть по-нашему! (1).

Материал СДК насчитывает 8 употреблений.

Стирка и полоскание белья

Ещё одно исключительно женское занятие, которое может сопровождаться приветственными ЭФФ. Формула имеет множество разных вариантов как фонетических, так и лексических, и даже грамматических:

Беленько! (6) / Беленьке тебе! / (1) Беленько вам! / (1) Беленько полощи! (1) / Набело Бог на помочь! / Набело, Бог на помочь! (3) / Бело стирать (мыть)! (1) / Набело корыто! (1) / Помогай Бог! (3) / Бело на воде! (2) — Спасибо! (3).

Материал СДК насчитывает 16 употреблений. Как показывают материалы экспедиций последних лет, ситуация стирки или полоскания белья на улице / в реке перестает быть актуальной, что закономерно для современных реалий.

Доение коровы

Особое ритуальное действие сопровождается приветственными ЭФФ в диалоговой форме: *Море молока! (1) / Море под коровой! (2) / Море под корову! (1) — Дай Бог боле! (1) / Море до колена! (1) — Река молока! (2) / Ведро молока! (1) / Ведром! (1)*

Кроме того, существует ряд этикетно-вербальных запретов, связанных с ритуализированными предметами, задействованными в процессе доения коровы: *молоко, подойник*, что тоже входит в систему народноречевого этикета как обязательный элемент:

1. *С молоком идёшь — не здоровайся. Поставь, дак тогда здоровайся, иду с молоком и уж молчу.* (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

2. *Доя корову, дак не здороваюца, и с молоком пойдёшь — тоже.* (Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

3. *С подойником идёшь да с молоком — здороваться нельзя. Поставишь молоко, да и здороваешься, чтобы не изурочил кто.* (Горушка, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

4. *Иду с подойником, дак молчу, поставлю, потом здороваюсь.* (Прилук, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

5. *Говря нельзя говорить, когда доя. Вот и не говоришь.* Горушка, (Пин., Арх., СДК-23, 1985).

6. *Идёшь с подойником со двора, скорей молоко ставишь, потом здороваешься, а с молоком поздоровалась — «Пусть Бог прощает нас грешных», - скажешь. (Гора, Пин., Арх., СДК-26, 1985).*

7. *Доя корову, дак не здороваются, с молоком пойдёшь — тоже. (Слуда, Пин., Арх., СДК-26, 1985).*

8. *Нельзя кода молоко несёшь, поставь его, тогда здоровася, а с молоком — не здоровася. С подойником идёшь — тожсы не говори ничо, пока не поставишь, не занесешь, так-от что хошь бутте, иди мимо, не разговаривай. (Сура, Пин., Арх., СДК-21, 1985).*

9. *Во хлеве не здоровайся, со скотиной коды живёшь, гони, во двор не пускай никогда никого, нельзя пускать никого ко скоту. (Сура, Пин., Арх., СДК-21, 1985).*

10. *И вот была примета: через реку молока не давать. Если с молоком идёт (женщина), то говорить нельзя, ни ставить нельзя и по гостям ходить нельзя с этим молоком, пока по дому не дойдёшь. Молоко из рук в руки не передают. Это на корову отражается. С молоком шутки плохи. (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008).*

Всего по этой тематике зафиксировано 16 употреблений ЭФФ в материале СДК. Последние годы экспедиций (начало XXI века) не фиксируют использование таких ЭФФ в связи с уменьшением ведения скотоводства в сельском хозяйстве.

Приготовление пищи

Наш материал даёт всего три контекста этого тематического блока, фиксирующих употребление одной этикетной формулы: *Ранешни времена не таки были — теперь пошёл в магазин и купил хлеба-то, когда я девкой была, хлебушко сами пекли, вкусной был, вот поставишь квашонку и выжидаешь времечко-то, аכותь гость войдёт, скажет: «Спорынья в квашню!», чтобы хлеб вкусный был. (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987); Когда квашню замешивают, раньше говорили: «Спорынья в квашню!». (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987); Если тесто готовишь, а кто чужой и вошёл,*

то говорит: «*Спорынья в квашню!*». А ты отвечаешь: «*Сто рублей в мошну!*». (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987). Показательно, что все контексты записаны в одно время (Вологодская область, 1987 год). В последующие годы в экспедиционных записях практически не фиксируются контексты, описывающие подобную ситуацию.

Огородничество

В тематике огородничества наблюдается самое широкое многообразие ОЭФФ в функции обращения к овощным культурам (лук, картофель, капуста), культурным растениям (лён, рожь) и под. В отдельных регионах Русского Севера отмечается особая система ОЭФФ. В нашем материале ярко представлены Вологодская и Ярославская области.

Выводится на нищего, на пищего! (1) / Не родись голенаста, а родись пузаста! (2) / Не будь голенаста, а будь коренаста! (1) / Не будь голениста, а будь корениста! (1) / И на нищего, и на завидущего! (1) / Расти с Богом для себя и для людей! (1) / Родись, картошка! Ветка — в оглоблю, картошка — в колесо (1) / Расти, картошка, по колесу, а плётка — по оглобле! (1) / Расти, капуста, густа, голенаста и пузаста! (1) / Расти головаста, не голенаста! (1) / Расти на нищих, на пищих (писчих), на всех крещёных людей! (1) / Расти сочная, круглая (о капусте) (1) / Расти, вейся, на уход не надейся! (1) / Расти с Богом! (1) / Расти с голову! (3)

Занятие огородничеством остается актуальным и в современной деревне. Наш материал фиксирует 25 употреблений таких формул. В материале встречаются также акциональные формулы, не имеющие вербального сопровождения.

Лес

Посещение леса требует соблюдение особых предписаний. Лес принимает антропоморфные черты, в связи с чем человеку в лесу необходимо соблюдать правила этикета, в т.ч. речевого, предполагающего использование ЭФФ. Перед тем, как зайти в лес, нужно поприветствовать его: «*Здравствуй, лес!*» (Троица, Любим., Яросл., СДК-2024); в случае удачного сбора грибов

или ягод нужно поблагодарить: *«Дух леса, спасибо тебе!»* (Фомино, Любим., Ярослав., СДК-2024); для того, чтобы лес щедро наградил своими дарами, следует использовать ЭФФ в функции просительства / упрощивания / задабривания лесного хозяина: *Ходишь и говоришь: «Дай Бог грибов на полную корзину!»*. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023). *Если пошла в лес не благословясь, то заблудишься. Как входишь в лес, сказать надо: «Господи, благослови»*. (Дубр., Череп., Волог., СДК-39, 1987). *Крестятся и говорят: «Добрый хозяин, помоги нам набрать ягод и грибов!»*. (Новосёлки, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

С лесом как сакральным, «чужим», иномирным пространством связаны некоторые «лесные» запреты, которые необходимо строго выполнять, чтобы не накликать беды: *В лесу-то леша. То скажут: «Понеси тебя леший!»*. Так это сказала, и ушли с концом наши всё-то. *Нельзя лешакаться в лесу-то*. (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

Всего в материале СДК зафиксировано 15 употреблений этикетных форм.

Материал СДК фиксирует разнообразие проклятий и бранных выражений, содержащих в своей структуре номинации лесного хозяина. Эти речевые формулы являются свидетельствами антиэтикета, что противопоставляется всем ЭФФ.

Рыболовство

Одно из мужских занятий, имеющее множество особых примет, запретов и приговоров: *Клёв на уду! (3) / Счастливого улова! (1) / Ни чешуйки ни хвоста! (1) — К чёрту! (1) / Ни хвоста ни чешуи! (1) — Спасибо! (1) / Ни рыбы, ни хвоста! (1) — Иди к чёрту! (1) / Ни чешуи ни хвоста! (1) / Помоги, Господи! (1) / Клюй, рыбка, большая и маленькая! (1) / Человек ищет где лучше, а рыба — где глубже (1) / Мель пусть будет глубиной (1)*

Шутливое, но безусловно имеющее табуистическое начало (т.н. заклинание от обратного): *Утонешь — не приходи!* (Закобьякино, Любим., Ярослав., СДК-2024).

В материале СДК встречается 13 разнообразных употреблений.

Охота

Ещё одно мужское занятие насчитывает несколько ритуализированных ЭФФ: *Ни пуха ни пера! (4) / Помоги тебе Боже! (1) / Счастливой охоты! (1)*
Обязательный ответ: К чёрту! / К чёрту (3 раза)! Иди ты к чёрту! Да иди ты к чёрту! Шутливое: *Ни в кого не стреляй и сам не застрелись!* (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024).

В материале СДК встречается 10 употреблений такой формулы.

II. Дом, дорога, человек

В группе представлены тематические ситуации, в центре которых оказывается человек и его быт дома / в дороге. В ряде случаев этикетные установки совмещаются с мифологическими (обрядовыми) представлениями, издревле свойственными русскому деревенскому культурному пространству, что проявляется в структурно-семантических особенностях обрядово-этикетных форм и формул.

Трапеза

Трапеза, как правило, домашняя, сопровождается приветственными ЭФФ с благопожелательной семантикой: *Зайдёшь, а там обедают, скажешь: «Хлеб с солью». А скажут: «Лоб с мозолью». «Хлеб да соль, ем да свой».* (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985); *Когда едят, то заходят и говорят: «Хлеба исть!».* А отвечают: *«Спасибо!».* (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986); *Приветствовали: «Хлеб да соль!» Добра пора, когда едят. Обедают. Чай пьют да скажут: «Чай да сахар!».* (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).
 Причём, характерно чёткое разграничение двух подситуаций: чаепитие и обед.

Ядерный компонент «чай»:

Чай с сахаром! Цай с сахаром! (7) Ответ (1): «Спасибо». Ответ (1): «Чаю пить!». Ответ (1): *«С сахаром, со всем!» / Чай да сахар! (1) / Приятного аппетита! (1)*

Ядерный компонент «хлеб»:

Хлеб с солью! (4) Ответ (1): «Спасибо!» Ответ (1): «Хлеб исть». А скажут (1): «Лоб с мозолью». Хлеб да соль, ем да свой. / Хлеба исть! (1) Ответ (1): «Спасибо!» / «Хлеб да соль!» (1) «Хлеб-соль!» (1)

В материале СДК встречается всего 20 употреблений.

Дорога

Дорога как реальный объект и важнейшее мифологическое пространство, связанное с человеком, обслуживается обширной системой ЭФФ, причём — географически и культурно маркированной (см. [Щепанская 2003]). В нашем материале большое количество «дорожных» формул, например, фиксируется в различных местностях Любимского района Ярославской области: *Перекрещу и: «Откуда ушёл, туда и вернись!»* (Закобьякино, Любим., Яросл., СДК-2024); *Гладкой дороги! Счастливого пути!* (Троица, Любим., Яросл., СДК-2024); *Ангела-Хранителя!* (Любим, Яросл., СДК-2024); *Господи, помоги!* (Любим, Яросл., СДК-2024); *С Богом!* (Ермаково, Любим., Яросл., СДК-2024); *Ни гвоздя ни жезла!* (Ермаково, Любим., Яросл., СДК-2024).

Частотные устойчивые формулы:

Счастливый путь (1) / Счастливого пути (3) / Скатертью дорога (1) / дорожка (2) (+/-) / В дальнюю дорогу (1) / Долгих лет жизни (1) / Мир дороге! (1) / С Богом! (1) / Ни гвоздя ни жезла! (1) / В добрый путь! (1) / Доброго пути! (1) / Бог с ним! (1) / Ангела-Хранителя! (1)

Этикетные «дорожные» формы могут быть представлены разными речевыми «оберегами»: молитвы-кресты, молитвы-заговоры, обращения (к Ангелу-хранителю; святым; домовому) [Щепанская 2003: 95–97]. В нашем материале встречается многообразие вариантов таких охранительных текстов:

1. / *Что говорят перед дальней дорогой? / В лес пошла: «Огради меня, Господи, своим животворящим крестом». И три раза перекрестится. Или: «Господи, благослови меня в путь-дорожку». И ничего плохо ня будет.* (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

2. *Счастливого пути, всё, да пусть вас Бог бережёт! На дорожку посидеть.* (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

3. */У кого надо проситься, когда в лес идёшь?/ У Бога, у Ангела своего. У каждого свой Ангел, вот ты говоришь: «Ангел мой, пойдём со мной, ты впереди, я позади. Никола Чудотворец, дорожку освети, рабому Божьему (называешь своё имя) и аминь». И всё, идёшь, и с тобой всё будет в порядке.* (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

4. *Вот скажут, пойдёшь в дорогу, никогда не надо говорить: «Ой, я сейчас быстро дойду». Надо идти, скажут: «Ладно, пойдём с Богом, там Никола Чудотворец, там Георгий Победоносец, дайте счастливой, хорошей дороги дойти до дому».* (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

5. */А зачем крест носят?/ Обереж, я когда куды поеду, так ещё бумажна иконка есть, пресвятая Божья Мать Богородица с собой, пойду скажу: «Береги меня, храни меня, на дорогах, на перепутьях».* (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

Всего материал СДК фиксирует 30 употреблений форм и формул, большинство из них — единичные (*Час вам добрый!*); с минимальной вариативностью (*Счастливый путь / пути! Доброго пути!*).

Дом

С домом как концептуализированным пространством, символизирующим спокойствие, безопасность и семейное благополучие, связано множество примет, поверий, обычаев и обрядов. В фольклорной традиции дом противопоставлен дороге в оппозиции «свой — чужой» [Черепанова 2005: 174], где дом — это всегда своё, закрытое, почти сакральное пространство, а дорога — чужое, открытое, неизведанное, далекое, опасное.

В ситуациях (обрядовых и необрядовых), связанных с домом, используются различные ЭФФ, например, в функции приветствия вошедшего в дом: *Раньше в дом приходили, перекрещиваются, у порога стоят и говорят: «Мир дому!». Им отвечают: «Принимаем мир!».* (Тотьма, Волог., СДК-2000); *Когда заходят в дом, говорят: «Мир вашему дому!»* (Никольское,

Тотем., Волог., СДК-ОРЗ-2023). *Или входят, говорят: «С ангелом!»*. (Тотьма, Волог., СДК-2000). Таких приветственных формул встречается в нашем материале немного.

Неслучайно большинство ЭФФ связано с конкретным местом в доме — порогом. Порог — это граница, разделяющая пространство на «своё» и «чужое», это «место исполнения множества семейных обрядов, направленных на изгнание зла, нечисти, пришедшей извне» [Плотникова 2008: 173]. В основном в материале СДК фиксируются варианты ОЭФФ-обращений к домовому в обрядовой ситуации переезда в новый дом — новоселья:

1. *Домовика просить надо: «Вот будем жить, да я, да муж, да ещё кто там, нас береги да храни, да». [А из старого дому не зовут домового?] Нет, в новый дом заходишь, тут и хозяин новый и всё по-новому. Мы в новый дом заходили, к нам кто идёт, охапку дров несёт, например, кто денег сколько может положить — немножко, кто иконку принесёт. Это чтобы жилось в доме.* (Труфанова, Пин., Арх., СДК-2008);

2. *Домовой и сейчас есть, проситься надо: «Дедушка-доможирушко, бабушка-доможирушка, пусть на подворьице скотинку успокоить, самим да пожить, безо всякой притти (притчи), чтобы плохо не было. Что во дворе, то и в доме — всё домовой, он дом и хозяйство хранит.* (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

3. *Хлебца отрежь кусочек, в угол положи — и скажи: «Хозяин-дворовой, прими подарочек, чтоб корова домой ходила».* (Чёрная, Бат., Новг., 1988).

4. *«Дедушко-доможирушко, пусть нас пожить» - мама это говорила. Сначала поклонилась на все четыре угла и сказала.* (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

5. *«Дедушка-домовой, пусть нас на постой, стели нам мягко, стели нам гладко, на меня, нерадивую хозяйку, не надейся! Аминь, аминь, аминь. Три раза.* (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

Всего материал СДК фиксирует 50 употреблений.

Баня

С баней как особым сакральным пространством придомовой территории связаны особые этикетные речевые предписания. Речевые ситуации делятся на: а) вход в баню: *В байну кто идёт, надо сказать: «Пар в байну вам», а оттуда: «С легким паром».* (Заболотье, Твер., Осташ., СДК-1991); б) помывка: *Смой, вода, вся худоба! Дай Бог тебе здоровья!* (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991); в) выход из бани (формулы «после бани»): *Божья благодать! С лёгким паром!* (Закобякино, Любим., Яросл., СДК-2024). Используемые в этих ситуациях ЭФФ по семантике являются благопожелательными.

В материале отмечаются контексты, где используются этикетные формы с функцией благодарности бане: *«Спасибо, банька милая» — своими словами. Всегда говорю. «Ой ты умница моя». Со всеми разговариваю: хоть теплица, кого похваляю, кого поругаю. Одна, с кем-то разговаривать надо.* (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023); *«Спасибо, баня, за помывку!»* (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023); или хозяина бани: *«Спасибо, хозяин, за парну баинку!» — так надо говорить, как в бане вымоишься* (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); обращение к бане: *«Тебе, баинко, чистота, а нам — легота!»* (Вигора, Пин., Арх., СДК-2007).

Материал СДК фиксирует всего 10 употреблений.

Чих, зевота, кашель

В материале встречаются и такие ЭФФ, которые используются в особых ситуациях, связанных с различными физиологическими процессами человека (чих, зевот, кашель и др.). Наш материал фиксирует всего 13 таких употреблений: *Коды человек чихнул, говорили: «Будь здоров!».* *Левый глаз чешется — к слезам, а правый — к радости.* (Слуда, Пин., Арх., СДК-26, 1985); *Чихнёшь если, говорят: «Счастлив будь!».* (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); *Если чихнул: «Будь здоров за сто коров!».* (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); *Когда замучит, чихат и чихат, ему говорят: «Спица в нос!».* *А он отвечает: «Спасибо на мягкой затычке!».* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Если споткнулся, говорят: «Возьми собой!».* (Ковриг, Любытин.,

Новг., СДК-36, 1986); Новг., СДК-36, 1986); *Споткнулся: «Бог с тобой!»* (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991); *Закашлялся, кто-то спешит, а товарищ ему: «Что ж так это ты, Христос с тобой!»* (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991). / *Что полагается говорить, когда человек зевает? / «Лень-позевота вся на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого».* (Закокурье, Мез., Арх., СДК-27, 1986). Во всех представленных случаях ЭФФ носят благопожелательный характер.

Сон

В вопроснике, который лежит в основе тематической классификации ЭФФ, в рубрике «Народный этикет» имеет место вопрос: «Какие слова произносили перед сном?», в связи с чем наш материал фиксирует некоторые ЭФФ, связанные с ситуацией приготовления ко сну:

Мать перед сном молитву учила меня говорить:

«Ложусь со Христом,

Награждаюсь крестом.

Там ангелы стоят

Мою душу сторожат».

Так три раза.

(Ясенское, Осташк., Тверск., СДК-60, 1997).

Родители говорили, чтоб мы на ночь молитву читали «Отче наш».

(Ясенское, Осташк., Тверск., СДК-60, 1997).

Сон плохой нельзя рассказывать. Надо перевернуть подушку и сказать:

«Куда ночь, туда и сон». (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

Чаще всего этим вербальным правилам учат с детства. Особый ритуал произнесения перед сном ЭФФ, выполнение которого носит рекомендательный характер, включает в себе защитную семантику. СДК фиксирует незначительное количество ЭФФ, относящихся к этой ситуации, но приготовление ко сну является основной частью повседневной жизни человека, поэтому на них также следует обращать внимание.

III. Праздники

К этой тематической группе относятся в основном ОЭФФ-обращения к персонифицированным праздникам:

1. *А уж сеял каждой сам, сам и приговаривал: «А вот Борисов день, Бориса и Глеба, народи, Господи, хлеба» — это весной, а потом уже благодарят, это шестого августа, народил, господи, корму и хлеба, а вот там где-то говорят совсем не так, по-своему. (Шейно, Череп., Волог., СДК-38, 1987).*

2. *Придем, бывало, со старичком-то, сядем, посидим в поле на мешочки с хлебом (зерном), Богу помолимся. Говорили: «Уроди, Господи, хорошего хлебца, на нищово братия, на всех православных христиан». Если маленькие (ребята) есь и с маленькими ходят, бывало, и тех учат: перекрестись Господу, Богу молись, штобы Господи хлебца уродив на всех православных христиан. Хозяйка бросит в землю перву горску на полосе, потом маленькие, а потом Хозяин и пойдет засевать, а мы с робятами пойдем домой. (Тотьма, Волог., СДК-2000).*

3. *Батюшка-Покров, дай хорошую свекровь! (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987).*

4. *Покров, покрой землю снежком, а меня — женишком! (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987).*

5. *На Рождество раньше-то коровушки из теста делали, да и не только коровушек и овечек, и лошадей, и кур, и рыб — всяку всячину наделают, ребятишки соберутся и колядовать идут и говорят: «Коляда-Коляда, дедушка да бабушка, подайте по коровушке овсеца», скажешь так, вот тебе и отдадут — кто коровушку, кто лошадку, кто чего. (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).*

6. *В Егорий возьму иконку и весь двор обойду, и приговариваю: «Егорий-батюшка, сохрани мою скотинушку от злых людей, от зверей», а то два ремешка постелю накрест и замок повешу на первую дверь на двор, тогда*

коровушка будет дома держаться. (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

В основном они принимают форму приговоров и используются с просьбой обеспечить благополучие в хозяйстве и приумножить урожай. Для этого, как видно, подобные формы принимают вид диалогизированного приговора, где обязательной частью является обращение к персонифицированному празднику: а) по имени святого, которому посвящен праздничный день (*Егорий, Борис и Глеб*); б) по его названию (*Покров, Коляда*); его олицетворение, причём всегда в качестве человека старшего возраста (что проявляется в семантике лексем *батюшка, дедушка, бабушка*), которым обычно уделяется особое почтение и уважение. Таких контекстов в нашем материале встречается немного, но они помогают создать полное представление о культурных особенностях этикетной традиционной коммуникации, связанной с календарными праздниками.

Есть и такие речевые выражения, которые сложно поддаются тематической классификации или же представлены единичными контекстами (пожелание на свадьбу: *«Сколько на хмеле шишечек, столько у вас ребятишечек!»* (Чёрная, Бат., Новг., СДК-1988); проклятие: *«Дай бог, чтоб ему счастья не было!»* (*обманул кто-то*) (Григорьево, Бат., Новг., СДК-1988); обращение к полю: *Тебе, полюшко, — чистота, а нам — легота!»* (Вигора, Пин., Арх., СДК-2007), но важны для общего понимания тематического разнообразия системы народноречевого этикета жителя Русского Севера.

Таблица 1. Тематическая классификация ЭФФ (по материалам СДК)

ЭФФ				
Тема	СЭФФ	Ед.	ОЭФФ	Ед.
І. Труд, хозяйствование, промысел				
Труд	Формулы: <i>Бог на / в помощь! Без Бога ни до порога! Бог помощь! Божья помощь! Помогай</i>	74		

Продолжение таблицы 1

	<p><i>Бог! Помоги вам Бог! Труд на / в пользу! Привет труду! Слава труду! Успех труду! Успех (тебе) в работе (работа)!</i></p> <p>Формы: <i>Здоровье в руки! Чистота в избе!</i></p>			
Ткачество	<p>Формулы: <i>Спех тебе за став! (Спасибо! Сто женихов под окошко!) Сто локот на пришивицу! (Сто рублей в карман!) Спех за крёснами! Сиденье вашему! (Сидеть по-нашему!)</i></p>	8		
Стирка	<p>Формулы: <i>Белёнько! Беленько Вам / тебе! Беленько полощи! Набело Бог на помочь! Бело стирать (мыть)! Набело корыто! Помогай Бог! Бело на воде! (Спасибо!)</i></p>	15		
Доение коровы	<p><i>Море молока! Море под коровой! Море под корову! Ведро молока! Море до колена! (Дай Бог боле! Река молока!)</i></p>	6	<i>Запреты</i>	10
Приготовление пици	<p><i>Спорынья в квашню! (Сто рублей в мошну!)</i></p>	3		
Огородничество			<i>Не родись голенаста, а родись пузаста! Не будь голенаста, а будь коренаста! Не будь голениста, а будь</i>	25

Продолжение таблицы 1

			<p>корениста! И на нищего, и на завидующего! Расту с Богом для себя и для людей! Расту с Богом! Родись, картошка, ветка — в оглоблю, картошка — в колесо! Расту, картошка, по колесу, а плётка — по оглобле!</p> <p>Расту, капуста, густа, голенаста и пузаста! Расту головаста, не голенаста! Расту на нищих, на пищих (писчих), на всех крещёных людей! Выводится на нищего, на пищего! Расту сочная, круглая! Расту с голову! Расту, вейся, на уход не надейся!</p>	
Посещение леса			<p>Формулы: Господи, благослови!</p> <p>Формы: Здравствуй, лес! Дух леса, спасибо тебе! Дай Бог грибов на полную корзину! Добрый хозяин, помоги нам набрать ягод и грибов!</p>	15
Охота	<p>Формулы: Ни пуха ни пера! (К чёрту!) Помоги тебе Боже! Счастливой охоты! (Спасибо!)</p> <p>Формы: Ни в кого не стреляй и сам не застрелись! (шут.)</p>	10		

Продолжение таблицы 1

Рыболовство	Формулы: <i>Клёв на уду! Счастливого улова! Ни чешуйки ни хвоста! (К чёрту!) Ни хвоста ни чешуи! (Спасибо!) Ни рыбы</i>	13		
	<p><i>ни хвоста! (Иди к чёрту!) Ни чешуи ни хвоста!</i></p> <p>Формы: <i>Помоги, Господи! Человек ищет где лучше, а рыба — где глубже! Мель пусть будет глубиной! Поезжай с Богом! Утонешь — не приходи! (шут.)</i></p>			
II. Дом, дорога, человек				
Трапеза	<p>Формулы: <i>Чай с сахаром! (Спасибо! Чаю пить! С сахаром, со всем!) Чай да сахар! (Спасибо!) Приятного аппетита! (Хлеб исть!) Хлеб с солью! (Лоб с мозолью! Хлеб да соль, ем да свой!) Хлеба исть! (Спасибо!) Хлеб да соль! Хлеб-соль!</i></p> <p>Формы: <i>Приятно вам кушать, хлеб да соль! Ангела к трапезе!</i></p>	24		
Баня	Формулы: <i>С лёгким паром! Господи, благослови! Пар в бане! Божья благодать!</i>	7	Формула: <i>Тебе, баинко, чистота, а нам — легота!</i>	3

Продолжение таблицы 1

	<i>Смой, вода, вся худоба! Дай Бог тебе здоровья!</i>		Формы: <i>Спасибо, баня, за помывку! Спасибо, хозяин, за парну баинку!</i>	
Дорога	Формулы: <i>Счастливый путь! Счастливого пути! Хорошую путь! Скатертью дорога / дорожка! В дальнюю дорогу! Долгих лет жизни! Мир дороге! С Богом! Ни гвоздя ни жезла! В добрый путь! Доброго пути! Счастливо (тебе)! Час вам добрый! Дай Бог вам святой час! Дай вам Бог всего доброго! Бог с ним! Пусть вас Бог бережёт! Ангела- хранителя!</i>	30		
Дом	Формулы: <i>Мир (вашему) дому! (Принимаем мир!) С ангелом!</i>	3	<i>Обращения к домовым (диалогизированные приговоры)</i>	50
Чих, зевота, кашель	Формулы: <i>Будь здрав! Будь/те здоров/ы! Счастлив будь! Спица в нос да пара колос! Две оси разодрало и твои ноздри! Спица в нос! (Спасибо на доброй / мягкой затычке!) Будь здоров за сто коров!</i>	13		
Приготовление ко сну			<i>Молитвы перед сном</i>	10

Продолжение таблицы 1

III. Праздники		Обращения к персонифицированным праздникам (диалогизированные приговоры)	б
-----------------------	--	--	---

Как видно из описания тематических блоков-ситуаций, ЭФФ делятся на СЭФФ и ОЭФФ, которые выполняют основную фатическую (контактоустанавливающую) функцию. СЭФФ выступают в роли собственно приветствий, приветствий с благопожелательной семантикой, благодарностей, прощаний с семантикой благословения и под. ОЭФФ представлены в материале: а) обращениями к мифологическому персонажу или божественному патрону в функции упрощивания, задабривания или просьбы покровительства; б) обращениями к антропоморфизированным явлениям природы / растениям; в) запретами (в лесу; в бане); г) некоторыми бранными выражениями, представляющие область антиэтикета. Всего в работе анализируется около 400 контекстов.

Сложное, нередко взаимосвязанное культурное явление, при котором «ритуал (*обряд* — А.Ч.) предшествует этикету, а этикет, в свою очередь, формируется на основе ритуала» [Байбурин, Топорков 1990: 161], следует рассматривать с известными оговорками. Категория «этикетности» во всех случаях употребления ЭФФ является номинативно условной: она служит для обозначения факта контактоустановления коммуникантов в соответствующей коммуникативно-прагматической ситуации, причем обладающей категорией обязательности. Как показывает материал, это может быть случайная встреча на улице или же приветствие хозяев в доме, что требует соблюдение правил речевого этикета. Категория «обрядовости» создает архаичный культурный фон коммуникации и обозначает границы перехода ЭФФ из обрядового контекста в этикетный. ОЭФФ в этих случаях являются вербальной частью обрядового комплекса (обряд перехода из старого дома в новый, обряд укоренения в доме новой скотины, обряд посадки растений и под.).

Обрядовость и сакральность таких текстов тесно взаимосвязаны с этикетной установкой — «так принято говорить», причем — обязательно. Зачастую «исполнители» уже не знают точно, зачем нужно совершать этот творческий акт (например, «разыгрывать» диалог с домовым), — всё происходит в рамках традиции.

Тогда актуализируется свойство изоморфности слова, предмета и действия, которое предполагает обязательное выполнение речевого акта, поскольку его невыполнение может иметь реальные негативные последствия: не взойдёт урожай, жизнь в новом доме не заладится, не представится возможным самостоятельно найти дорогу из леса и т.д. Культурный знак, которым становится в таких случаях ОЭФФ, приобретает важные прагматические черты.

Важной функцией, которую выполняют ЭФФ, является идентификация человека в рамках общекультурной оппозиции «свой — чужой» и ряда вытекающих семантических оппозиций, в основе любой из которых «лежит оценка: положительное противопоставляется отрицательному, хорошее — плохому» [Толстая 2015: 236] и т.д. Такие семантические оппозиции, как отмечает С.М. Толстая — «один из основных механизмов содержательного плана культурной традиции, организующий, упорядочивающий и структурирующий набор единиц символического языка культуры, определяющий основные параметры символизации и оценки реалий внешнего мира и самого человека» [Толстая 2004: 557], что характеризует функционирование ЭФФ в полной мере.

В каждой семантической оппозиции левый компонент обычно наполняется положительной семантикой, правый — отрицательной. В рамках оппозиции «свой — чужой» в связи с нашим материалом необходимым представляется учесть оппозиции «хороший — плохой», «праведный — греховный», «человеческий — нечеловеческий», «живой — мертвый», «внутренний — внешний».

«Хороший — плохой»

Знание особых ЭФФ, содержащих лексические компоненты, которые обладают культурной семантикой, умение правильно использовать их в тематической ситуации характеризует коммуниканта как «своего», «хорошего». Формулу приветствия-благопожелания нужно использовать обязательно в диалоге с человеком, который занят каким-либо делом. Тем самым адресант желает адресату успешной работы и хорошего исхода дела. Незнание или неиспользование вовремя этих формул идентифицирует человека как «чужого», «не-своего», незнающего, т.е. плохо владеющего общепринятой этикетной нормой, что нередко приводит к недопониманию и т.н. «речевой мести»: *Нет, ну мы всегда: «Труд на пользу» — «Спасибо, спасибо». Всегда говорим: «Труд на пользу» и «Спасибо». Потому что как же — тебе говорят, а ты не ответишь? Надо ответить: «Спасибо».* (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024). Для традиционной коммуникации более важным становится момент обязательности произнесения такой формулы и её функция воздействия, иначе работа (или любое другое действие) адресата не удастся или удастся плохо.

«Праведный — греховный»

В этике сельского общества большую роль играет религиозная (христианская) составляющая. Бог как «верховная сущность, обладающая высшей разумом и силой, абсолютным совершенством и всемогуществом» [Толстой 1995: 202] представляется главным покровителем и помощником во всех бытовых сферах, что зачастую отражается и в лексическом наполнении ЭФФ (*Бог на помощь! Помогай Бог! Божья благодать!* и др.). Сельский уклад жизни, направляющий человека на жизнь праведную, должен быть ознаменован правилом, выраженным в этикетной формуле-пословице: «Без Бога ни до порога!». Несоблюдение этого правила граничит с «преступлением», которое нарушает «равновесие мира и грозит отрицательными последствиями для мира и для человека» [Толстая 2000: 374].

Вследствие чего человек попадает в область «греховного», т.е. «чужого», не принимающего общие предписания жизни сельского общества.

В народных представлениях «грех — это все, что противоречит норме и влечет за собой реакцию природы (или высшей силы)» [Там же]. «Наказание» за нарушение этой нормы актуализируется в ЭФФ-запретах, когда человек, невольно воспроизводит слова-табу, например, в лесу: *Да **нельзя-нельзя** это слово говорить-то, считается, что это грех большой, лешакаться-то. Говорят, лучше матюкнуться, чем лешакнуться.* (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007). *В лесу-то знаю, что леший, но слово «леший» **нельзя** упоминать, когда идёшь куда-то. И говорят, детей вот словом «леший» **нельзя** ругать. От так ведь **всегда запрещено.*** (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007). Очевидно, что в ситуации посещения леса существует строгое предписание не поминать лесного хозяина (который относится к мифологическим духам, к области сверхъестественного) недобрым словом, на что указывают модальные слова-прохибитивы (***нельзя-нельзя** лешакаться, **нельзя** упоминать, **нельзя** ругать, **всегда запрещено***). Несоблюдение этих правил приравнивает человека к «несвоему», «чужому», близкому к нечистой силе, которую он позволяет себе называть по «имени».

Похожий запрет распространяется и на упоминание других духов (например, черта), представляющих нечеловеческое, нередко злое начало: *Ругаться **нельзя**, многие ругаются чёртом — **упаси Боже** — **нельзя его поминать!*** (Хотяж, Новг., Ногв., СДК-54, 1994). *В бане лешачиха ведь есть у нас. Обдериха и лешачиха — кто как называет. Но обдериха больше, потому что **нельзя** говорить у нас, **ни чертыхаться, ни лешакаться.** «Обдериха» - правильно говорить надо, потому что **надо всё говорить с Божьим словом.*** (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

Из контекстов видно, что области «греховного» (***нельзя** ни чертыхаться, ни лешакаться*) всегда противопоставлена область «праведного» (***надо всё говорить с Божьим словом***) так же, как человек, употребляющий «греховные» слова, идентифицируется как «чужой», а человек, соблюдающий правила

запрета, — как «свой», «праведный», что весьма характерно для традиционного социума.

«Человеческий — нечеловеческий»

Эта семантическая оппозиция проявляется в процессе «общения» человека (как «своего») и мифологического персонажа (как «чужого»), что демонстрируется в ОЭФФ. Взаимодействие человека с «нечеловеком» (домовым, дворовым, лесовым) имеет под собой цель приравнять позиции коммуникантов, т.е. превратить «не-своего» в «своего», что оказывается вполне возможным с помощью правильного использования формулы-обращения: *Дедушка-домовейушка, **пусти**, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги.* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Хлебца отрежь кусочек, в угол положи — и скажи: «Хозяин-дворовой, **прими подарочек**, чтоб корова домой ходила».* (Чёрная, Бат., Новг., 1988); *Говорят, надо идти, выбрать место, спросить хозяина: «Хозяин-лесовой, **пусти** меня не ночь ночевать, а век вековать».* (Чёрная, Бат., Новг., 1988). Мотивы просительства и задабривания должны быть выражены в формуле обязательно (здесь — грамматической формой императива *пусти, прими* и под.), иначе взаимодействия человека и мифологического персонажа «на равных» не случится, в связи с чем человека будет ожидать ряд неприятных последствий (падеж скота, «плохая» жизнь в доме и под.): *Когда идёшь в дом, надо сказать: «Дедушко, **пусти** на проживание». А я вот **не просилась**, мне и говорят: **ты так и живёшь плохо, что не попросилась**.* (Немнюга, Пинеж., Арх., СДК-1984); *Ягышок родится, надь просится, **не попросишься** — так пропадёт.* *«Дедушко-домовейушко, **примай** мово Борюшку, на меня лентяюшку, не надейся, пой, корми досыта».* (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

При рассмотрении этой семантической оппозиции важно, что не только для человека мифологический персонаж является «чужим», но и наоборот: с позиции мифологического персонажа человек воспринимается как «чужой», поскольку при несоблюдении человеком поведенческих норм ситуация начинает разыгрываться по «правилам» мифологического персонажа, что

выражается в формулах лексически (домовой «мучает» скотину, «душит» ночью хозяев дома; лесовой «не дает выйти» из леса и т.д.). Только при их правильном взаимодействии эти позиции становятся эквивалентными, что позволяет «человеку» и «нечеловеку» правильно идентифицировать друг друга.

«Живой — мертвый»

В повседневной жизни села немаловажной оказывается оппозиция «жизнь — смерть», что частично проявляется и в материале СДК, фиксирующим ЭФФ. Так, первостепенным оказывается запрет на приветствие в доме, где находится покойник: *Нельзя здороваться, кода в доме покойник. Нехорошо же, кода в доме покойник! Входишь — а ты здоровья желаешь хозяевам.* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986). Запрет очевиден: формула приветствия включает в себе семантику пожелания здоровья (будь то «Здравствуйте!», или любая другая, функционирующая непосредственно в традиционной коммуникации), которую человек не должен произносить, если он желает остаться для окружения «своим».

«Внутренний — внешний»

Семантическая оппозиция, которая в материале СДК актуализируется на уровне пространственных отношений «дом — дорога» и соотносится с позициями коммуникантов, выступающих в оппозиции «хозяин — гость». В таком случае первый компонент всегда будет означать «своего», т.к. относится к пространству дома, а второй — всегда является «чужим», т.к. принадлежит пространству дороги. Объединить их может лишь пространство порога, переступив через который гость имеет возможность стать (хотя бы на время) «своим». Этому способствует в т.ч. прагматически верное и своевременное использование гостем этикетной формулы, обусловленной тематической ситуацией (*Чай да сахар!* — приветствие людей в доме, пьющих чай; *Спех за креснами!* — приветствие ткачихи; *Мир вашему дому!* — общее приветствие домашних) и особое (в некоторых случаях даже сакральное) поведение хозяина по отношению к гостю (см., например, [Щепанская 2003]).

Итак, идентификация по шкале общекультурной оппозиции «свой — чужой» может быть рассмотрена в рамках нескольких семантических оппозиций, при которых левый компонент, всегда положительно окрашенный, относится к категории «своего» («свой» значит «хороший», «праведный», «человеческий», «живой», «внутренний»), а правый, окрашенный отрицательно, — к категории «чужого» («чужой» значит «плохой», «греховный», «нечеловеческий», «мёртвый», «внешний»). В случае семантической оппозиции «человеческий — нечеловеческий» позиции обеих сторон могут быть взаимозаменяемыми, эквивалентными при соблюдении человеком этических норм, существующих в традиционном обществе.

Таким образом, во всех тематических блоках-ситуациях (основных и факультативных) ЭФФ действуют как СЭФФ и ОЭФФ с закреплением статуса условности категории «этикетности», которая сосуществует в сложном взаимодействии с категорией «обрядовости». При использовании ЭФФ во всех сферах сельского быта жителя Русского Севера учитываются факторы облигаторности, идентификации и самоидентификации коммуникантов, принимающих разные роли при взаимодействии с разными типами коммуникантов (человек / мифологический персонаж) в рамках оппозиции «свой — чужой» и выполняется основная прагматическая функция установления контакта с целью сохранить порядок в повседневном быте сельского социума.

2.2. Естественная вариативность фольклорного текста: типология возможных вариантов

Текстам малых форм фольклора, как уже не раз подчеркивалось, свойственна естественная вариативность, что является важнейшим условием для создания общей группы текстов одного тематического блока.

Принимая во внимание изыскания Д.С. Лихачева, Б.Н. Путилова, К.В. Чистова, С.Н. Азбелева, Т.Г. Ивановой в области фольклористической текстологии, в работе представляется возможным проанализировать отдельные группы устойчивых этикетных формул одной тематики, выделяя в

структуре каждой формулы инвариантную зону и зону вариативную. При составлении текстологической типологии используются термины «инвариант», «вариант», «редакция», «извод», «версия»:

Инвариант — это «абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от её конкретных модификаций — вариантов» [Солнцев 1990: 114–115].

Вариант — «вид произведения, который оно имеет в каждый конкретный момент устной передачи» [Лихачев 1964: 15].

Извод — это «тот или иной вид текста, который возник стихийно, в результате многократной переписки текста в определенной среде, местности, стране. В таких случаях в тексте неизбежно накапливаются местные черты языка или особенности языка, свойственные определенной среде населения» [Там же: 14–15], которые позволяют выделить изводы устноречевых этикетных текстов в отдельных регионах Русского Севера.

Редакция — «разновидность текстов произведения, имеющая качественные отличия от других разновидностей его текстов» [Азбелев 1966: 277]. Редакцией текста в нашем случае называется переработка текста в пределах одного региона Русского Севера.

Версия (группа вариантов) — «разновидность текстов, качественные отличия которой от других разновидностей его текстов таковы, что граничат с превращением в другое произведение» [Там же].

«Текст в фольклоре, как утверждают фольклористы, это словесное воплощение варианта» [Лихачев 1964: 15], что подтверждается и на уровне исследуемых в работе многовариантных этикетных формул.

В большинстве случаев именно грамматическая форма может считаться инвариантной зоной. В грамматической структуре отдельной этикетной формулы в инвариантную зону попадают и слова-символы, обладающие культурной семантикой.

ТРУД

Этикетные формулы с ядерным компонентом «Бог»:

Формула 1: *Бог помощь!*

Инвариант: *Бог (в/на) помощь (вам/тебе)!*

Варианты (фонет. + грамм.): *Бог на помощь! (6) / Бог на помощь! (2) / Бог на помощь! (2) // Бог в помощь! (7) / Бог (в/у) помощь! (2) // Бог помощь (тебе - 2)! (6)*

Варианты (грамм.): *Помогай Бог! (9) / Помоги тебе, Боже! (1) Помоги вам Бог! (1) // Божья помощь! (2)*

Формула 2: *Без Бога ни до порога! (3)*

В этой подгруппе выделяется общий лексический компонент *Бог*, который в некоторых вариантах может заменяться на сущ. в звательном падеже *Боже* или принимать форму притяжательно-относительного прилагательного *божий* [Ерофеева 2009: 51–54]. Второй обязательный лексический компонент может быть выражен отглагольным сущ. *помощь* или же непосредственно глаголом *помогать*, выраженным разной видовой категорией в форме императива (*помогай, помоги*).

В материале СДК встречается контекст, фиксирующий этикетную форму, представленную в виде вопросно-ответной структуры: *Дак это всегда говорили. Это кода дрова колят, я грю: «Ну, Бог помогают тебе?» — «Помогает».* (Останково, Любимск., Яросл., СДК-2024). Этот пример подтверждает устойчивость лексической инвариантной зоны даже на уровне «свободно» выраженной этикетной речевой единицы.

Таким образом, семантически важные компоненты создают устойчивую инвариантную зону формулы («Бог помогает»). В зону варьирования попадают фонетические и грамматические особенности формулы, которые изменяются в зависимости от места, времени, адресата и тематики ситуации, которая может быть обозначена (*кода дрова колят, если ткёт кто, когда стирает* и др.) или не обозначена.

Этикетные формулы с ядерным компонентом «труд»:

Формула 1: *Труд (на/в) пользу!*

Инвариант: *Труд (на/в) пользу!*

Варианты: *Труд на пользу! (18) // Труд в пользу! (4)*

Ред. (Арх.): *Дело в пользу! (1)*

Формула 2: *Привет труду!*

Инвариант: *<...> труду!*

Варианты: *Привет труду! (2) Слава труду! (2)*

Формула 3: *Успех труду! (1)*

Инвариант: *Успех труду / работа!*

Ред. (Твер.): *Успех тебе работа! (1)*

Ред. (Новг.): *Успех в работе! (1)*

Инвариантной зоной оказываются лексические компоненты «труд», «польза» и «успех». Последний компонент относится к зоне редакций формулы *Успех труду!* и представляют единичные контексты, зафиксированные в конкретных областях.

В целом для универсальных «трудовых» формул-благопожеланий инвариантной зоной оказывается грамматическая структура эллиптического предложения с оптативной семантикой: *<Пусть будет> Бог в помощь / Божья помощь / Труд на пользу* и т.д.

ТКАЧЕСТВО

Формула 1: *Спех тебе за став!*

Инвариант: *Спех за <номинация ткацкого станка>!*

Извод: *Спех тебе за став!* (Новг.)

Извод: *Спех за креснами!* (Волог.)

Формула 2: *Сто локот на пришивицу!*

Формула 3 (ответная реплика): *Сто женихов под окошко!*

Формула 4 (ответная реплика): *Сто рублей в карман!*

Инвариант: числ. *сто* + объект в Р.п. + предлог места + объект места в В.п.

Варианты: *Сто рублей в карман!* (2)

Ред. (Волог.): *Сто рублей в мошну!* (3) — в ситуации приготовления пищи действует как ответная реплика (см. ниже).

Инвариантной зоной этикетной формулы, используемой в ситуации ткачества, является грамматическая структура, которая для всех видов формул одинакова: числ. *сто* + сущ. в Р.п. с партитивным значением + предлог места + сущ. объекта в В.п. Меняются лишь лексемы-номинации разных частей ткацкого станка или его диалектного названия, на основе которого выделяются изводы: *Спех тебе за став!* (Новг.); *Спех за креснами!* (Волог.).

Устойчивым лексическим компонентом в формулах 1-3 становится числительное «сто», имеющее в малых фольклорных жанрах часто «обобщенное значение большого количества» [Толстая 2012: 546] и являющееся в этикетных формулах словом-«интенсификатором экспрессивности» [Балакай 2001: 504]. Например, это свойство слова проявляется в формуле в ситуации чихания: *Будь здоров за сто коров!*

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ

Спорынья в квашню! — Сто рублей в мошну!

Единственная формула в этом тематическом блоке, представленная в материале СДК. Формула иницирующей реплики (*Спорынья в квашню!*) имеет схожую грамматическую структуру с формулами предыдущей тематики (*Спех за за став!* — при ткачестве). Формула ответной реплики по своим структурно-семантическим особенностям идентична ответной реплике при ткачестве и, по-видимому, может являться редакцией такого текста (*Сто рублей в карман!* — при ткачестве. *Сто рублей в мошну!* (3) — при замешивании теста).

СТИРКА

Формула 1: *Беленько!*

Инвариант: *Беленько (/ вам / тебе)!*

Варианты: *Беленько! (6) / Беленько вам! (1) / Беленько тебе! (2)*

Ред. (Волог.): *Беленько полощи! (1)*

Ред. (Волог.): *Бело мыть (стирать)! (1)*

Формула 2: *Бело на воде! (1)*

Формула 3: *Набело корыто! (1)*

Формула 4: *Набело, Бог на помощь! (2)*

Очевиден общий устойчивый компонент во всех вариантах и редакциях всех видов формул: слова категории состояния с корнем *бел-* (*беленько, бело, набело*). В зону варьирования попадают лексические компоненты семантического поля «Стирка» (*корыто, вода, мыть, стирать, полощи* и т.д.).

ДОЕНИЕ КОРОВЫ**Формула 1:** *Море под корову!***Инвариант:** *Море под коров(у/ой)!***Вариант:** *Море под корову! (1) Море под коровой! (1)***Ред. (Арх.):** *Море до колена! (1)***Формула 2:** *Море молока!***Инвариант:** *<много> молока!***Извод:** *Море молока! (Волог.)***Извод:** *Вядро молока! (Новг.) (1)***Формула 3:** *Ведром!***Формула 4 (ответная реплика):** *Река молока!*

Общие лексические компоненты, попадающие в инвариантную зону: а) общеупотребительная лексика, семантически связанная с процессом доения коровы: *молоко, корова, ведро*; б) слова-интенсификаторы в значении ‘много’ *море (до колена)*; *ведро, ведром* в значении ‘русская мера жидкостей, равная 1/40 бочки (около 12 л)’ [МАС 1985: 145], т.е. то, что метафорически характеризует большое количество. На основе последних выделяются изводы: *Море молока! (Волог.)*; *Вядро молока! (Новг.)*.

ОГОРОДНИЧЕСТВО**Формула 1:** *Не будь голенаста, а будь коренаста!***Инвариант:** *Не (родись / будь голенаста / голениста), а (родись / будь коренаста / корениста // пузаста)!***Варианты:** *Не родись голенаста, а родись пузаста! (2) / Не будь голенаста, а будь коренаста! (1) / Не будь голениста, а будь корениста! (1)*

Версия (группа вариантов): *Расти головаста, не голенаста! (1) / Расти, капуста, густа, голенаста и пузаста! (1) / Расти сочная, круглая (о капусте)! (1)*

Формула 2: *Расти с Богом!*

Инвариант: *Расти с Богом!*

Варианты: *Расти с Богом! (1) Расти с Богом для себя и для людей! (1)*

Формула 3: *И на нищего, и на пищего!*

Инвариант: *И на нищего, и на пищего!*

Варианты: *Выводится на нищего, на пищего! (1) / Расти на нищих, на пищих (писчих), на всех крещёных людей! (1)*

Извод (Вол.): *И на нищего, и на завидущего! (1)*

Формула 4. *Расти, картошка, по колесу, а ветка — по оглобле!*

Инвариант: *Расти, картошка, по колесу, а плётка (/ветка) — (по/в) оглобл(е/ю)! (1)*

Варианты: *Родись, картошка! Ветка — в оглоблю, картошка — в колесо! (1) / Расти, картошка, по колесу, а плётка — по оглобле! (1)*

Формула 5: *Расти, вейся, на уход не надейся! (1)*

Формула 6: *Расти с голову! (3)*

Инвариантной зоной этикетных формул в ситуации огородничества является грамматическая структура формулы, представляющая собой императивное высказывание, построенное в виде: а) противопоставления (*Не будь голениста, а будь корениста!*); б) утверждения (*Расти головаста, не голенаста! <Расти> и на нищего, и на завидущего!*). В формуле 1 — самой частотной — устойчивыми лексическими компонентами выступают глаголы в форме имепартива в значении ‘увеличиваться, становиться больше, выше, длиннее’: *родись, расти, будь*; повторяются краткие прилагательные, характеризующие качество растения: *голенаста (голениста), коренаста (корениста), пузаста, головаста*. Для формулы 3 таким устойчивым компонентом являются лексемы, обозначающие социальную роль людей:

нищие, пищие. В изводе Вологодской области встречается вариант с употреблением слова *завидуший*.

Вариативной зоной является номинация овощной культуры, к которой обращаются в той или иной ситуации (*капуста, картошка, лук*), и некоторые компоненты, закрепленные только в структуре конкретной формулы.

ОХОТА

Формула 1: *Ни пуха ни пера!* (5)

К черту!

Формула 2: *Счастливой охоты!*

РЫБОЛОВСТВО

Формула 1: *Клёв на уд!* (3)

Формула 2: *Ни чешуйки ни хвоста!*

Инвариант: *Ни чешуйки ни хвоста!*

Вариант: *Ни чешуи ни хвоста!* (2) *Ни хвоста ни чешуи!* (1) *Ни рыбы ни хвоста!* (1)

Формула 3: *Счастливого улова!* (1)

Эти два тематических блока-ситуации мужских занятий следует рассматривать в единстве, поскольку замечена одинаковая структура формул, попадающая в инвариантную зону: а) форма фразеологического сочетания с повторяющимися частицами *ни...ни...* (*Ни пуха ни пера! Ни хвоста ни чешуи!*); к этой же группе можно отнести «дорожное» современное благопожелание, встречающееся в материале СДК, — *Ни жезла ни гвоздя!*; б) форма эллиптической конструкции с прилагательным счастливый (*Счастливого улова! Счастливой охоты!*). В зону варьирования попадают лексемы, связанные с тематикой формулы (охота — *пух, перья, охота*; рыболовство — *рыба, чешуя, хвост, улов*).

ТРАПЕЗА

Этикетные формулы с ядерным компонентом «чай»:

Формула 1: *Чай да сахар!*

Инвариант: *Чай (с/да) сахар(ом)!*

Варианты: *Чай с сахаром! (7) / Чай да сахар! (1)*

Этикетные формулы с ядерным компонентом «хлеб»:

Формула 1: *Хлеб да соль!*

Инвариант: *Хлеб (да/и/с) соль(ю)!*

Варианты: *Хлеб да соль! (5) / Хлеб и соль! (2) / Хлеб с солью! (5) / Хлеб-соль! (1)*

Версия (группа вариантов): *Приятно кушать! Хлеб да соль! (1)*
Приятно вам кушать, хлеб и соль! (1)

Формула 2: *Приятный аппетит! (1)*

Формула 3: *Ангела к трапезе! (1)*

Инвариантной зоной частотных формул отмечается грамматическая структура предложения с однородными членами, выраженными существительными, соотносящимися по значению с тематикой ситуации (чаепитие или обед): *чай (хлеб) да/и сахар (соль)*. Встречаются конструкции с творительным падежом: *чай (хлеб) с сахаром (солью)*.

БАНЯ

Формулы: *С лёгким паром! (4) / Господи, благослови! (2) / Пар в бане! (1) / Пар в баню вам! (1) / Божья благодать! (1)*

Формулы образуют совершенно разные тексты, однако отмечается один повторяющийся лексический компонент, соответствующий по значению ситуации посещения бани (*пар*).

ДОРОГА

Формула 1: *Счастливым путь! (1)*

Инвариант: *Счастливым / добрым / хорошим путь!*

Варианты: *Счастливым путь! (1) Счастливого пути! (2) Хорошую путь! (1) В добрый путь! (1) Доброго пути! (1)*

Формула 2: *Счастливо!*

Инвариант: *Счастливо!*

Варианты: *Счастливо! (2) Счастливо тебе! (1)*

Формула 3: *Час вам добрый!*

Инвариант: *Час вам добрый!*

Варианты: *Час вам добрый! (1) / Дай Бог вам святой час! (1)*

Версия (группа вариантов): *Дай вам Бог всего доброго! (1) Пусть вас Бог бережёт! (1)*

Формула 4: *Скатертью дорога / дорожка! (2)*

Единичные формулы: *Ангела-хранителя! (1) В дальнюю дорогу! (1) Мир дороге! (1) Долгих лет жизни! (1) С Богом! (1) Бог с ним! (1) Ни звезда ни жезла! (1)*

Этикетные формулы, связанные с ситуацией дороги, образуют почти всегда единичные варианты, поэтому инвариантную зону достаточно сложно определить. Устойчивой можно назвать грамматическую структуру (почти все формулы представляют собой эллиптическое предложение) и некоторые лексические компоненты, выделяющиеся в наиболее частотных формулах. Обычно это прилагательные с положительной семантикой: *счастливый, добрый, хороший (путь / час)* и междометие *счастливо*. В целом все формулы прощания, как и большинство этикетных формул, являются междометными высказываниями.

ЧИХ

Формула 1: *Будь здоров!*

Инвариант: *Будь/те здоров/ы (счастлив)!*

Варианты: *Будьте здоровы! (1) Будь здрав! (1) Будь здоров за сто коров! (1) Счастлив будь! (1) Будь здоров да счастлив!*

Формула 2: *Спица в нос!*

Инвариант: *Спица в нос!*

Варианты: *Спица в нос да пара колос! Две оси разодрало и твои ноздри! (1) / Спица в нос! (1) (Спасибо на доброй / мягкой затычке!)*

В инвариантную зону попадает глагол-связка «быть» в повелительном наклонении и краткое прилагательное *здоров*. В некоторых вариантах встречается лексема *счастлив*, или же образуется контаминированная формула: *Будь здоров да счастлив!*

В некоторых регионах Русского Севера (в нашем материале представлена Архангельская область) бытует диалектное благопожелание *Спица в нос!* в различных вариантах. Лексика этой формулы метафорически соотносится с ситуацией чихания (*спица, пара колос, затычка*) и является неким высказыванием-заклинанием, которое произносится с целью остановить или предотвратить процесс чихания.

ДОМ (ситуация приветствия на пороге дома)

Формула 1: *Мир дому!*

Инвариант: *Мир (вашему) дому! (2)*

Варианты: *Мир дому! (1) Мир вашему дому! (1)*

Формулы 2: *С ангелом! (1)*

В инвариантную зону формулы попадают лексические компоненты «мир», «дом». Зона варьирования определяется личным местоимением (или его отсутствием), которое выражает направленность на адресата.

ДОМ (ситуация переезда в новый дом / укоренения в новом доме скотины)

Инвариантной зоной в таких формулах является модель: <номинация мифологического персонажа> + гл. в имп. *пусти / прими / ...*

Дедушка-домовеюшка, полюби у меня пестронушка, пой, корми, драти.
/ Дедушко-доможировошко, пусти скотинку постоять, не мучь, полюби! /
Дедушко-домохозяюшко, полюби мою скотинушку! / «Дедушко-домовеюшко,
прими моих детуцек, обогревай, обувай, одевай, на добры дела их наставляй и
под.

Лексические компоненты могут варьироваться, но это всегда наименования домового духа, выраженные диминутивами с семантикой уважительности, и обязательный глагол в форме императива, выражающий просительную семантику.

Похожую структуру имеют формулы-обращения к лесному духу (*Хозяин-лесовой, пусти меня не ночь ночевать, а век вековать!*).

При анализе всех вариантов этикетных формул к каждому тематическому блоку удалось составить «куст» вариантов. В них были выделены: инвариантная зона, включающая в себя грамматическую форму и слова-символы, и зона вариативная, предполагающая различные вариации на лексическом, грамматическом и даже фонетическом уровнях. Выделение этих зон позволяет проследить становление единого прототекста, восходящего к отдельному «кусту» вариантов этикетной формулы одной тематики. Типология вариантов представляет собой варианты, изводы, редакции, версии и самостоятельные формулы.

Во многих речевых формулах удалось выделить повторяющиеся лексемы, которые создают сквозные мотивы и являются своего рода «скрепами» между текстами различной тематики, позволяющими вывести общий инвариантный фольклорный текст, который может являться неким прототекстом ко многим устноречевым формулам, выполняющим условно-этикетную функцию в традиционной коммуникации в регионах Русского Севера. Свод таких общих слов-символов представлен в таблице 2.

Таблица 2. Список ключевых слов-символов, входящих в инвариантную зону устноречевых этикетных текстов (по материалам СДК)

Ключевые слова-символы	Тема	Формула
<i>Бог / Боже / Божья</i>	Труд	<i>Бог на / в помощь! Без Бога ни до порога! Бог помощь! Божья помощь! Помогай Бог! Помози вам Бог!</i>
	Стирка	<i>Набело, Бог на помощь! Помогай Бог!</i>
	Рыболовство	<i>Поезжай с Богом!</i>
	Доение коровы	<i>Дай Бог боле!</i>
	Дорога	<i>Бог с ним! С Богом! Пресвятая мать-Богородица впереди, Исус Христос сзади, Ангелы по краям, Что Исусу Христу, То и нам!</i>

Продолжение таблицы 2

	Огородничество	<i>Расти с Богом!</i>
	Охота	<i>Помоги тебе Боже! Иди с Богом, дай Бог тебе помочь!</i>
	Трапеза	<i>Бог на помощь!</i>
	Лес	<i>Дай Бог грибов на полную корзину!</i>
	Баня	<i>Смой, вода, вся худоба! Дай Бог тебе здоровья! Божья благодать!</i>
<i>Ангел</i>	Дорога	<i>Ангела-хранителя! Ангел мой, иди со мной, ты впереди — я за тобой!</i>
	Трапеза	<i>Ангела к трапезе!</i>
	Вхождение в чужой дом	<i>С ангелом!</i>
<i>Помогать / помочь / помощь</i>	Труд	<i>Бог в помощь! Помогай Бог!</i>
	Стирка	<i>Набело, Бог на помощь!</i>
	Трапеза	<i>Помогай Бог!</i>
	Охота	<i>Помоги тебе Боже! Иди с Богом, дай Бог тебе помочь!</i>
	Посещение леса	<i>Дай Бог грибов на полную корзину!</i>
<i>Бело / беленько / белый</i>	Стирка	<i>Беленько! Беленько Вам / тебе! Беленько полощи! Набело Бог на помочь! Бело стирать (мыть)! Набело корыто! Помогай Бог! Бело на воде! (Спасибо!)</i>
	Мытье пола	<i>Набело корыто!</i>
	Встреча	<i>Лебедь белая!</i>
<i>Сто</i>	Приготовление пищи	<i>Сто рублей в мошну!</i>
	Ткачество	<i>Сто локот на пришивицу! Сто рублей в карман! Сто женихов под окошко!</i>
	Чих	<i>Будь здоров за сто коров!</i>
<i>Счастливый</i>	Охота	<i>Счастливой охоты!</i>
	Рыболовство	<i>Счастливого улова!</i>

Продолжение таблицы 2

	Дорога	<i>Счастливого пути!</i> <i>Счастливо!</i>
	Чих	<i>Счастлив будь! Будь здоров да счастлив!</i>

Все формулы представляют собой эллиптические высказывания, которые встраиваются в диалоговую структуру, признаваемую инвариантной характеристикой существования народного этикета в целом.

2.3. Диалоговая форма традиционного контактоустановления: типы коммуникантов

При написании настоящего параграфа используются материалы опубликованной статьи автора диссертационного исследования [Чекина 2024б].

Большинство анализируемых в работе ЭФФ принимают форму диалога, характерную для устной коммуникации. Диалогическая речь обычно представляет собой обмен «высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [Винокур 1990: 135]. Диалог обусловлен наличием одной темы (в нашем материале — наличием конкретного тематического блока-ситуации).

Совершенно очевидно, что в народной речи этикетный диалог занимает особое место. Исследователь вологодских диалектных благопожеланий Л.Ю. Зорина предлагает для обозначения этого явления термин «диалоговое единство», под которым понимает «блок, единство, состоящее из реплики-стимула и реплики реакции» [Зорина 2012: 29]. Некоторые исследователи, например, М.Л. Ковшова использует общепринятый термин «вопросно-ответная структура» [Ковшова 2022: 146], но очевидно, что для этикетного диалога такое обозначение не совсем релевантно, поскольку этикетный диалог в традиционной коммуникации редко начинается с вопросной реплики, кроме случаев, когда имеется в виду ритуал-диалог, подробно рассмотренный в

работах Н.И. Толстого [Толстой 2003: 313–410], С.М. Толстой и Л.Н. Виноградовой [Толстая 2015: 166–197].

В настоящем диссертационном исследовании представляется возможным обозначить «диалоговую форму этикетной народной речи как диалогический текст, характеризующийся смысловой цельностью (наличием одной темы), грамматической связностью, относительной завершенностью (факт контактоустановления), определённой социально-коммуникативных ролей участников общения, ситуативной обусловленностью и культурной маркированностью» [Чекина 2024б: 162].

Диалог — это прежде всего тип текста, который отличается принципиальными структурными особенностями. На уровне диалогического текста (записи интервью) ясно, что почти во всех коммуникативно-прагматических ситуациях обозначаются два субъекта говорения: S1 и S2, однако в условиях полевой записи важным оказывается эвиденциальный потенциал высказывания (указание на источник информации) и, как следствие, появление третьего субъекта говорения: S3 (нарратор), в конкретно заданной ситуации не участвующий, но нередко её комментирующий, тем самым выполняющий герменевтическую функцию. Непосредственные участники коммуникации (S1 и S2) произносят реплики согласно установкам традиционного этикета, который регламентируется ситуативностью и регулятивностью. Эти реплики, что вполне закономерно для устной речи, представляют собой краткие эллиптические высказывания: *Бог в помощь!* *Клёв на уду!* *Беленько!* *Счастливого пути!* *Хлеб да соль!* и т.д. Императивная, точнее — «желательная» семантика [Шахматов 1941: 448], прагматически в данном случае оправданная, создается привычным для живого общения набором грамматических средств. Реплика-стимул чаще всего выражается эллиптическим высказыванием с общим оптативным значением ‘пусть будет так, как я скажу и сделаю’, в прагматическом значении — ‘как свойственно лицу (лицам), как делает, поступает лицо (делают, поступают лица)’ [Русская грамматика 1980: 705]. Ответная реплика может быть представлена разными

вариантами, а может и отсутствовать вовсе. В связи с этим по своей структуре этикетный диалогический текст может быть представлен несколькими типами.

Диалог-«спасибо». Зачастую репликой-реакцией в анализируемых конструкциях выступает общепринятый ответ «спасибо»: *Когда едят, то заходят и говорят: «Хлеба исть!». А отвечают: «Спасибо!».* (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986); *Чихнул разок, скажут: «Живите богато, будьте здоровы!». Отвечашь: «Спасибо!»* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-31, 1986). *А чихнёт: «Будьте здоровы!».* — «Спасибо» - отвечает. (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991). *Здоровались: «Сто локот на пришивицу!» — если ткёт. Отвечат: «Спасибо», — да и всё.* (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985). *Если кто-нибудь бельё полощет, а ты мимо идёшь, подойдёшь и скажешь: «Белёнько полощи!».* А тебе и ответят: «Спасибо!» (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987). *Ну, вот там человек работает, сейчас, правда, они так не говорят, идёт сосед, он должен сказать: «Помогай Бог...!» А он должен сказать: «Спасибо!».* (Новый посёлок, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999). Как самый распространенный, он может быть использован почти в любой ситуации повседневного речевого общения. В некоторых случаях ответ может быть более развёрнутым, с уточнением, за что благодарят, нередко — шутливым, например, в ситуации чихания: *Когда замучит, чихат и чихат, ему говорят: «Спица в нос!».* А он отвечает: «Спасибо на мягкой затычке!». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Чихат, чихат, надоест. Говорили ему: «Спица в нос да пара колос!».* От отвечал: «Спасибо на доброй затычке!». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Диалог-конструктор. Этот тип этикетного диалога имеет схожую структуру, однако ответом на реплику-стимул является рифмованная или ритмизированная реплика-реакция. Связь реплик в этом случае осуществляется «через параллельность, однотипность строения» [Жеребило 2010: 92]: *Зайдёшь, а там обедают, скажешь: «Хлеб с солью».* А скажут: «Лоб с мозолью». *Хлеб да соль, ем да свой.* (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985);

Когда ткёт сидит, скаже: «Сто локот на пришивицу!». А она, как девка, ответит: «Сто женихов под окошко!». (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985); Если ткачиха затыкала, а в это время кто зайдёт, то говорили: «Сиденье вашему!». А она и ответит: «Сидеть по-нашему!». Гость и садился, чтоб плотно хорошо садилось. (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987); Если тесто готовишь, а кто чужой и вошёл, то говорит: «Спорынья в квашню!». А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!». (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987); «Бог в помощь!». Ответ: «Бог да Бог, да и сам будь неплох!». (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023), или «Бог в помощь!». Ответ: «Бог да Бог, да и сам бы помог!». (Любим, Яросл., СДК-2024).

В таком диалоге реплики, словно пазлы, встраиваются друг в друга, причем не на семантическом уровне (поскольку этикетная пропозиция не меняется), а на уровне грамматическом прежде всего. Иными словами, эти реплики-пазлы связаны между собой «грамматической» и «звуковой инерцией» [Толстая 2015: 328–329], где ответная реплика является зеркальной, как в структурном, так и в звуковом плане, что, помимо прочего, обеспечивает ритм и благозвучие диалогической речи: *Сиденье вашему! — Сидеть по-нашему!*

Грамматическая инерция может выражаться в «нанизывании одинаковых грамматических форм имени или глагола и обычно сочетаться в рамках грамматического параллелизма со словообразовательным, синтаксическим и другими видами нанизывания» [Толстая 2015: 327]: *Сто локот на пришивицу! — Сто женихов под окошко!* (числ. + сущ. Р.П. + сущ. В.П.); *Хлеб с солью — Лоб с мозолью!* (сущ. + сущ. Тв. П.); *Спорынья в квашню! — Сто рублей в мошну!* (сущ. В.П. + сущ. В.П.). Как видно, структура объединенных реплик одного этикетного диалога грамматически отражают друг друга. Эти же реплики взаимосвязаны, как уже отмечалось, и звуковой инерцией, на что указывает созвучие окончаний некоторых слов: *вашему — по-нашему; в квашню — в мошну; с солью — с мозолью.*

В заговорных текстах подобная организация прагматически мотивирована: ритмическое повторение заклинательных формул является сильным воздействием на источник различного рода опасности. Вполне возможно, что эти приёмы в этикетных диалогах (особенно если они близки к ритуальным диалогам) имеют схожий прагматический потенциал. Однако, как кажется, в этикетном восприятии такие конструкции служат для эстетизации диалога и его быстрой воспроизводимости, нередко в шутовском виде.

Цепной диалог. В диалогическом тексте такого типа реплика-стимул и реплика-реакция связаны семантическим взаимопроникновением лексем: *Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока».* (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987); *Если хозяйка в хлеву доит корову, а зашёл кто-то, то он сказать должен: «Море под коровой», а хозяйка-то отвечает: «Река молока».* (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987). *Раньше в дом приходили, перекрещиваются, у порога стоят и говорят: «Мир дому!». Им отвечают: «Принимаем мир!».* (Тотьма, Волог., СДК-2000).

Очевидно, что обе реплики повторяют друг друга с помощью одной лексемы (мир — мир) или лексем одной лексико-семантической группы (море — река), что усиливает смысловую связь этикетной формулы-благопожелания с ответной формулой. Так, например, в ситуации доения коровы хозяйке желают получения большого количества молока. Именно с этим соотносится и само слово — «море» в значении 'огромное количество, чрезвычайное обилие чего-л'. В мифопоэтической традиции славян море предстаёт как символ безграничного пространства, безбрежности, его огромной величины — всё это в значении 'много' [Белова, Виноградова 2004: 299]. «Река» в свою очередь обозначается как 'непрерывно движущийся поток чего-л'. Семантика слова-символа «река» определяется такими свойствами, как «быстрое течение, подвижность, протяженность в пространстве, извилистость (искривленность русла)» [Виноградова 2008: 416]. В этом случае связь слов-символов имеет партитивное прагматическое значение: хозяйке

желают получить от коровы обилие молока (*море*), но при условии, что «поток» молока будет ровным и быстрым (*река*).

Итак, этикетный диалог по своей текстовой форме можно разделить на несколько типов, выделяя их по особенностям функционирования ответной реплики, который даёт материал Архива СДК: диалоги-«спасибо», диалогиконструкторы, цепные диалоги.

Существование ответной вербализированной реплики даёт возможность говорить о «прагматически правильном диалоге» [Баранов, Крейдлин 1992: 96], где последовательно расположенные реплики объединены одной темой и предполагают доброжелательный межличностный контакт. Однако отсутствие такой реплики («нулевая реплика») не противоречит характеристикам диалогического текста, и такая конструкция может тоже считаться диалогом. В записях Архива СДК встречаются диалоги разного типа и без вербализированного ответа, но, безусловно, его подразумевающего, поскольку имплицитно, в условиях традиционной коммуникации, ответ предполагается. Такие этикетные диалоги присущи тем же бытовым ситуациям: *«Будь здоров да счастлив!»*. (Кимжа, Мез., Арх., СДК-28, 1986); *Бог на помочь!* (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007); *Дак труд на пользу говорят!* (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008); *«Счастливый путь!» (перед дальней дорогой)*. (Григорьево, Бат., Новг., СДК-1988); *Если едят — «Хлеб да соль!»*. *Когда чай пьют: «Чай с сахаром». А то — «Помогай Бог»*. (Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985). В таких случаях предполагается, скорее всего, благодарственный ответ на благопожелание.

Кроме того, материал позволяет рассмотреть совершенно особый тип довольно распространённого этикетного диалога, близкого к обрядовому: *На охоту пойдёшь, тебе скажут: «Ни пуха ни пера!»*. *Ты ему отвечаешь: «К чёрту! К чёрту! К чёрту!»*. *Три раза обязательно*. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Как охотник идёт в лес, ему чё говорят? — «Ни пуха ни пера!»*. *Он тоже должен сказать: «Иди ты к чёрту!»*. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023). Как видим, в речевой ситуации отправления на охоту

проявляется глубокая мифологическая составляющая вербальной организации диалога, а именно — «прагматика отрицания» [Толстая 2015: 343], заложенная в первой реплике диалога *ни пуха ни пера*. Эта реплика является заклинательной, выполняющей одну из наиболее важных функций отрицания в заговорах и заклинаниях — «магическое уничтожение злых сил» [Там же]. Подтверждением тому становится ответная реплика *К чёрту!*, произнесение которой предполагает ограждение от злых сил идущего на охоту. Поскольку лес является сакральным местом обитания разной нечисти (лешего, чёрта, бабы яги и др. — см. [Черепанова 1983]), то человеку, как правило, крещёному, нужно было отказаться от своей веры, чтобы благополучно находиться в этом пространстве и успешно получить добычу (те самые «пух и перья»), именно поэтому в таком случае охотник должен ответить: *К чёрту!*, чтобы показать духу лесу свое отречение от христианства [Зеленин 1929].

Диалог с прагматикой отрицания воспроизводится в схожей ситуации отправления на рыбалку: *Ни чешуйки ни хвоста! А он ты должен послать: «К чёрту!»*. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023). Во всех вариантах такого диалога наличествует модальность долженствования (*должен сказать, должен послать*), в одном случае даже с символической числовой выраженностью (*три раза обязательно*), — как известно, число три в народноречевом мифологическом сознании сакрально. Вполне допустимо, на наш взгляд, назвать такой тип этикетного диалога ритуализированным диалогом.

В этикетном диалоге в рамках традиционного общения коммуниканты соотносятся по типу: а) человек + человек; б) человек + мифологический патрон; в) человек + овощная культура.

Человек + человек

В роли адресанта (S1) в диалогическом тексте может выступать «гость», «чужой» или — чаще всего — обобщённый «кто-то», что случайно идёт мимо, или неожиданно зашёл в гости (в случае сельского пространства входить в дом свободно разрешается всем, если двери / калитка не заперты): *Если ткачиха*

затыкала, а в это время **кто** зайдёт, то говорили: «Сиденье вашему!». А она и ответит: «Сидеть по-нашему!». **Гость** и садился, чтоб плотно хорошо садилось. (Николо-Раменьё, Череп., Волог., СДК-41, 1987); Если тесто готовишь, а **кто чужой** и вошёл, то говорит: «Спорынья в квашню!». А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!». (Николо-Раменьё, Череп., Волог., СДК-41, 1987); Когда идёшь, **кто-то** работает, ты ему говори: «Труд в пользу!». Или: «Бог на помочь!». Он отвечает: «Спасибо». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986). Первая реплика по функции, как правило, приветственная с благопожелательной семантикой: *Здоровались: «Сто локот на пришивицу!» — если ткёт. Отвечат: «Спасибо», — да и всё.* (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

Реплика-стимул, как правило, «присваивается» обобщенному лицу, что выражается в структуре обобщенно-личной конструкции, которая обозначает действие, направленное на широкий круг исполнителей, где глагол может быть выражен «а) формой 2-го лица ед. числа будущего времени (*скажешь*); б) формой 3-го лица множ. числа настоящего времени (*говорят*); в) формой 2-го лица ед. числа повелительного наклонения: (*скажи*)» [Тарланов 1999: 185]: *Если кто прядёт, войдёшь скажешь: «Сто локот на пришивицу!». Она ответит: «Сто рублей в карман!».* (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985); *А кода корову доишь, говорят сужречаясь: «Море под корову!». Отвечаешь: «Давай Бог боле!».* (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991). *Как идёшь, да чай пьют, скажи: «Чай с сахаром!».* *А обедают-то, дак: «Хлеб с солью!».* *А хозяин: «Спасибо».* (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

Нередко используются и неопределенно-личные конструкции (*говорили*) или вовсе безличные модально-авторизующие конструкции (*можно сказать, надо сказать*): *Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока».* (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987); *«В дальнюю дорогу» — близкие говорили. «Долгих лет жизни!». «Счастливого пути!».* (Вязовия, Осташк.,

Селижар., Тверск., СДК-59, 1997); «С лёгким паром!» — говорили. (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).

Реплика-реакция так же «безлична» (*обедают, пьют, отвечает*), она может быть адресована кому угодно. В наших материалах нарраторы — в попытке описать типичную, обычную для них ситуацию — обозначают (всякого / любого) субъекта действия неопределенным местоимением или существительным с обобщенным значением: *кто-то* работает, *человек* работает, *нагоняешь кого-нибудь* и под.

У адресата, «ответчика» (S2), более разнообразная палитра ролей, выражающаяся в лексических номинациях: а) указание на роль в доме (*хозяин / хозяйка*); б) указание на степень близости / родства (*сосед / соседка, знакомый / незнакомый, близкий*); в) указание на род деятельности (*охотник / рыбак / ткачиха*); г) обобщённое указание с глаголом и неопределенным местоимением (*прядёт кто / работает кто*).

В диалогическом тексте такого типа происходит непосредственное взаимодействие коммуникантов-людей — обе реплики выражаются вербально и представляют собой устойчивую этикетную формулу (форму) в функции приветствия, благодарения, прощания и под.

Человек + мифологический патрон (человек + домовый, человек + лесовой, человек + полевой и под.)

Особая категория «диалогов», образующая квазикоммуникацию, представлена прежде всего в виде обращений. Обращение как единица речевого этикета актуализируется в традиционной коммуникации особым образом, об этом частично писали в разное время В.Н. Гришанова, Л.Ю. Зорина, О.А. Черепанова⁷ и др. ученые. Однако многие из них рассматривали вопросы формульности народноречевых этикетных выражений, прежде всего, в проекции проблемы их структурной организации в условиях коммуникации между людьми, справедливо полагая, что речевой

⁷ См. список литературы.

этикет — яркий показатель культурно маркированного речевого опыта конкретного сообщества людей. В отличие от городского этикета, где непосредственно коммуникантами выступают люди, в этикете народной речи, как известно, «в качестве партнера по коммуникативному акту может выступать не только человек, но и практически любой другой объект, который приобретает человеческие атрибуты в акте общения. Происходит своеобразная “тотальная антропоморфизация” природы. Таким образом, правила этикета могут соблюдаться не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к зверю, дереву, земле, а также духам предков, персонажам народной демонологии и т. д.» [Байбурин, Топорков 1990: 7].

Диалог между человеком и мифологическим патроном (*домовым, дворовым, лесовым, полевым*) имеет более сложную структуру. В роли S1 выступает *хозяин (хозяйка), соседка*, но чаще это уже привычный обобщённый «кто-то»: *«Дедушка-доможирюшко, храни меня, сбереги» — и всё. В хлев скотину заведёшь — тоже просишься. Она (соседка) всё молоко в четыре угла лила. Подоит немножко корову и льёт в четыре угла.* (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008); *Хозяин да хозяйка-то, кошка, и попросится в дом у дедушки и домодедушки: «Дедушко-домовой, пусти пожить».* (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008). В некоторых контекстах S1 и S3 представлены единым субъектом говорения: *Просились вот с животинной, или вот захожу я в новый дом да в новый или куда-то на квартиру, и надо как-то проситься: «Дедушко-атаманушко, пусти нас там с коровушкой или с овечкой, или с кем ли» — вот так вот. Какие слова только говорили вот эти, эти все говорят.* (Кобелёво, Пин., Арх., СДК-2008); *Пошли сын да невестка в новый дом, я взяла хлеба, соли, крупки. Зашла: «Дедушко-домовеюшко, прими моих детушек, обогревай, обувай, одевай, на добры дела их наставляй».* Обошла по углам. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986). Схожую структуру имеют обращения к персонифицированным праздникам, на что указывает предикат в определённо-личной конструкции: *В Егорий возьму иконку и весь двор обойду, и приговариваю: «Егорий-батюшка, сохрани мою скотинушку от злых людей,*

от зверей», а то два ремешка постелю накрест и замок повешу на первую дверь на двор, тогда коровушка будет дома держаться (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

В большинстве случаев таких диалогов S3 указывает на обобщённого (неконкретного) субъекта говорения, что всё также подтверждается функционированием предиката в предложении: а) неопределенно-личная конструкция: *Если скотину покупали, домой вели и говорят: «Батюшка-дворовой, пойдём со мной». А если на ново место: «Пойдём жить, да нам служить».* (Ступино, Череп., Волог., СДК-37, 1987); б) безличная конструкция с инфинитивом и модальным словом: *Говорят, надо идти, выбрать место, спросить хозяина: «Хозяин-лесовой, пусти меня не ночь ночевать, а век вековать».* (Чёрная, Бат., Новг., 1988); в) определено-личная конструкция: *И скажи, что: «Батюшка-полевой, отпусти мою коровушку домой», — и всё.* (Красный Берег, Волог., Волог., СДК-2005).

При всём этом понятно, что S2 явленно не выражен, имеется только указание на его именование — это может быть *дух леса, хозяин-лесовой, лес / батюшка-полевой / батюшка-дворовой / дедушка-доможирушко, бабушка-домождорушко, дедушка-домовеюшка, матушка-домовиха, хозяин-домохозяюшка, дедушко-атаманушко, хозяин (хозяюшка), дедушка-домовидушко, бабушко Соломнидушко, дедушка-домовинушка, бабушка-домовина, дедушка-домовой* и др. (см. [Черепанова 1983]).

Обращения выполняют в этом случае апеллятивную, воздействующую и символическую функции. Прагматически верного диалога здесь не происходит, поскольку мифологический персонаж не может дать вербального ответа. Такой диалогический текст принимает в этом случае форму диалогизированного приговора, воспроизводимого в рамках некогда забытого обряда.

Диалогизированные приговоры функционируют также в рамках квазикоммуникации по модели «человек + овощная культура», где ОЭФФ функционируют в виде ритуализированных обращений: *Вот Валя когда*

сажает что в огороде, говорит: «Расти с Богом для себя и для людей!». (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987); *Ну, вот капусту сажают, дак говорят: «Не будь голенаста, а будь коренаста!».* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); *Когда огород сажаю, говорю: «Расти, вейся, на уход не надейся!»* (Троица, Любим., Яросл., СДК-2024).

Диалогический текст в традиционной коммуникации характеризуется совокупностью принципиальных дискурсивных особенностей. С одной стороны, он близок к общенаучному пониманию термина «диалогическое единство», которое «обеспечивается наличием одной темы, согласием или несогласием собеседников. Д.е. — последовательность взаимосвязанных реплик, объединенных: 1) накоплением информации по данной теме; 2) мотивированностью форм (*модальностью, адресованностью* — А.Ч.); 3) сцеплением, опорой на предыдущую или последующую реплики» [Жеребило 2010: 92]. С другой — для этикетного диалогического текста принципиально важно, что каждая реплика является зависимой, вынужденной, поскольку имеется крепкая связь с ситуацией говорения, типами коммуникантов (человек, мифологический патрон) и культурно-мифологическим контекстом, обуславливающим быт участников коммуникации, в отличие от «быстрого разговора на обыденные или деловые темы», в котором «компоненты не имеют особой заданности» [Якубинский 1986: 27]. Адресат и адресант в диалогическом тексте имеют отчетливое представление о том, что дословно (с небольшими вариациями) нужно произнести в той или иной ситуации.

Диалогический текст в традиционной коммуникации редко выстроен в форме вопросно-ответной структуры. Такие структуры в нашем материале единичны: *Откуда ты такая явилась? — Из тех ворот, откуда весь народ.* (Твер. Осташк. СДК-1991). Для этикетного диалога характерным является наличие утвердительной реплики-восклицания в функции приветствия (*Море под коровой!*), благословения (*Помогай Бог!*), прощания (*Счастливого пути!*) и под., на которую следует соответствующий утвердительный ответ

(*Спасибо!*). Диалог в этих случаях всегда воспроизводится в рамках одной тематической ситуации.

Как видно, речевой народный этикет представлен формой диалогического текста, которая предполагает контактоустановление между людьми, между человеком и мифологическим патроном, между человеком и овощной культурой. Эти диалоги обязательны, поскольку того требует этикет и в некоторых случаях сохранившиеся «осколки» обряда. Все реплики этикетного (обрядово-этикетного) диалога семантически взаимообусловлены, грамматически оформлены и прагматически ориентированы.

2.4. Этикетные формы и формулы традиционной коммуникации: структурно-семантические особенности

Собственно этикетные формы и формулы (СЭФФ)

При написании настоящего подраздела используются материалы опубликованных статей автора диссертационного исследования [Чекина 2023 а, б].

Этикет народной речи, как уже было отмечено, представляет собой целостную систему культурно значимых ЭФФ. Каждая формула отражает повседневный быт людей, живущих в сельской местности, который ещё сохраняет в себе остатки архаичного мифологического знания. Это прежде всего воплощается вербально, на что указывает лексическая оформленность формул; акционально, поскольку каждая формула соотносится с реальным действием, которое выполняется участником коммуникации; предметно, т.к. зачастую коммуникативно-прагматическая ситуация связана с конкретным ритуализированным предметом, с помощью которого выполняется действие. Всё это в совокупности превращает любую ЭФФ в культурный знак, который заключает в себе символическую семантику и выполняет условно-этикетную функцию.

Результаты наблюдений показывают, что СЭФФ функционируют в трёх основных видах: формулы-приветствия (установление контакта), формулы-благодарения (поддержание контакта), формулы-прощания (прерывание

контакта). В основном речь идёт о коммуникации по модели «человек + человек», но в некоторых случаях (при функционировании формул-благодарений) актуальной становится модель «человек + мифологический патрон».

ПРИВЕТСТВИЕ

В процессе установления контакта между коммуникантами для «инициации общения» [Щепанская 2003: 230] СЭФФ в основном функционируют в виде собственно приветствий: *Да, со всеми здоровались. Кто-то идет, да, незнакомый: «Здравствуйте». Забытое какое-то, в городе же не так.* (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024); (Старшим): *Здравствуйте! Шапочку снимали, кланялись.* (Ракомо, Новг., Ногв., СДК-54, 1994); *Раньше к старичкам не так относились. Как встретят на улице старика, дак всё говорят: «Здрасьте, Ваше степенство!».* (Кисово, Волог. Череп., СДК-40, 1987). Подобные контексты в нашем материале малочисленны, но тем и интересны: прослеживается явная связь со «старой» традицией, что видно по некоторым лексемам (*раньше, забытое какое-то*). Отмечается, что здоровались в основном со старшими по возрасту людьми, а первыми всегда должны здороваться младшие. При этом информанты в интервью часто говорят, что в деревне принято здороваться со всеми: и знакомыми, и незнакомыми людьми (в сравнении с городской средой «в городе же не так»). Это подтверждает и Н.И. Формановская, которая указывает, что в деревенском социуме, принято «здороваться даже с незнакомыми, посылая им знак доброжелательства» [Формановская 1989: 46].

Остальной материал фиксирует особые приветствия, которые лексически маркируют ситуацию, требующую произнесения той или иной СЭФФ: *Здоровались: «Сто локот на пришивицу!» — если ткёт. Отвечат: «Спасибо», — да и всё.* (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985); *Приветствовали: «Хлеб да соль!» Добра пора, когда едят. Обедают. Чай пьют да скажут: «Чай да сахар!».* (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986); *Если старушки сидят, то им говорят: «Сиденью вашему!».* А они уж отвечают:

«*Сидеть по-нашему!*». (Игнатово, Череп., Волог., СДК-41, 1987). В СРНГ указывается, что подобное последнему выражение является приветственным: ‘Мир вашему сиденью! Приветствие сидящим людям старшего возраста’ [СРНГ 2004: 282]. Почти всегда они выстроены в форме диалогического текста, что актуализирует факт контактоустановления.

Встречаются и совершенно уникальные этикетные формы, которые не имеют вариантов и зафиксированы в конкретном регионе, в конкретный год: *В некоторых деревнях они (женщины) не здороваются, а говорят: «Лебедь белая!» (и при этом кланяются).* (Тотьма, Волог., СДК-2000). Приветствие имеет точную идентификацию: «это ласковое обращение к молодой и приятной женщине» [Зорина 2012: 102]. Устойчивый фольклорный образ легко считывается — *лебедь* имеет «ярко выраженную женскую символику» [Гура 1997: 679], особенно в песенном фольклоре ассоциируется с образом молодой и красивой «невесты-лебедушки» [Там же: 680]. Рядом с эпитетом (*лебедь*) *белая* словосочетание приобретает значение чистоты и красоты (подобно белому лебединому оперению). Разнообразные формулы с компонентом «лебедь» используются, например, в вологодских говорах как благопожелания при стирке белья, где семантика ‘чистоты, белизны’, с коей соотносится *лебедь*, проявляется достаточно отчётливо.

Другой единичный контекст представляет собой вопросно-ответную структуру: *Откуда ты такая явилась? — Из тех ворот, откуда весь народ.* (Твер., Осташк., СДК-1991). Этикетная формула встречи характеризует женщину, самоидентифицирующую себя со «всеми народом», т.е. являющуюся частью деревенского общества наравне со всеми остальными его представителями. Эта формула, в сущности, является пословицей, которая подчёркивает социальное равенство и единство всех людей. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) фиксируется один контекст начала XX века, где фигурирует это выражение: *Второе чадо — твой quasикрестник Антон, незаконный мещанин г. Новгорода, служит в типографии доброго господина Суворина наборщиком, весьма доволен своим положением, переживает 18-й*

год выхода из тех ворот, **откуда весь народ** царя почитает, к родителю (за неимением матери) питает самые дружественные чувства и Потоцкого не признает в силу дегенерации, унаследованной от Анны Ивановны. [Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1903)]. Однако есть предположение, что пословица была известна и раньше, в интернет-пространстве ее можно встретить в форме анекдота или тоста, относящегося к «временам Пушкина»: — *Я пью за здоровье ворот / Откуда я и весь народ!* — *Я пью за здоровье ключа / Что открывает сгоряча / Замок заветных тех ворот / Откуда я и весь народ!* Такое разножанровое «гуляние» формулы указывает на ее фольклорный потенциал. В нашем случае формула выполняет этикетную функцию приветствия, сохраняя при этом свой культурный смысл.

Наиболее актуальными среди СЭФФ становятся приветствия-благопожелания, воспроизводимые в различных ситуациях повседневного труда русского крестьянина. Зачастую такие СЭФФ представлены в виде диалога-«спасибо»: *А труд на пользу! — Спасибо. «Бог на помощь!».* Раньше всё: *«Бог на помощь»* ведь, а тут стал *«труд-то»*. (Кобелёва, Пин., Арх., СДК-2008); *«Бо(х) на помощь!» — «Спасибо!» — да и всё. Зайдёшь — хозяйка моег, дак: «Набело, Бог на помощь!».* (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008).

Самые распространённые «трудовые» СЭФФ *Труд на пользу!* и *Бог в помощь!* общеизвестны в разных фонетических и грамматических вариантах и закреплены словарно. Акцентируем внимание на «специфических» формулах, которые характерны только для конкретного вида работы:

Ткачество: *Спех тебе за став!* (Ответ: *Спасибо! Сто женихов под окошко!*) *Спех за крёснами! Сто локот на пришивицу!* (Ответ: *Сто рублей в карман!*).

Приготовление пищи: *Спорынья в квашню!* (Ответ: *Сто рублей в мошну!*).

Стирка и полоскание белья: *Беленько! Беленько Вам / тебе! Беленько полощи! Набело Бог на помочь! Бело стирать / мыть! Набело корыто! Помогай Бог! Бело на воде!* (Ответ: *Спасибо!*).

Доеение коровы: *Море молока! Море под коровой! Море под корову! Ведро молока! Море до колена!* (Ответ: *Дай Бог боле! Река молока!*).

Рассматриваемые этикетные выражения принимают форму эллиптических конструкций с благопожелательной семантикой. Как известно, пожелание — это «адресованное слушающему изъявление желания добра, здоровья и т.п., причём слушающий является одновременно бенефициантом пожелания и субъектом желаемой ситуации» [Бондарко 1990: 181]. Если условно восстановить реплику-стимул любой формулы, то получится привычная пожелательная конструкция: <Пусть будет> *море под коровой!* <Желаю> *спех тебе за став!* <Пусть будет> *беленько!* <Пусть будет> *спорынья в квашню!* Оптативная семантика может быть выражена эксплицитно: *спех* ('успех, удача'); *море молока / до колена* (в значении 'много'), *спорынья* ('успех, удача в к.-л. деле'); или имплицитно: *беленько / бело на воде / набело* (т.е. 'чисто, свежо'), из чего становится ясно, что конкретно желают хозяйке (представленные ситуации характерны для женщин).

В целом синтаксис языка фольклора, как следует из ряда специальных исследований⁸ отдельных устнопоэтических текстов, характеризуется специфическими чертами, часто обусловленными онтологической связью этих текстов с живой устной речью. Так, например, З.К. Тарланов указывает, что «синтаксис пословиц — это всегда синтаксис живой народной речи определенного периода, доведенный до совершенства» [Тарланов 1999: 39]. И далее — утверждает: «Синтаксис пословиц и синтаксис живой народной речи — это вещи одноплановые, равнозначные» [Там же]. При квалификации общего строя малых речевых форм народной речи, в частности — ЭФФ,

⁸ См. список литературы.

имеющих разное происхождение, но выполняющих важнейшие функции традиционного общения это положение вполне справедливо.

Лексический состав формулы напрямую зависит от ситуации, при которой она воспроизводится. Упоминаются предметы-символы, с помощью которых выполняется действие: а) при ткачестве: *став*, *кросна* (варианты названий домашнего ткацкого станка), *пришвица* (то же, что *пришва* ‘передний вал в ткацком стане для укрепления нитей основы и наматывания готовой ткани’ [СРНГ 1998: 66]); б) при стирке: *корыто*, *вода*; в) при доении коровы: *молоко*, *ведро*; г) при замешивании теста: *квашня* (‘деревянная кадка для заквашивания теста’ [СРНГ 1977: 164]) и др.

Такие разновидности женского занятия, **как ткачество и приготовление пищи**, сопровождаются схожими по своим структурно-семантическим особенностям формулами, представленными в виде диалога-конструктора: *Когда ткут, так говорили: «Спех тебе за став!»*. (Ковриг, Любытин., Новг., СДК-36, 1986); *Когда ткёт сидит, скаже: «Сто локот на пришвицу!»*. *А она, как девка, ответит: «Сто женихов под окошко!»*. (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985); *Коли за работой сидишь, прядёшь значит, вот гость-то идёт, придёт, так скажет: «Спех за крёснами!»*. (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987); *Если хто прядёт, войдёшь скажешь: «Сто локот на пришвицу!»*. *Она ответит: «Сто рублей в карман!»*. (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985); *Если тесто готовишь, а кто чужой и вошёл, то говорит: «Спорынья в квашню!»*. *А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!»*. (Николо-Раменьё, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Эти формулы-благопожелания, как уже отмечалось, восходят к одному прототексту, на основе которого выделяются грамматическая инвариантная зона формулы (*Спех тебе за став! Спех за креснами! Спорынья в квашню!*) и лексическая зона варьирования (*Сто рублей в карман! Сто рублей в мошну!*).

Формулы и приветствия, и ответа на него представляют собой уже традиционные эллиптические конструкции с двухчастной структурой: при этом левая часть содержит в себе основной смысл благопожелания, то, что

конкретно желают хозяйке (*спех, спорынья, сто локот, сто женихов, сто рублей*), правая — указывает на объект, который должен обеспечить успешный исход дела (*за став, за крёснами, на пришивицу*) или же место, где должен оказаться результат успешной работы (*под окошко, в карман, в мошну*). Характерен повторяющийся количественный компонент «сто» (*локот, женихов, рублей*). Отмечается диалектная форма множественного числа Р.п. от существительного «локоть», которое в этой формуле актуализирует значение ‘старинная мера длины, равная приблизительно 0,5 м.’ [МАС 1986: 198].

Существует наблюдение [Зорина 2012: 68], что *сто женихов под окошко* может выступать как формула самого благопожелания, а не ответа на него, как представлено в материале СДК. И в этом случае такое пожелание хозяйке может выразить кто-то из женского круга, поскольку женщины больше заботятся о создании семьи, а пожелание *сто рублей в карман / мошну* — мужчина, т.к. именно он занят обеспечением семьи материальными благами.

В целом такие приветствия-благопожелания, содержащие диалектные слова и словосочетания, отражают колорит речевого этикета Русского Севера и относят их к уникальным, близким к фольклорным текстам, которые отличаются «устойчивостью бытования, использованием традиционных для фольклора мотивов», а также «способностью к поэтическому совершенствованию (рифма, параллелизм, метафоризация и т.д.) и узнаванию в данной культурной среде» [Садова 2004: 141] коммуникантами.

Ещё один из важнейших блоков-ситуаций, связанных с женским бытовым занятием, — **стирка или полоскание белья**: *Если бельё полощешь, а идёт кто, дак скажет: «Белёнько!»*. *А ты ответишь: «Спасибо!» и дальше работаешь.* (Сковятино, Череп., Волог., СДК-1987); *Когда полощешь бельё в воде, а вдруг кто-то проходит мимо, дак он сказать должен: «Белó на воде!»*, *а ты и ответишь: «Спасибо!»*. (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-1987); *А идёшь, и вдруг бельё полощут, говорят: «Беленько» или «Беленько Вам»*. *Так вообще слыхивала я с юных лет.* (Твер., Осташк., СДК-1999); *Здравствуй-то,*

худо говорили, а раньше дак: «Помогай бог». Стирала, дак скажут: «На́бело, Бог на́ помочь». (Засурье, Арх, Пинега, СДК-1985).

Действие, как видно, происходит обычно на улице, т.е. женщина стирает белье на реке. В целом материал Архива СДК даёт следующие варианты этой формулы: *Беленько.../Вам/тебе / Беленько полощи / Белó на воде / Бело стирать / мыть / Набело, Бог на помощь.*

В устной коммуникации эти формулы представляют собой синтаксические конструкции разговорной речи, которая в самом общем виде характеризуется обрывочностью, недосказанностью, но при этом — содержательной ёмкостью (*Беленько! Бело на воде!*). Очевидно, что перед нами пример эллиптической конструкции, особенностью которой является «устранение глагольного компонента, которое не возмещается контекстом или ситуацией» [Акимова 2009: 138]. Такие конструкции А.А. Шахматов, например, относил к неполным предложениям без глагола (отсутствие предиката) и называл их нарушенными [Шахматов 1941: 30—31], что вполне характерно для синтаксиса живой речи. При этом важно, что «устранение глагольного сказуемого не препятствует в этом случае самостоятельному функционированию предложения» [Акимова 2009: 138], т.е. устная коммуникация от этого не страдает, тем более — исконно ритуализированная, построенная на традиционных речевых формулах-символах.

Архаичная формула приветствия при стирке / полоскании белья сохраняет в себе древнюю семантику, заключённую в корне *-бел* в представленных разными вариантами словах категории состояния: *беленько, бело, набело.*

Этимологически корень *бел-* соотносится во многих языках, где означает примерно одно и то же. В словаре Фасмера указано: «бел, белá, белó, укр. білий, ст.-слав. бѣль, болг. бял, сербохорв. биѠ, бијуела, словен. bêt, чеш. bílý, польск. biały, в.-луж., н.-луж. běty. Исконнородственно др.-инд. bhālam "блеск" (здесь и далее выделено мной — А. Ч.), bhāti "светит, сияет", греч. πεφῆσεται "явится" (от φαίνω из *φάνω), πέφη·ἐφάνη (Гесихий), лит. boiúoti

"отливать белым, белеть", лтш. *bāls* "бледный, блеклый", лит. *balas* "белый", греч. *φαλός* *λευκός* (Гесихий), *φάλος* "светлый, белый", кимр. *bal* "белолицый", алб. *ballë* "лоб", др.-исл. *bái* "огонь", далее лит. *balà* "болото", *báltas* "белый"» [Фасмер 1987]. Как видно, основное значение этимона — 'блестеть, светить, сиять, отливать белым, белеть; светлый, белый'.

Это подтверждается текстом статьи в сравнительном этимологическом словаре О.Н. Трубочева: «*albus, candidus* 'белый' (SJS), болг. бял, диал. бел, бел 'белый; прозрачный, чистый' (Младенов БТР; Георгиев) 'белый' (Plet. I, 17), диал. *bela* ж. р. — об овце (Sasel, Ramovs 101), чеш. *bíly*, прилаг. 'белый, светлый', *bíle v osích* 'бельмо', словц. *biely* 'белый', 'светлый', 'седой' (SSJ I, 94), в.-луж. *bely* 'белый' (Pfuhl 13–14), н.-луж. *bely* 'белый, светлый, ясный', 'чистый' (Muka St. I, 28), полаб. *Vole*, прилаг. м. р. 'белый' (Polanski — Sehnert 44), польск. *biały* 'белый'); бело ср. р. 'рассвет, раннее утро' (костр., Филин 2, 216), ст.-укр. бѣлый 'белый', 'чистый', 'седой' (Тимченко I, 172), билый (Арх. ЮЗР. I, 1, 183—1583 г., Тимченко I, 90), укр. білий 'белый', 'чистый' (Гринченко I, 64), блр. белы 'белый'. Праслав. **bělъ* довольно близко к реконструируемому кельт. **belos* 'светлый, блестящий', ср. галльск. *Belenus*, эпитет Аполлона (см. W. Prellwitz ВВ XXII, 1897, 80; Pokorny I, 119)» [ЭССЯ 1975, Вып. 2: 79]. Однако здесь заметно и «новое» значение корня *бел-* — белый, т.е. 'чистый, прозрачный'.

В «Словаре русской ментальности» В.В. Колесов дает следующее толкование, важное для наших рассуждений: белый — это 'лишённый собственного цвета и каких-либо цветовых примесей, и потому сохраняющий исконные блеск и чистоту'. Этот цвет «в большей степени присущ окружающему человека миру, чем самому человеку, который легко покрывается грязью и теряет белизну» [СРМ 2014, Т.1: 36]. К тому же в работах по исторической лексикологии В.В. Колесов (см. [Колесов 1986; Он же 2004]) отмечает, что белый — это в первоначальном значении 'блестящий, прозрачный', т.е. невидимый. А вот значение 'чистый' развилось довольно

поздно (1583) и стало второстепенным, зафиксированным и в наших записях конца XX — нач. XXI столетий.

О символизме белого цвета (в соотношении с красным), как известно, писал и А.А. Потебня, связывая значение слова-цвета с магическими и мифологическими значениями явлений, которые оно называло: «Как белый, так и первообраз слова *яркий, ярый*, от света и огня (Ярило, солнечный праздник) переходит к белому цвету (*ярый* воск), желанию и любви (*ярость*, млр. *яровитый*, страстный)» [Потебня 2000: 28]. Эпитет *ярый* здесь употребляется в значении ‘белый, блестящий, яркий’ [Там же]. Интересно, что Потебня отмечает особую культурную семантику белого цвета — любви и красоты. «Хотя значение красоты могло образоваться здесь и без посредства белого цвета, прямо от света — огня, но тем не менее белизна — символ красоты», что следует иметь в виду относительно рассматриваемой прагматической ситуации стирки / полоскания белья. «В сыскном деле о ворожеях (XVII век, см. Забелин, 486, 487) сохранился заговор, произносившийся при сожигании воротов рубашечных: “Какова бела рубашка на теле, таков бы муж до жены был” или “столь бы муж был светел”. Отсюда видно, что бел = мил». Так, «значение белого цвета выходит из того, что он символ любви: мыть *бело* значит любить» [Потебня 2000: 28].

Можно предположить, что в нашем приветствии-благопожелании хозяйке желают *бело мыть / стирать* с пожеланием стирать не только, «сияюще», «блестяще» чисто, прозрачно, но ещё и красиво, с любовью, ведь *бельё* хозяйка обычно стирает (как принято) для всей семьи, т.е. для тех, кто ей мил. Здесь прослеживается неразрывная гармоническая связь представлений о пользе и красоте, т.е. прагматического (хозяйке желают стирать чисто) и эстетического (хозяйке желают стирать красиво, с любовью), что весьма характерно для этикетной формулы, встраивающейся своей культурной семантикой в фольклорный контекст.

Обращает на себя внимание и уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк* в наиболее распространённой формуле *Беленько!* как

форманта, указывающего на известную интимизацию бытовой ситуации, т.е. желание говорящего расположить к себе адресата реплики. Л.Ю. Зорина отмечает в этом благопожелании «усиление пожелания за счёт экспрессии, которая привносится суффиксом -еньк-, ср. в народной речи: *близенько, маленько, кругленько, чистенько*» [Зорина 2012: 130].

Грамматическая вариативность слов категорий состояния, задействованных в формуле, имеет три основные формы: *беленько, бело, набело*. В «Словаре русских народных говоров» формы «беленько» и «набело» отмечены отдельно: *Беленько (/бело)* — чисто [СРНГ 1966: 211]. *Набело* — в сочетаниях: ‘Набело белый — очень белый; бело набело — очень чисто’ [СРНГ 1983: 111]. Характерно, что в случаях тавтологического сложения слов одна часть предстаёт в значении ‘очень’. Л.Ю. Зорина сравнивает благопожелание *Набело!* с устойчивыми сочетаниями: крепко-накрепко, бело-набело, т.е. ‘очень, до крайности крепко, бело’ [Зорина 2012: 28]. К ним же можно отнести парные фольклорные формулы «белым-бело», «черным-черно», «раным-рано» и под. (о речетворческой вариативности парных формул см., напр., [Садова, Чекина 2023]). В языке фольклора подобные словосочетания встречаются довольно часто — они актуализируют усиление смысла, заключающегося в семантике слова. В.В. Виноградов писал: «Разные конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ имен существительных или прилагательных (вроде творительного усиления), обычно ведут к образованию наречий. В них реальное значение слова поглощается функцией эмоционального усиления» [Виноградов 1947: 382–383]. В нашем случае употребляется только одна часть подобного сочетания (*Набело!*), функционирующая как самостоятельное эллиптическое предложение, в то время как в привычной форме она составляет часть сложного композита (*бело-набело*).

В синтаксической структуре формулы учитываются варианты факультативных элементов, характеризующие: а) указание на адресата (местоимения *Вам / тебе*); б) указание на действие, выраженного

императивом в традиционной форме — второго лица (*полощи*) или в форме инфинитива (*стирать, мыть*) с усилением пожелания стирать чисто, качественно; в) указание на место, выраженное предлогом *на* и существительным в предложном падеже *воде*, подчёркивающее ситуативную обусловленность благопожелания (при стирке белья).

Как показывает анализ, формула приветствия хозяйки в ситуации стирки / полоскания белья достаточно устойчива, что подтверждается количеством контекстов, закреплённостью её в словарях и вариативностью. Эта формула является, пожалуй, самой архаичной, что отражается и в семантике, и в грамматической форме. В собрании известного фольклориста С.В. Максимова «Крылатые слова» фиксируется эта формула в контексте культурных реалий конца XIX века: *На реке бьет вальком прополосканное белье младшая невестка из соседней избы: «беленько!» — услышит и она короткое приветствие.* [С. В. Максимов. Крылатые слова (1899)]. Наш материал показывает, что формула активно использовалась жителями Русского Севера в конце XX века, и лишь один контекст датируется 2000 годом: *«Бело стирать (мыть)!»* (Тотьма, Волог., СДК-2000). Всё это наводит на мысль о том, что формула стирается из памяти диалектоносителей, становится культурно-историческим элементом, о котором современный житель деревни уже почти не помнит.

СЭФФ обслуживают и другое, не менее важное женское занятие в деревне, — доение коровы. В нашем материале встречается несколько вариантов такой формулы: *Море под коровой (2) / Море молока (1) / Ведро молока (1) / Ведром (тебе) (2) / Ведром тебе, Бог помощь (1) Река молока (только как ответ) (2).*

Рассматриваемые формулы могут быть обозначены как конструкции с нереализованной валентностью (*Море под коровой!*). Это можно объяснить особенностями устной разговорной речи — с одной стороны, с другой — той ситуацией, при котором участникам диалога не нужно объяснять правила

заданной коммуникации, поскольку они обладают этим знанием подсознательно.

Рассматриваемые формулы принимают форму цепного диалога: *Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока».* (Сковятино, Черепов., Волог., СДК-1987). Как видно, при нулевом участии глагола, что характерно для эллиптических конструкций, объектом действия оказывается слово-символ — «море», которое произносится в благопожелательной функции: хозяйке желают море молока. При фактическом отсутствии предиката предикативность всё же ощущается — через лексико-семантическую наполненность формулы, которая в содержательном плане актуализирует намерение пожелать хозяйке благополучного исхода дела. Следовательно, это пожелание связано с прагматическим смыслом доения коровы — получения от неё большого количества молока.

Употребление подобных слов-символов указывает не только на большое количество молока, но и на сам процесс доения, причём всё это — в символическом значении, закреплённом за синтаксической конструкцией. И.А. Оссовецкий относил подобные формулы к «поэтической фразеологии» [Оссовецкий 1975: 71–73], которая «представляет собой художественные лексико-синтаксические единства разной степени обобщенности» [Там же]. Она может включать в себя «стабильные синтаксические конструкции со словами-символами и с заданной экспрессией» [Там же], что наблюдается и в нашей этикетной формуле приветствия, произносимой в ситуации доения коровы.

«Трудовые» этикетные формы, которые информанты произносят «своими словами», отражают смысл общепринятых этикетных формул, тем самым сохраняя их прагматическую функцию: *«Труд на пользу!»*. *«Здоровье в руки!»*. *«Чистота в избе!»* *Бывает, и сам придумает.* (Устрека, Мошенск., Новг., СДК-45, 1989).

Важно, что в случаях произнесения приветственной ЭФФ это речевое действие является обязательным актом, после чего только можно начать обычный повседневный разговор.

Существует в системе речевого этикета и т.н. вербальный запрет, «запрет» на приветствие («табу слов»). Ситуации, в которых категорически запрещается здороваться, глубоко ритуализированны и имеют связь с магическими действиями: *Идёшь с подойником со двора, скорей молоко ставишь, потом здороваешься, а с молоком поздоровалась — «Пусть Бог прощает нас грешных», — скажешь.* (Гора, Пин., Арх., СДК-26, 1985); *Доя корову, дак не здороваются, с молоком пойдёшь — тоже.* (Слуда, Пин., Арх., СДК-26, 1985); *Нельзя кода молоко несёшь, поставь его, тогда здоровася, а с молоком — не здоровася. С подойником идёшь — тожы не говори ничо, пока не поставишь, не занесешь, так-от что хошь бутте, иди мимо, не разговаривай.* (Сура, Пин., Арх., СДК-21, 1985); *Во хлеве не здоровайся, со скотиной коды живёшь, гони, во двор не пускай никогда никого, нельзя пускать никого ко скоту.* (Сура, Пин., Арх., СДК-21, 1985); *И вот была примета: через реку молока не давать. Если с молоком идёт (женщина), то говорить нельзя, ни ставить нельзя и по гостям ходить нельзя с этим молоком, пока по дому не дойдёшь. Молоко из рук в руки не передают. Это на корову отражается. С молоком шутики плохи.* (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008). В русском культурноречевом пространстве отмечается, что «языковые запреты могли быть полными (например, молчание) и частичными» [Виноградова, Толстая 1999: 273]. В защитных целях могли подвергаться запрету многие речевые этикетные ситуации: «запрещено здороваться (например, при севе; в доме, где находится покойник и др.), отвечать на приветствие, вообще “отзываться” благодарить (например, знахарку после сеанса заговаривания); сильным запретам подвержена брань и проклятия (особенно адресованные детям)» [Там же], что подтверждает и наш материал: *Ругаться нельзя, многие ругаются чёртом — упаси Боже — нельзя его поминать!* (Хотяж, Новг., Ногв., СДК-54, 1994).

В подобных ситуациях происходит невербальная этикетная ситуация: коммуниканты, обладающие единым культурным фоном, понимают, в каких случаях не принято произносить формулу-благопожелание в функции приветствия. Если это действие не выполняется, считается необходимым просить прощения у божественных сил за несоблюдение строгих обрядовых правил: *Идёшь с подойником со двора, скорей молоко ставишь, потом здороваешься, а с молоком поздоровалась — «Пусть Бог прощает нас грешных», скажешь.* (Гора, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

Таким образом, функционирование ЭФФ в виде собственно приветствий (*Здравствуйте!*) и приветствий с благопожелательной семантикой (*Труд на пользу! Спорынья в квашню! Море молока! Беленько! и др.*) показывает устойчивость СЭФФ во всех тематических ситуациях народноречевого этикета всех регионов Русского Севера.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Приветствие-благопожелание почти всегда находится в единстве с формулой-благодарностью. Чаще всего это привычное «спасибо» (от «спаси Бог»), но бывают и более развёрнутые ответные реплики, которые нередко сами превращаются в этикетную форму: *Труд на пользу! — Спасибо! Но нежелательно такой пользы (если приветствуемый занят тяжёлым, бессмысленным трудом).* (Тотьма, Волог., СДК-2000); — *Спасибо! — На здоровье! Своя сила в рот носила!* (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991); *Как из-за стола встанут да «спасибо» скажут, так и говоришь: «Чем богаты, тем и рады!»* (Вятка, Твер, Осташк., СДК-1991). Последнее имеет вполне конкретную жанровую характеристику — пословицу (см. [Даль 1862]), в которой отражена мораль и народная мудрость. Она представляет собой двухчастную структуру сложного предложения, части которого связаны двойным союзом «чем — тем», довольно характерную для пословиц [Тарланов 1999]. Ее смысл основывается на положительной семантике высказывания и функционирует в качестве «обращения, которым предлагают гостю воспользоваться тем, что есть в доме у хозяев (угощением и т. п.)» [МАС

1985: 101]. Обычно ее произносят после окончания трапезы. В этикетной ситуации такое употребление указывает на принадлежность этикетной формулы к сфере народного фольклорного знания, которое неразрывно связано с народноречевым этикетом. Таких контекстов встречается немного, но их функционирование встраивает ЭФФ в систему малых речевых жанров и дает право анализировать их с точки зрения языка фольклора.

Часто в собственно этикетных формах, которые люди произносят произвольно, встречаются различные благодарности: а) мифологическим персонажам: *Ну, как: «Дедушка-доможирушка, пусти в дом. **Спасибо тебе, что всё сохранил в доме**».* (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008); ***Дух леса, спасибо тебе!*** (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024); б) Богу: *У меня Сашка-брат приезжал раньше с Москвы, так пойдем с ним в лес. Он подходит к лесу, стоит минуту, что-то шепчет. Чего стоишь? — говорю. Я, говорит, медитирую. Я, говорит, прошу у Бога, спрашиваю у леса: «**Боженька, своди меня в твой лес за дарами**». Когда выходит, говорит: «**Спасибо**». Все время говорил он: «**Спасибо, Боженька, тебе, что не зря сходили**».* (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023); в) бане: *Говорят, надо оставлять воды, чтобы этот, как его, банщик-то, мог помыться. Всегда нужно поблагодарить. «**Спасибо, банька милая**» — своими словами. Всегда говорю. «**Ой ты умница моя**».* *Со всеми разговариваю: хоть теплица, кого похваляю, кого поругаю. Одна, с кем-то разговаривать надо.* (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023); ***Спасибо, баня, за помывку!*** (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023). Такое сакральное вербальное этикетное действие выполняется как обязательное.

ПРОЩАНИЕ

Поддержание речевого контакта обычно заканчивается его прерыванием, т.е. завершением коммуникации. Последняя реплика, предполагающая акт прощания, может быть представлена рядом различных СЭФФ, которые делятся на прощания-пожелания в дальнюю дорогу (дорожные прощания) и собственно прощания.

Дорога в культурной традиции противопоставлена дому — «своему» пространству — как «чужое», неизведанное, полное опасностей: «дом — вне дома». С дорогой как концептуализированным пространством связано множество примет, поверий, обрядов, запретов и, безусловно, этикетных выражений. В дороге, где наиболее сильно ощущается отчуждённость от дома, человеку требуется особая защита, в связи с чем фиксируется многообразие ЭФФ в функции благословения чаще с благопожелательной семантикой: а) прощания-пожелания в дальнюю дорогу (дорожные прощания): *Счастливого пути! (Счастливого пути!) Дай Бог вам хорошую путь! (В) добрый путь! Доброго пути! Скатертью дорога / дорожка! В дальнюю дорогу! Мир дороге! (Иди /те / поезжай / поди) с Богом! Без Бога ни до порога!* б) собственно прощания: *С Богом! Пусть вас Бог бережёт! Долгих лет жизни! Будьте здоровы! Счастливо (тебе)! Час вам добрый! Дай Бог вам святой час! Дай вам Бог всего доброго! Ангела-хранителя!* Вторая группа имеет контаминированное значение: ЭФФ могут выполнять как функцию собственно прощаний, так и дорожных прощаний.

Полевые записи фиксируют «дорожные» этикетные формулы в виде короткой реплики, направленной на адресата. В основном они представляют собой эллиптические конструкции, выраженные именами в генетиве (реже — в аккузативе) по формуле прил. Р.п. (В.п.) + сущ. Р.п. (В.п.): *Счастливого пути! (Счастливого пути!) Доброго пути! (В) добрый путь.* В последнем встречается вариант с предлогом, обозначающим направление.

Любопытным оказывается контекст, в котором грамматические признаки отличаются от литературной нормы: *Дай Бог вам хорошую путь!* В диалектной речи слово «путь» может быть как мужского, так и женского рода. Характерно, что эпитет с положительной семантикой используется только в сочетании со словом-символом «путь». С «дорогой» почти не встречается или встречается с нейтральным эпитетом: *В дальнюю дорогу!*

Рассматривается амбивалентная семантика довольно распространенного «дорожного» пожелания: *Провожали куда, так говорили: «Скатертью тебе*

дорожка!». (Ясенское, Осташк., Тверск., СДК-60, 1997); «*Скатертью дорога*» — *плохо. Не в добрый путь*. (Давыдово, Осташк., Твер., СДК-1993).

Интересно, что обе записи сделаны в одной области, но в разные годы И более поздний вариант формулы (1997 г.) отражает древнее значение этой формулы: *Скатертью тебе дорожка!* — пожелание доброго, гладкого пути, как сама *скатерть*, а более ранний (1993 г.) фиксирует уже значение более современное, с отрицательной семантикой.

В славянском культурном пространстве скатерть является символом трапезы — её обязательно стелют на стол. В фольклоре часто фигурирует скатерть-самобранка как волшебный предмет, «который в любое время и в любом месте может накормить и напоить своего хозяина, достаточно только развернуть скатерть и произнести заклинание» [Ясинская 2012: 12]. В загадках, например, она является «символическим обозначением поля, дороги» [Там же], что актуализируется и в этикетной дорожной формуле.

Со временем, как видно, формула превратилась в неблагоприятную, ироничную, со значением пожелания *не в добрый путь*. Современное значение отражает уже только негативную семантику, а прошлая архаичная положительная семантика почти совсем стерта из культурной памяти диалектоносителей. В НКРЯ находятся контексты из художественной литературы XIX века, которые отражают оттенок значения 'пойти вон, пойти прочь': [Кубыркина (жен)] *Нога моя у вас не будет! Скатертью дорога!* [Дарья Семеновна (жен)] *А дочка ваша за нашего жениха не выйдет... не выйдет!* [В.А. Соллогуб. Беда от нежного сердца (1856)]; — *А если он полюбит другую?* — *Скатертью дорога,* — отвечала Елена, пожимая плечами. — *Это ваши правила?* [А.Ф. Писемский. Взбаламученное море (1863)]; *Ведь твое дело молодое, не то что наше, стариковское: на все четыре стороны скатертью дорога. Гляжу я на тебя и думаю: здоров, молод, — скатертью дорога на все четыре стороны...* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)].

Фольклорист С.В. Максимов подчеркивает ироничность этой формулы: — *С Богом — со Христом! проговорил он и ударил по лошадям. — Скатертью дорога! подговорил кто-то со стороны. — Буераком путь! — подшутила разбитная девушка из гостивших и угощавшихся прях.* [С. В. Максимов. Крылатые слова (1899)].

Встречаются такие контексты и в XX веке: *Сам, вишь, важная птица! Ну, и скатертью дорога! Дверь закрылась.* [В. П. Авенариус. Школа жизни великого юмориста (1899)]. *В его тоне явно слышалось: «скатертью дорога».* [М. А. Алданов. Бегство (1930)].

Всё это подтверждает устойчивость употребления этой формулы с отрицательной семантикой.

Рассматриваемые устойчивые этикетные формулы можно расклассифицировать по их ядерному компоненту, представляющих собой слова-концепты, содержащие в себе глубинную семантику, характерную для русского культурного пространства: а) путь: *Счастливый путь! (Счастливого пути!) Дай Бог вам хорошую путь! (В) добрый путь! Доброго пути!* б) дорога: *Скатертью дорога / дорожка! В дальнюю дорогу! Мир дороге!* в) Бог и божественные покровители: *(Иди /те / поезжай / поди) с Богом! Без Бога ни до порога! С Богом! Пусть вас Бог бережёт! Дай Бог вам святой час! Дай вам Бог всего доброго! Ангела-хранителя!*

По структуре этикетные «дорожные» формы представлены в нашем материале разными речевыми «оберегами»: молитвы-кресты, молитвы-заговоры, молитвы-обращения (к ангелу-хранителю; святым; домовому) [Щепанская 2003]. Встречается многообразие вариантов таких охранительных текстов:

1. Молитвы-кресты: *А на роботу идёшь: «Пресвятая мать-Богородица впереди / Исус Христос сзади/ Ангелы по краям / Что Исусу Христу / То и нам».* (Зуёво, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999). В подобных текстах говорящий как бы рисует вербальный крест, который по определению должен защитить путника в дороге. Более того, многие контексты содержат

лексемы, семантически маркирующие символ креста как основного оберега в дороге: *В лес пошла: «Огради меня, Господи, своим животворящим крестом». И три раза перекрестится. Или: «Господи, благослови меня в путь-дорожку». И ничего плохо ня будет.* (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997); *Крещусь крестом и пойду со Христом!* (Алеховщина, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999); *Перекрещу и: «Откуда ушёл, туда и вернись!»* (Закобьякино, Любим., Яросл., СДК-2024).

2. Молитвы-заговоры: */У кого надо проситься, когда в лес идёшь?/ У Бога, у Ангела своего. У каждого свой Ангел, вот ты говоришь: «Ангел мой, пойдём со мной, ты впереди, я позади. Никола Чудотворец, дорожку освети, рабому Божьему (называешь своём имя) и аминь». И всё, идёшь, и с тобой всё будет в порядке.* (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008); *Дак вот выйдёшь и говори, перекрестись и скажи: «Спаси, Господи, от гада плывучего, от зверя бегучёва». Вот так и скажи.* (Игокинич, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999);

3. Молитвы-обращения: *Обереж, я когда куды поеду, так ещё бумажна иконка есть, пресвятая Божья Мать Богородица с собой, пойду скажу: «Береги меня, храни меня, на дорогах, на перепутьях».* (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008). Подобные ЭФФ, выполняющие апеллятивную функцию, часто рифмованные, могут быть обращены к: а) ангелу (*Ангел мой, иди со мной: ты впереди, я — за тобой*), б) божьему покровителю (*Бог, благослови!*); в) Богородице: *Вот скажут, пойдёшь в дорогу, никогда не надо говорить: «Ой, я сейчас быстро дойду». Надо идти, скажут: «Ладно, пойдём с Богом, там Никола Чудотворец, там Георгий Победоносец, дайте счастливой, хорошей дороги дойти до дому».* (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008); г) даже домовому: *Я вот выхожу с дому и говорю: «Добрый домовой, пойдём со мной». И иду спокойно.* (Новосёлки, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

При этом все «дорожные» ЭФФ могут быть разделены на 2 группы по типу направленности пожелания адресату: 1) пожелание адресуется другому человеку: *В дальнюю дорогу» — близкие говорили. «Долгих лет жизни!».* «Счастливого пути!». (Вязовия, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997);

2) пожелание направлено на самого говорящего: *В лес пошла: «Огради меня, Господи, своим животворящим крестом». И три раза перекрестится. Или: «Господи, благослови меня в путь-дорожку». И ничего плохо ня будет.* (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

Вторая группа являет собой диалогизированные приговоры — «диалог» с высшими силами, потусторонними существами, которые должны обеспечить защиту путнику и обезопасить его в дороге. При этом информанты могут варьировать компоненты ЭФФ, но важно, что обережительная семантика этикетной формы сохраняется: *Огради меня, Господи, своим животворящим крестом! Господи, благослови меня в путь-дорожку! Сохрани меня, Господь, да будь со мной, и Ангел Хранитель над головой!*

Обилие упоминания божественных покровителей и ангелов в «дорожных» ЭФФ вполне объяснима культурной семантикой (глубинной мифологической) слово-концепта «дорога» как опасного, неизведанного, чужого пространства.

«Дорожные» формулы — ключевой компонент системы ЭФФ живой народной речи. Они функционируют в виде прощаний, оберегов, благословений. Наряду с концептом «дом» отражают важный элемент оппозиции «свой — чужой», олицетворяя последний компонент. Можно предположить, что большая вариативность формул (почти каждая формула нашего материала единична) отражает личностное («творческое начало») отношение провожающего к провожаемому, поскольку информанты обычно рассказывают о том, что желают своим близким людям.

Для дорожных формул, направленных «на самого себя», оказывается характерной чертой их разножанровость и многотемность (молитвы-заговоры, молитвы-кресты, молитвы-обращения).

Итак, СЭФФ представляют основной пласт ЭФФ традиционной коммуникации: от инициации общения (формулы собственно приветствий, приветствий-благопожеланий) через поддержание контакта (формулы благодарения) до прерывания его (формулы прощания, дорожные формулы).

С позиции этнолингвистики СЭФФ содержат в себе остатки мифологической культурной семантики, которая отчасти ещё сохраняется в сознании диалектоносителя, но зачастую воспроизводится уже автоматически, без понимания её глубинного значения. Это же отражается в процессе творческого создания особой этикетной формы, которая может быть свойственна лишь одному реципиенту или группе лиц. Важно в этом случае, что семантика и интенция новосозданного речевого сегмента сохраняется, как в устойчивой этикетной формуле. Все формы и формулы являют собой непрямой, символический смысл, обусловленный тематической ситуацией и выражающийся вербально (семантика слов), акционально (действие, при котором произносится ЭФФ) и предметно (ритуализированный предмет-символ, например, крест в формулах прощания). СЭФФ — обязательный элемент культурного кода диалектоносителей всех регионов Русского Севера.

Обрядово-этикетные формулы и формы: структурно-семантические особенности

При написании настоящего подраздела диссертации используются материалы опубликованных статей автора диссертационного исследования [Чекина 2023г, 2024а].

СЭФФ граничат с ОЭФФ — их взаимосвязь обусловлена одним культурноречевым пространством и одной прагматической функцией. Как уже отмечалось, в условиях длительного бытования в меняющихся культурно-исторических обстоятельствах происходит закономерный процесс «деритуализации» формулы, её обмирщения или обытовления» [Толстой 1995], в результате чего наблюдается механизм превращения некогда обрядовой формулы (о чём уже не помнят информанты) в обрядово-этикетную и собственно этикетную. Сложное культурное взаимодействие обряда и этикета позволяет рассмотреть процесс «стирания» из памяти диалектоносителя глубинной семантики употребляемых ими ЭФФ, но при этом воспроизводящейся автоматически в имплицитном виде. Эти рассуждения дают право выделить в особую группу этикетных сентенций —

ОЭФФ как свидетельств константного единства, вбирающего в себя правила этикета — с одной стороны, предписания некогда бытующего обряда — с другой.

К ОЭФФ относятся в первую очередь формулы в функции обращения к мифологическим патронам разного статуса (домовой, лесовой, полевой и др.). Самую репрезентативную группу составляет коммуникация по модели **«человек + домовой»**.

Ситуация 1. Вхождение в новый дом / уход из старого дома в новый / новоселье:

Дедушка-домовеюшка, пусти, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986);

Поклонись в четыре угла и скажешь: «Дедушка-домовеюшка, пой, корми, на меня, хозяйюшка, не надейся» (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986);

Пошли сын да невестка в новый дом, я взяла хлеба, соли, крупки. Зашла: «Дедушко-домовеюшко, прими моих детуцек, обогревай, обувай, одевай, на добры дела их наставляй». Обошла по углам (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986);

В новый дом петуха да кошку носили, чтобы ночевать веселей. Дак вот говорили: «Дедушко-домовеюшко, пусти нас на подворьице» (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Заселение в новый дом, новоселье — один из ключевых бытовых ритуалов, «призванный обеспечить благополучную жизнь семьи на новом месте» [Узенёва 2004: 412]. Известно, что обряд «предполагает общение в особых (даже сакральных) случаях, влекущих за собой переворот, “переходность” из одного состояния в другое, например, изменение социальной роли или статуса участников ритуала, изменение в жизни целого коллектива и др.» [Чекина 2023в: 24]. Переселение в новый дом является таким событием, которое в сельской традиции подразумевало конкретное действие — новоселье молодоженов. Однако в настоящее время это явление можно назвать и повседневным, чего требует этикет, ведь заселение в новый

дом может случиться в любой момент и по любой причине. Тем не менее важным элементом этого обряда у славян считается и остается по сей день «переселение» домового из старого дома в новый. Домовой как мифологический персонаж вбирает в себя функции хозяина и покровителя дома, «домового пената». Не случайно во всех записях встречается обращение «дедушка» (реже к домовихе — «бабушка») — к домовому обращаются как к представителю старейшин рода, семьи, традиционно исключительно уважаемому.

Домовому следует уделять должное внимание и даже проявлять почтение. Поэтому согласно обряду к домовому нужно обратиться, позвать его с собой, попросить разрешения и покровительства перед тем, как обустроиваться на новом месте. В этот момент начинает действовать этикетная функция такой формулы-обращения, поскольку это условие обязательно, это символический знак приветствия и идентификации существующего мифологического хозяина, без которого жизнь в доме невозможна. Зачастую эта формула произносится носителями диалекта как бы «автоматически», по однажды заведенному порядку, исходная суть которого уже мало кому известна: *Дедушко-домовейко, полюби мою семеюшку!* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); [Когда входят из старого дома в новый] *Поклонись у ворот и скажи: «Дедушка-домохозяюшко, пойдём с нами»* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Дедушка-домовеюшка, пусти, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги!* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Как видно, подобные формулы-обращения выстраиваются по одинаковой схеме: обращение, выраженное приложением в звательной (уважительной, почтительной) форме (*дедушка-домовеюшко(а)/домовейко/домохозяюшко*), + просьба, выраженная глаголом в форме императива и имеющая различную «просительную» положительную семантику (*пусти / пой* (от слова «поить») / *корми / (по)люби / береги и под.*). Нередко встречается описание этикетного символического жеста — нужно

поклониться (*в четыре угла / у ворот*) перед тем, как зайти в дом и обратиться к домовому.

На уровне бытовой коммуникации сразу чувствуется ласковое, доброе отношение к мифологическому хозяину, на что указывают диминутивные наименования домового с уменьшительно-ласкательными формантами — *юшк(-ушк)*, *-ейк*: *домовейко, домовеюшко, домохозяйюшко*. Домового просят любить, оберегать, обогревать новую семью в новом доме, чтобы жилось спокойно и радостно, главное — в гармонии с хозяином-домовым. Любопытно, что в некоторых случаях в конце формулы появляется компонент отрицания «полномочий» хозяйки, входящей в дом, выраженный императивом с частицей *не* (*не надейся*), что говорит о всецелом доверии мифологическому хозяину дома: *Поклонись в четыре угла и скажешь: «Дедушка-домовеюшка, пой, корми, на меня, хозяйюшка, не надейся»* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Когда ребенок рождается, заносили в избу, все углы крестили да приговаривали: «Дедушко-домовеюшко, при млáдина раба божья, обувай, одевай, золотой лапочкой гладь, да на хозяев не надейся»*. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); *«Дедушка-домовой, пусти нас на постой, стели нам мягко, стели нам гладко, на меня, нерадивую хозяйюшку, не надейся! Аминь, аминь, аминь. Три раза.* (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

Интересно, что этот же мотив встретился в экспедиции в Ярославскую область в 2024 году, но в диалогизированном приговоре на урожай, зафиксированном в селе Троица Любимского района: *Когда огород сажая, говорю: «Расти, вейся, на уход не надейся!»* (Троица, Любим., Яросл., СДК-2024). Это дает право порассуждать на предмет устойчивости подобного мотива в разных тематических ситуациях.

Соблюдение правил этикета обязательно. Из контекста становится очевидным, что «нарушение этикета в отношении человека к домашнему пенату» [Черепанова 1996: 136] может стать причиной недоброжелательности домового к хозяевам дома или их скотине. Нередко сами информанты

объясняют, что может произойти: *У дедушка домового проситься надо в новый дом. Не попросишься — оно будет пугать, ходить по дому ночью. Скажут: «Дедушка меня сегодня выдавил, это не к добру». Когда давит, спросить надо: к добру ли к лиху.* (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984); *Дедушко-домовой есь. Когда в новый дом переедешь, надо проситься, поклоняйся: «Дедушко-домовой, пусти!».* Поклоняйся. Не попросишься — так говоря, будет пугать. *Ночью ходит по дому, чуешь, что ходит, а ведеть-то не ведеши.* (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984); *Когда идёшь в дом, надо сказать: «Дедушко, пусти на проживание».* А я вот не просилась, мне и говорят: *ты так и живёшь плохо, что не попросилась.* (Немнюга, Пинеж., Арх., СДК-1984).

Очевидно, что несоблюдение этикета ведёт к некоему глобально плохому событию, о чем свидетельствует и лексическое наполнение формулы, в частности слова с отрицательной семантикой: глаголы в позиции предиката — *домой будет пугать, домовой давит / выдавил* (в значении 'душить'), *домовейка музил / мучил* (скотину); существительные в составе фразеологизма в предложно-падежной форме (Д.п.) — *не к добру*, в составе обязательного вопроса к домовому в предложно-падежной форме (Д.п.) — *к добру ли к лиху*; наречие — *ты так и живёшь плохо*. Иногда к домовому обращались напрямую с просьбой «не пугать и не мучить», вербализируя свои мысли, поскольку считалось, что слово уже в себе заключает некую «магическую силу»: *Вот ты пришла домой и говоришь: «Дедушко-домовеюшко, пусти меня на подворье, хозяйюшко, не пугай и меня не задевай».* (Тимощелье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

Ситуация 2. Вхождение в новый дом / хлев скотины:

Скотинушку заводят: «Дедушко-домовеюшко, пусти на подворице», - если во свой хлев везут (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986);

«Дедушко-домовеюшко, пусти пожить, да ты не обижай, да скотину не тревожь» (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986);

«Дедушка-домовеюшко, пой, корми, по шерсти гладь» (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986);

А скотину заводили, я слыхала: «Дедушко-домовеюшко, возьми мою скотинушку, прими, пой, корми и люби». Морочили сами себе (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986);

Дедушка-домовеюшка, полюби у меня пестронушка ('кличка пёстрой коровы' [Черепанова 1983: 318]), *пой, корми, дроти* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986);

Дедушко-доможировошко, пусти скотинку постоять, не мучь, полюби! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986);

Дедушко-домохозяйюшко, полюби мою скотинушку. Скотинку — на полы, а сам — под полы (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

В традициях сельских жителей Русского Севера, «когда покупают и приводят в дом новую скотину, обязательно нужно “попроситься” у домового-дворового. Если этого не сделать, он может не принять скотину» [Черепанова 1996: 137], т.е. скотина не приживётся в доме, будет болеть и т.д. В этом тоже проявляется этикетность формулы-обращения, поскольку присутствует символическая обязательность вербального высказывания. Можно сравнить с «ритуалом» приветствия в обычной, повседневной коммуникации: если со знакомым человеком не поздороваться, он может «не принять» этого, т.е. огорчиться, воспринять это как отрицательный словесный жест, из-за чего возникнет коммуникативная неудача. Метафорически та же коммуникативная неудача постигнет человека в речевом взаимодействии с хозяином-домовым.

Обращает на себя внимание большое количество наименований домового в рассматриваемых формулах. Все номинации (*домовеюшко, домохозяйюшко, доможирушко*) мотивированы, прежде всего, функцией мифологического хозяина дома. Например, номинация *доможир / доможирушко / доможировошко* зачастую «совпадает с наименованием хозяина дома: *доможір* ‘состоятельный хозяин’ и ‘домовой пенат’» [Черепанова 1983: 60]. Грамматически формулы построены по той же схеме:

обращение + просьба. Основные тематические блоки просьбы при заведении в хлев скотины: 1) пустить; 2) не обижать / не тревожить; 3) гладить по шерсти / полюбить. При этом важно попросить домового остаться самого, чтобы он был невидимым бережливый духом дома: *Дедушко-домохозяюшко, полюби мою скотинушку. Скотинку — на полы, а сам — под полы* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

Фольклорная речь зачастую обладает особой поэтичностью, выразительностью и красотой. Для эстетизации речи и для лёгкости запоминания рассматриваемые формулы нередко имеют ритмообразующую, рифмованную структуру: *«Дедушко-домовеюшко, пусти на подворье, навсегда, вот те дом, да трава, да родима сторона»* (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986). *«Дедушка-домовой, пору божью скотинку пусти на подворьице, пой, корми сытёхонько, по двору води гладёхонько»*. (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984). Деривационные формы слов народнопоэтической речи с помощью суффиксов субъективной оценки придают особое звучание подобных формул (*подворьице, сытёхонько, гладёхонько*). Использование этих форм выражает и отношения человека-хозяина к хозяину-домовому, которого подобным образом пытаются уважить, проявить почтение и — попросить такого же отношения у домового.

Итак, в результате анализа ряда контекстов становится очевидно, что употребление подобных формул-обращений ещё связано с мифологическим сознанием сельских жителей и обрядовостью, однако эта связь редуцируется, ослабляется в пользу символической этикетности. Так делают, так говорят, потому что «так принято» в сельском обществе — это знание передаётся из поколения в поколение, однако в настоящее время в повседневном общении глубокое сакральное содержание этого словесного ритуала объяснить уже человек не может. Это свидетельствует о том, что до сих пор эти слаборитуализованные формулы остаются в живой коммуникации носителей диалекта, они по-своему важны и обязательны, но уже больше в качестве закреплённого этикетного выражения.

Особый тип ОЭФФ представляет собой квазикоммуникацию по модели: «человек + овощная культура», которая относится к занятию огородничеством.

Выращивание растений — один из основных обрядов, который и в настоящее время поддерживается жителями деревень. Посадка овощной культуры (капусты, лука, картофеля) — один из этапов такого обряда, сопровождающийся вербальными приговорами: *На капусту приговаривали: «Не родись голенаста, а родись пузаста», — чтобы кочан наливался.* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); *Лук когда сажают и это говорят: «И на нищего, и на завидущего!».* Чтобы хватило и на нищего, и на завидущего! (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); *Расти, картошка, по колесу, а плётка — по оглобле!* (Любим, Яросл., СДК-2024).

По традиции овощные культуры разных видов высаживают в определённые календарные праздники. Так, например, капусту сажали на день Иоанна Предтечи (Иван Головатый), нередко руководствуясь при этом этимологической магией: *Расти головаста, не голенаста! (1) Расти с голову! (3).* Лук в русской традиции сажали на день св. Луки и т.п.

Подобные ОЭФФ представлены в форме обращения к растению, на что указывают императивные формы глаголов: *расти, (не) родись, не будь.* Вся конструкция таких формул — предикат, где глагол («родиться», «быть») употребляется дважды, что создает, с одной стороны, особый ритм приговора, а с другой, — удваивает содержательную константу малого текста, имеющую связь с мифологическими представлениями о земле: «земля» уподобляется матери. Иными словами, земля как «символ женского плодоносящего начала; как прародительница и кормилица всего живого» [Белова, Виноградова, Топорков 1999: 315] рождает урожай — важный элемент быта сельчанина.

Структура формулы выстраивается обычно по модели «не X, а Y»: *«Не родись голенаста, а родись пузаста!».* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); *Ну, вот капусту сажают, дак говорят: «Не будь голенаста, а будь коренаста!»* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); *«Расти головаста,*

не голенаста!» (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000). Тем самым образуется бинарная оппозиция, заключающаяся в контекстных лексемах-антонимах: *голенаста — пузаста, голенаста — коренаста, головаста — голенаста*. Как видно, постоянным членом оппозиции является краткое прилагательное *голенаста* с семантикой ‘голый, пустой, слабый’. Культурная семантика главного компонента формулы (*голенаста*) определяется посредством семантики периферийного (*головаста, пузаста, коренаста*). Так, в оппозиции *голенаста — пузаста* явленной становится сема ‘худой, хилый, тонкий’; в оппозиции *голенаста — коренаста* — сема ‘слабый, некрепкий’; в оппозиции *головаста — голенаста* — сема ‘маленький, невеликий’. В зависимости от позиции «положительной» лексемы определяется место «отрицательной». Так, в формулах, начинающихся с отрицания (*не будь, не расти*), правый компонент содержит в себе положительную семантику, а левый — отрицательную. В формулах, которые начинаются утвердительно (*расти*), — наоборот. Оппозиция «левый — правый» в этом случае встраивается в общекультурную оппозицию «свой — чужой», где соотносятся с категориями «хороший — плохой» соответственно.

Семантика подобных ЭФФ сосредоточена в кратких формах прилагательных, представленных разными фонетическими вариантами: *голенаста / голениста, коренаста / корениста, пузаста*. В Словаре русских народных говоров даётся несколько толкований слова *голенастый (голенистый)*: 1. ‘Худощавый’ 2. ‘Не имеющий ветвей, сучьев внизу (высоко от земли)’ [СРНГ 1970: 290]. Слово *коренастый / коренистый* означает ‘с большими крепкими корнями’ [СРНГ 1978: 316]. Становится очевидным, что формула приговора заключает в себе смысл «рождения» хорошего, богатого, здорового, большого урожая. На это указывают дополнительные характеристики, которые упоминает информант, — *чтобы кочан наливался, скорее всего, цветом, т.е. созрел, был сочным и спелым*.

Особого внимания заслуживает прилагательное *пузастый*: «*Не родись голенаста, а родись пузаста!»*. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

В СРНГ зафиксирован единственный вариант-пароним — *пузатый*, который имеет два значения: 1. <только в ж.р.> ‘Беременная’. 2. ‘Солидный, важный, осанистый’ [СРНГ 1999: 113]. Очевидно, что оба эти значения (в контексте предыдущих замечаний) метафорически уместны, поскольку, как указывалось, «рождение урожая» связано с представлениями о плодоносящей матери-земле. Следует обратить внимание и на форму капусты — ей желают быть *пузастой*, т.е. с большим «пузом», круглой и большой. Кроме того, во всех этих прилагательных присутствует суффикс *-аст*, «характеризующийся интенсивно выраженным внешним признаком, названным мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980: 284]: «*Расти головаста, не голенаста!*» (Тотьма, Тотем., Волог, СДК-2000).

Подводя промежуточный итог, можно подчеркнуть, что названная формула изоморфна: в «ритуале» посадки капусты соединяются три обязательных компонента, которые учитываются при этнолингвистическом анализе любого культурного текста: вербальный (структура формулы, её произнесение), акциональный (процесс посадки), предметный (капуста как одна из основных традиционных овощных культур). При этом приговор произносится почти «автоматически», т.е. сегодня он выступает в функции своеобразного этикетного элемента бытовой речи, поскольку информанты, от которых был записан этот материал, повсеместно подчеркивали, что их «так учили».

Репрезентативным оказывается контекст, найденный в Архиве СДК, записанный в экспедиции 2000 года: *Когда сажаешь (капусту), надо, чтоб никто тебя не видел. Надо сказать: «Расти, капуста, густа, голенаста и пузаста». После этого хлопнуть себя три раза по ягодицам* (Тотьма, Тотем., Волог, СДК-2000). В этом случае основное внимание уделяется акциональному компоненту приговорной ситуации. Как оказалось, это действие (хлопанье по ягодицам) связано с древними обрядовыми представлениями, причем на обширной славянской территории: «чтобы кочаны капусты уродились большими, тугими и белыми, прибегали к

частичному или полному обнажению: женщины и девушки (в редких случаях и мужчины) бегали по бороздам с распущенными волосами, без юбок или совсем обнаженные (с.-рус., сибир.). Украинки сажали капусту в белой рубашке, оголив зад, чтобы капуста была белая, крепкая и круглая (чернигов.). В р-не Пиньчова (Келецкое воев.) сажающий К. приседал задом на землю и произносил: «*Niech beda. takie uру, jak moje d.*» [Пусть будут такие плоды, как моя з.]» [Усачева 1999: 458]. В нашем контексте информант сообщает, что после посадки нужно *хлопнуть себя три раза по ягодицам*. Очевидно, что соотнесение плодов капусты с ягодицами, имеет древние мировоззренческие корни — поиск аналогии явлений внешней природы с телом человека и, как следствие, — представление о целостности мироздания как такового.

Прослеживается и традиционный количественный код этого действия — необходимо повторить его три раза. Это всё подтверждает, что подобная формула всё же относится к обрядовым, несмотря на явное её ослабевание ритуальных функций в современной жизни села.

Любопытен другой тип формул, которые произносятся при посадке капусты или лука — «одного из наиболее древних культурных растений» [Усачева 2004: 140]: *Лук когда садят, и это говорят: «И на нищего, и на завидущего!»*. *Чтобы хватило и на нищего, и на завидущего!* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023); — *Я сажу так, да пусть там чего-то, говорили: «Выводится на нищего, на нищего...» <...> — «На нищего» — это что такое? — Пусть даже и на сытого, и на голодного!* (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

Эта формула-приговор также представляет собой императивную конструкцию, которую нередко сами информанты разъясняют, восполняя опущенные фрагменты «исходного» текста приговора: *чтобы хватило и на нищего, и на завидущего! Пусть даже и на сытого, и на голодного!* Вполне очевидно, что здесь достраивается и просьба: [расти такой (таким)], *чтобы хватило* [на всех], т.е. желают, чтобы его было много.

Лексемы «восстановленного» текста по своему характерному фонетическому облику ($t+j \rightarrow \text{щ}$) позволяют отнести их к книжной лексике и квалифицировать как старославянизмы: *нищий, завидущий, пищий (писчий)*. Такие маркированные звуковые черты можно встретить в структуре причастий и прилагательных, часто использующихся в текстах заговоров (*тоску-тоскущую; полунощный; о болящем и под.*). По своей заклинательной (здесь — промысловой) функции рассматриваемые приговоры очень близки к заговорам.

СРНГ даёт единственное значение слову *завидущий*, т.е. ‘привлекательный’ [СРНГ 1972: 315]. В этом прослеживается противопоставление определению *нищий*, приобретающему семантическую коннотацию непривлекательности — ‘сухощавый, худощавый’ [СРНГ 1986: 252].

Любопытно слово *пищий (писчий)*, которое сложно поддается трактовке: «*Расти на нищих, на пищих (писчих), на всех крещёных людей!*». (Тотьма, Тотем., Волог, СДК-2000). В такой огласовке диалектные словари его не фиксируют. Соглашаясь с мнением Е.Л. Березович и В.С. Кучко [Березович, Кучко 2018: 65], можно предположить, что это слово-окказионализм «появилось в “рифму” к *нищий*, т.е. в результате словообразовательного выравнивания элементов перечислительного ряда, своеобразной лексической инерции, характерной для магической речи» [Там же]. Внутренняя форма слова *пищий* явно соотносится со словом *пища*, «при этом в сознании носителей традиции *пищий* не имеет лексического значения» [Там же]. Исследователи дают некоторые примеры толкования слова *пищий* информантами-жителями Вологодчины, что подтверждает эту связь и выводит несколько значений слова: «*пищий* — это или тот, кто собирает (выпрашивает) пищу (здесь *пищий* синонимичен *нищему*), или тот, кто её имеет (в противопоставление *нищему*), или тот, кто её ест (гость, которого нужно угощать), или тот, кто нуждается в пище (все люди)» [Там же]. В итоге в приведенном контексте формула имеет прагматический смысл и

распространяется на все социальные роли людей: пусть урожая будет много, чтобы хватило на всех бедных, малоимущих и богатых людей, которым всегда помогает Бог, поскольку в народном представлении божье благословение — самый важных духовный компонент.

Согласно Н.И. Толстому «вся народная культура диалектна, так как все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и врутридиалектных вариантов с неравной степенью различия» [Толстой 1995: 20]. Все рассмотренные варианты формул приговоров на урожай имеют глубокие архаичные корни, которые очевидны и ярко запечатлены в лексическом составе формулы. Однако всё же они не перестают выполнять и условно-этикетную функцию, поскольку произносятся в повседневной жизни (при посадке), сегодня — уже фактически неосознанно. Утрата мифологического, архаического корня этих и подобных приговоров очевидна, однако обязательность их произнесения во время конкретного действия, прикрепленность именно этих текстовых форм к данному бытовому (повседневному) событию — сохраняются, что свидетельствует об их культурной неслучайности.

Таким образом, ОЭФФ представлены различными коммуникативными ситуациями, подразумевающими взаимодействие коммуникантов по модели «человек + мифологический патрон» и «человек + овощная культура». Они ещё сохраняют тесную связь с некогда устойчивым обрядом (новоселье; посадка растений и др.), но вербальная составляющая этого обряда уже переходит в разряд этикета, т.е. символического выполнения традиционных действий (в т.ч. словесных) без культурного включения в мифологический архаичный контекст. Об этом говорит и воспроизведение подобных формул информантами, живущими в городской среде (например, в Тотьме): *Сажают редьку, начинают кричать да сердить человека, чтоб редька горькая была.* (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000); *«Родись, картошка. Ветка в оглоблю, картошка — в колесо».* (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000); *Когда сажаешь (капусту), надо, чтоб никто тебя не видел. Надо сказать: «Расти, капуста,*

густа, голенаста и пузаста». После этого хлопнуть себя три раза по ягодицам. (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000). ОЭФФ представляют собой важный пласт всей системы ЭФФ, который актуализирует и подтверждает связь категорий «этикетности» и «обрядовости» в рамках традиционной коммуникации.

При анализе всех ЭФФ были выделены общие лексические и грамматические особенности, с помощью которых речевые единицы культуры выполняют прагматическую и символическую функции:

1) тематическая лексика: а) религиозная (*Бог, Ангел, Господи, Николай Чудотворец, Богородица, святой (угол), иконка, крест* и др.); б) лексика трудовой деятельности (*труд, работа, дело, польза*; при ткачестве — *ткать, кресна, пришивица, бёрдо*; при стирке белья — *стирать, мыть, белье*, и др.); в) лексика еды (*молоко, сахар, чай, соль, картошка, лук, капуста* и др.); г) лексика быта (*ведро, корыто, кресна, бердо* и др.);

2) лексика по сфере употребления: а) общеупотребительная (*труд, чай, хлеб, сахар, молоко, корова, дом, капуста, картошка*); б) диалектная лексика (*спех, спорынья, став, пришивица, кресна, квашня, завидуций, пищий, ведро, ткё, дроти* и под.);

3) эллиптические конструкции с императивной (оптативной) семантикой, которая выражена: а) явленно — глаголами в форме императива с отрицательной частицей *не / без неё* (в обращениях к мифологическим персонажам — *пусти (жить, переночевать и под.), прими, (на)пой, корми, (по)люби, береги, гладь, обувай, одевай, наставляй, возьми, дроти, не мучь, не надейся, не обижай, не тревожь*; в обращениях к растениям — *(не) расти, (не) будь, (не) родись*); б) не явленно — <Пусть будет> *труд на пользу!* <Желаю> *счастливого пути!* <Чтоб был> *мир вашему дому!*;

4) диалоговая структура всех ЭФФ (диалоги-«спасибо»; диалогиконструкторы, цепные диалоги).

2.5. Облигаторность этикетных форм и формул

Категория этикетности в рамках традиционной коммуникации во многом обусловлена категорией облигаторности, поскольку этикет по определению предполагает обязательное соблюдение правил речевого поведения: *Если кто-то работает, надо сказать: «Бог в помощь!»*. **Надо было обязательно здороваться**. *А то маленьких за уши таскали, можно было и оглохнуть*. (Вязовия, Осташк., Селижар., СДК-59, 1997). В процессе традиционной коммуникации по модели «человек + человек» происходит обязательный обмен этикетными репликами, что располагает к положительному, доброжелательному взаимодействию коммуникантов друг с другом и, что более важно, — предполагает достижение конкретных прагматических целей. Нередко в наших контекстах облигаторность воспроизведения ЭФФ выражается эксплицитно, с помощью модальных слов и глаголов в основном с модальностью долженствования: *Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока»*. (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987); *Ну, вот там человек работает, сейчас, правда, они так не говорят, идёт сосед, он должен сказать: «Помогай Бог...!» А он должен сказать: «Спасибо!»*. (Новый посёлок, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999); *Как охотник идёт в лес, ему чё говорят? — «Ни пуха ни пера!»*. Он тоже **должен сказать**: *«Иди ты к чёрту!»*. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023). — *Труд на пользу! <...> «Труд на пользу» можно было сказать, и мы до сих пор <...> если кто-то там близкий работает, так скажешь чего, это не грешно ведь. — А что ответить **нужно** на это? — «Спасибо» скажут*. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023). ЭФФ нужно произносить обязательно, чтобы избежать негативных последствий, как уже отмечалось в работе.

Облигаторность характерна и для менее устойчивых этикетных форм, в случаях, когда информанты совершают речевой акт «своими словами»: **Всегда нужно поблагодарить**. *«Спасибо, банька милая» — своими словами. Всегда говорю. «Ой ты умница моя»*. *Со всеми разговариваю: хоть теплица, кого*

похвалю, кого поругаю. Одна, с кем-то разговаривать надо. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

Как видно, облигаторность воспроизведения ЭФФ соблюдается в самых различных прагматических ситуациях. Причём — распространяется это на весь диалогический текст: в препозиции на реплику-стимул (*надо обязательно здороваться, надо сказать, должен сказать*) и в постпозиции на реплику-реакцию (*надо ответить, должен сказать*). Сами информанты нередко отмечают, что обязательным условием является ответ на сказанную, например, этикетную приветственную формулу: *Нет, ну мы всегда: «Труд на пользу» — «Спасибо, спасибо». Всегда говорим «Труд на пользу» и «Спасибо». Потому что как же — тебе говорят, а ты не ответишь? **Надо ответить: «Спасибо».*** (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024). Этот «жест» регулирует контактоустановление, с помощью которого определяется, находятся ли коммуниканты в рамках одной культурно-этикетной традиции или нет: *Нет, ну мы всегда: «Труд на пользу» — «Спасибо, спасибо». Всегда говорим «Труд на пользу» и «Спасибо». Потому что как же — тебе говорят, а ты не ответишь? **Надо ответить: «Спасибо».*** (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024). Становится очевидным, что любое нарушение правил речевого этикета в общепринятом смысле считается неуважительным знаком, что в конечном итоге приводит к недопониманию, обиде, а в некоторых случаях т.н. «речевой мести»: *«Бог в помощь!» — Кто ответит, а есть люди, которые — нет. Идёшь, поздороваешься — вдруг не ответил, вдруг человек не поздоровался — ну и я с тобой тоже завтра не поздороваюсь.* (Закобьякино, Любим., Яросл., СДК-2024).

В традиционной коммуникации своевременное, обязательное использование речевых ЭФФ обусловлено тем, что несоблюдение этих вербальных правил может привести к реальным негативным последствиям (не взойдёт урожай, работа не удастся и под.). Это становится наиболее важным и очевидным при квазикоммуникации, в основе которой лежит некогда бытовавший обряд, где, как правило, «слово отождествляется с действием»

[Цивьян 1993: 112]: *«Дедушко-доможирушко, пусти на подворьице»* — и корову заводишь или овцу там тоже. **Всё надо проситься**, кошку даже, и почапать надь, в печку тоже попроситься, лапками о печку. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008). Домовика **просить надо**: *«Вот будем жить, да я, да муж, да ещё кто там, нас береги да храни, да»*. (Труфанова, Пин., Арх., СДК-2008); Домовой должен быть в каждом доме. Когда в дом заходишь, **надо попроситься** у домового, чтоб он тебя пустил в дом жить: *«Дедушка-домовой, пусти таких-то в дом жить»*. (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008); Хозяином называем дак а всё. Дак это всё, если, например, пошёл в лес за ягодами, дак надо перекреститься, чтоб тебе день ходить, и всё — ты уж будешь со спокойем ходить. **Надо**, говорят, в лес зайти дак на 4 стороны **поклониться и попросить**, как говорится: *«Лес-батюшка, а земля-матушка, дай, ну это»*. И выйти, и спасибо сказать. (Колодозеро, Пудож., Карелия, СДК-2006).

Характерным для таких коммуникативно-прагматических ситуаций становится лексическое наполнение формулы, выражающее модальность долженствования: *надо проситься, просить надо, надо попросить и др.* В этом случае выполняется совершенно конкретное вербальное действие (речевой акт) — просьба, которое нужно совершить обязательно.

В ситуации огородничества обязательность произнесения формулы-приговора имеет чёткие прагматические цели — воздействующая сила слова способна благотворно повлиять на будущий урожай: *Когда сажаешь (капусту), надо, чтоб никто тебя не видел. Надо сказать: «Расти, капуста, густа, голенаста и пузаста»*. После этого хлопнуть себя три раза по ягодицам. (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000). **Обязательно**: ну, вот капусту садят, дак говорят: *«Не будь голенаста, а будь коренаста!»*. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023). В этом случае формула-приговор выполняет магическую функцию.

Категория облигаторности наиболее очевидно выражена в запретах, где определяется с помощью модального слова «нельзя»: *С молоком идёшь — нельзя здороваться.* (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); *Встретишься с кем, молоко или воду несёшь, нельзя разговаривать с ним.* (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986). Прохибитивная семантика проявляется в запрете на вербальное действие, что тоже включается в систему речевого этикета. Ситуации в этом случае могут быть самыми разными: *Когда гадаешь-то, молчать надо, ни с кем не разговаривай, кто бы ни заговорил, молчи.* (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); *Нельзя здороваться, кода в доме покойник. Нехорошо же, кода в доме покойник. Входишь, а ты здоровья желаешь хозяевам.* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986); *Был случай со мной. Идёт старушка, Николаевной звали. Крицу: «Николаевна, здравствуй! Погоди!». А она молчит, я снова ей кричу. Остановилась она, вылила воду, что с реки несла, со мной поздоровалась. Поняла я, что она несла молчану воду, а тогда разговаривать нельзя.* (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986). Все они направлены на достижение прагматической цели посредством формы ритуального поведения — молчания. Почти все подобные запреты входят в обрядовый комплекс (гадание, похороны, обряд с молчаной водой).

Большинство ЭФФ обусловлено категорией облигаторности, что характерно для речевого этикета в традиционной коммуникации, но во многих случаях информанты подчёркивают, что ту или иную фразу *говорят, скажут, обычно говорят* (что выражается в неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкциях), потому что «так принято» в речевой традиции, не уточняя при этом степень обязательности воспроизведения формулы: *Чихнёшь если, говорят: «Счастлив будь!».* (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986); *Когды ткё сидит, скаже: «Сто локот на пришивицу!».* А она, как девка, ответит: *«Сто женихов под окошко!».* (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985); *«Бог на помочь» — кто как скажет. Теперь-то говорят: «Приятно вам кушать, хлеб и соль».* (Григорьево, Бат., Новг., СДК-1988); *«Чай с*

сахаром!» — скажешь, а ответя: «Чаю пить!». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

Таким образом, категория облигаторности, которая может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, является основополагающей в системе ЭФФ традиционного социума. Она напрямую связана с успешной коммуникацией, предполагающей достижение конкретных прагматических целей коммуникантов, обусловленных реалиями сельского быта. Облигаторность определяет основную модальность ЭФФ — степень возможности и необходимости воспроизведения той или иной ЭФФ, и в целом — этикетного диалогического текста.

2.6. Фольклорно-жанровая соотнесенность ЭФФ

Как показывает анализ материала, большинство ЭФФ (чаще СЭФФ) принимают форму благопожеланий, под которой понимается «текст, содержащий пожелание добра» одного лица в адрес другого, или «высказывание с коммуникативным заданием пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес» [Плешакова 2008: 355]. Другая часть ЭФФ (чаще ОЭФФ) является приговорами, представляющими собой «краткие ритуально-магические тексты, произносимые в качестве сопровождения практических и обрядовых действий и ритуализованных ситуаций» [Агапкина, Седакова 2008: 272].

Наряду с благопожеланиями и приговорами примерно 8 % (30 контекстов) ЭФФ соотносится с конкретным малым речевым фольклорным жанром, как например: а) **заговор**: *Дак вот выйдёшь и говори, перекрестись и скажи: «Спаси, Господи, от гада пльвучего, от зверя бегучёва». Вот так и скажи.* (Игокиничи, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999); *Когда сажаеть (капусту), надо, чтоб никто тебя не видел. Надо сказать: «Расти, капуста, густа, голенаста и пузаста».* После этого хлопнуть себя три раза по ягодицам (Тотьма, Тотем., Волог, СДК-2000); б) **молитва**: *У Бога, у Ангела своего. У каждого свой Ангел, вот ты говоришь: «Ангел мой, пойдём со мной, ты впереди, я позади. Никола Чудотворец, дорожку освети, рабому Божьему*

(называешь своё имя) и аминь». И всё, идёшь, и с тобой всё будет в порядке. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008); в) **пословица**: — *Спасибо!* — **На здоровье! Своя сила в рот носила!** (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991); *Откуда ты такая явилась?* — **Из тех ворот, откуда весь народ.** (Твер., Осташк., СДК-1991). *Как из-за стола встанут, да «спасибо» скажут, так и говоришь: «Чем богаты, тем и рады!»* (Вятка, Твер, Осташк., Д-226, 1991); г) **примета**: *У меня дак, конечно, такая примета. Вот скажут: «Куда пошла?».* Ну и всё, ни в путь значит. С какой целью шла — будешь обратно возвращаться, ничо не получится. Вот уже много раз проверяла, обкудывали значит. Да: «Куда пошла?». Девчонки отвечают: «На кудыкину гору». Когда кто идёт, так никого не просят «куда пошла». А — «Далёко ли? Далёко ли пошла?» (Устье, Усть-Кубенск., Волог., СДК-2005); д) **запрет**: *Идёшь с подойником со двора, скорей молоко ставишь, потом здороваешься, а с молоком поздоровалась — «Пусть Бог прощает нас грешных», — скажешь.* (Гора, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

В нашем случае все жанровые разновидности действуют по правилам речевого этикета — они выполняют функции приветствий, благодарений, напутствий, благословений, прощаний и под., тем самым актуализируя этикетно-символическую семантику и укрепляя их метафорический («вторичный») смысл. Жанры в этом случае лишь по форме соответствуют своим дискурсивным признакам, а их смысловая нагрузка работает на этикетную и фатическую функции, на установление и поддержание контакта между коммуникантами.

2.7. Выводы по главе II

1. Этикетные формы и формулы (ЭФФ) в повседневной коммуникации жителей Русского Севера представляют собой развитую систему речевых предложений, соотносящихся с 16 тематическими блоками-ситуациями, выделяемыми согласно опроснику СДК.

2. ЭФФ как собственно этикетные формы и формулы (СЭФФ) и обрядово-этикетные формы и формулы (ОЭФФ) выполняют функции

собственно приветствий, приветствий-благопожеланий, благодарений, благословений, дорожных прощаний и собственно прощаний.

3. Большинство ЭФФ зафиксировано в Архангельской и Вологодской областях с 1984 по 2024 годы (примерно 250 контекстов, проявляющиеся во всех 16 тематических блоках-ситуациях), остальные — в Новгородской, Ленинградской, Тверской и Ярославской областях (примерно 150 контекстов). Характерно, что ОЭФФ почти не фиксируются в Ярославской и Тверской областях.

4. По структуре ЭФФ, в основном, представлены в виде диалогического текста, характеризующегося смысловой цельностью (наличие одной темы), грамматической связностью, относительной завершенностью (факт контактоустановления), определённой социально-коммуникативных ролей участников общения, ситуативной обусловленностью и культурной маркированностью.

5. Этикетный диалогический текст классифицируется по нескольким типам, выделяемым по особенностям функционирования ответной реплики, который даёт материал Архива СДК: диалоги-«спасибо», диалоги-конструкторы, цепные диалоги.

6. Этикетный диалог предполагает прагматическое взаимодействие коммуникантов по трём основным моделям: человек + человек, человек + мифологический патрон, человек + овощная культура. Две последние модели представляют собой диалогизированные приговоры, действующие в рамках квазикоммуникации.

7. Категория «этикетности» во всех случаях употребления ЭФФ является номинативно условной: она служит для обозначения факта контактоустановления коммуникантов в соответствующей коммуникативно-прагматической ситуации. Категория «обрядовости» в таких случаях регламентирует архаичный культурный фон коммуникации, который обуславливает регулятивные позиции потенциальных коммуникантов и

обозначает границы превращения обрядовой формулы в обрядово-этикетную и собственно этикетную.

8. ЭФФ сохраняют в себе культурную семантику, что выражается вербально — в лексическом наполнении формул; акционально, поскольку каждая формула соотносится с реальным действием; зачастую коммуникативно-прагматическая ситуация связана с конкретным ритуализированным предметом (кресны, став — при ткачестве; ведро — при доении коровы; крест — в ситуациях, связанных с дорогой и т.д.).

9. Некоторые ЭФФ сохраняют в себе архаичную семантику, почти полностью стертую из памяти современного диалектоносителя (*Беленько! Выводится и на нищего, и на пищего! Скатертью дорога!* — в положительном смысле).

10. Некоторые ЭФФ соотносятся с конкретными малыми речевыми фольклорными жанрами (пословицы, запреты, приметы, молитвы, заговоры), «подчиняя» себе законы их функционирования.

11. При функционировании ЭФФ во всех сферах сельской жизни учитываются факторы облигаторности (как основополагающей этикетной категорией), идентификации и самоидентификации коммуникантов, принимающих разные роли в рамках оппозиции «свой — чужой».

12. Устойчивые этикетные формулы каждого тематического блока образуют собой «куст» вариантов, в которых путем текстологического анализа могут быть выделены — инвариантная зона (грамматическая структура, лексические компоненты) и зона вариативная, которая в свою очередь может быть представлена в виде версий (групп вариантов), изводов (формул, отражающих характерные диалектные особенности) и редакций (формул, отражающих незначительные «сюжетные» изменения в пределах текста, записанного в одной местности). Выделенные зоны позволяют воссоздать в каждом тематическом блоке свой прототекст, являющийся реконструированным источником для всех формул «куста» данной прагматики.

Заключение

Речевой этикет в традиционной культуре — явление сложное и многоаспектное, которое, с одной стороны, встраивается в систему общепринятого речевого этикета, с другой — имеет принципиально важные отличия:

1) В традиционной сфере общения существует ряд особых правил и предписаний, которые нередко «оказываются генетически тесно связанными с ритуальной практикой или со стереотипами мифологического мышления» [Виноградова 2000: 325], что выражается в первую очередь в диалоговой структуре обрядово-этикетных форм и формул. Собственно этикетные формы и формулы проявляют эту связь и в лексике, зачастую обладающей культурной семантикой.

2) Для традиционного социума характерна «очень высокая степень регламентации всего жизненного уклада» [Толстая 2000: 273]. Речевое этикетное поведение регламентируется системой особых правил, запретов и предписаний. В этой системе нормативных установок почти не разграничиваются «правила, регулирующие отношение человека к природе и правила, регулирующие отношения между людьми» [Там же], что проявляется и на уровне этикетных речевых выражений, поэтому вполне оправданно, на наш взгляд, квалифицировать в качестве этикетных формулы приветствия, прощания, речевого контактоустановления, обращенные к мифологизированным персонажам.

3) Этикет народной речи характеризуется «принципиальной диалогичностью». Партнером по коммуникации нередко выступает не только человек, но и мифологический персонаж (в формулах-обращениях к домовым, лесовым и др.) или антропоморфизированное явление природы (в формулах-обращениях при посадке растений / овощных культур).

4) Этикетные выражения выполняют ряд коммуникативных функций, важнейшей из которых является функция идентификации по шкале «свой — чужой» в рамках семантических оппозиций «хороший — плохой»,

«праведный — греховный», «человеческий — нечеловеческий», «живой — мёртвый», «внутренний — внешний», левый компонент которых всегда содержит в себе положительную оценку, правый — отрицательную. В случае семантической оппозиции «человеческий — нечеловеческий» позиции обеих сторон могут быть эквивалентными при соблюдении человеком этических норм, регламентирующих правила общения между человеком и мифологическим персонажем.

5) Этикетные формы и формулы в традиционной коммуникации выполняют прагматическую и символическую функции, что подразумевает обязательное их использование в конкретных прагматических ситуациях. Их неисполнение влечет за собой реальные последствия, часто — весьма драматические, поэтому облигаторность этих высказываний в народной коммуникации, помимо признаков поведенческого (прилично — неприлично) предписания, имеет явную прагматическую составляющую.

б) Жанровая маргинальность рассматриваемых народноречевых высказываний очевидна. Функции приветствий, прощаний, пожеланий могут быть близки к заклинательным (*Бог в помощь! Счастлив будь!*), другие — представляют собой вопросный комплекс (*Далеко ли пошла? Здорово ли живется?*), третьи — тяготеют к пословичным сентенциям (*Чем богаты, тем и рады! Хлеб-соль за стол!*) и т.д.

Собственно языковое описание почти 400 единиц текстов позволило выявить их лексические и грамматические черты:

1) В корпусе рассматриваемых текстов отмечены следующие актуальные тематические группы разночастеречной лексики: а) лексика религиозной сферы (*Бог, Ангел, Господь, вера, Николай Чудотворец, Богородица, святой (угол), иконка* и др.); б) лексика трудовой деятельности (*труд, работа, дело, польза*; при ткачестве — *ткать, кресна, пришивица, бёрдо*; при стирке белья — *стирать, мыть, белье* и др.); в) лексика еды (*чай, хлеб, сахар, молоко, капуста, картошка* и др.); г) лексика быта (*ведро, кресна, бердо* и др.);

2) Ожидаемо представлена в наших текстах диалектная лексика, часто — в диалектных словоформах (*спех, спорынья, став, пришивица, кресна, квашня, пиций, ведро, ткё, дроти* и под.);

3) В формулах заклинательной семантики императивная и оптативная модальность выражена: а) явленно — глаголами в форме императива с отрицательной частицей *не* / без неё (прежде всего, в обращениях к мифологическим персонажам — *пусти (жить, переночевать и под.), прими, (на)пой, корми, (по)люби, береги, гладь, обувай, одевай, наставляй, возьми, дроти, не мучь, не надейся, не обижай, не тревожь*; в обращениях к растениям — *(не) расти, (не) будь, (не) родись*)); б) неявленно — <Пусть будет> *труд на пользу!* <Желаю> *счастливого пути!* <Чтоб был> *мир вашему дому!*;

4) Очевидна диалоговая структура всех ЭФФ (диалоги-«спасибо»; диалоги-конструкторы, цепные диалоги).

С применением методов фольклористической текстологии в работе была предпринята попытка составить типологию возможных вариантов ряда формул одной тематики. Вариативность как один из существенных признаков любого фольклорного текста присутствует и в речевом функционировании рассматриваемых форм и формул. Сопоставление конкретных записей этикетных формул одной темы показало, что практически каждый тематический «куст» вариантов имеет свою инвариантную зону (устойчивую лексику, устойчивую грамматическую структуру) и зону активного варьирования. Ядерная, инвариантная зона обеспечивает текстовую цельность и функциональную константность традиционных формул речевого этикета.

Русский Север как уникальное хранилище архаических форм славянской культуры и сегодня демонстрирует специфичные этнокультурные факты, воплощающиеся в том числе в системе малых форм фольклора; неслучайно в одной из статей о проблемах и перспективах современной этнолингвистики С.М. Толстая говорит о важности изучения малых форм традиционной речевой культуры — примет, присловий, этикетных единиц и

под. [Толстая 2002: 7]. Заметны глубокие черты северной диалектной культуры, которые выражаются в ряде рассматриваемых текстов (*Спех за креснами! Лебедь белая!* — Волог.; *Спех за став!* — Новг.). Текстовым разнообразием и лексическим богатством обладают варианты формул обращений к домовому, которые записаны в Архангельской области в прошлом веке. Таковы и «дорожные» формулы, зафиксированные в Ярославской области в 2024 году в ходе научной экспедиции по программе «Духовная культура Русского Севера в народной словесности». Возможность привлечения более обширного материала к исследованию специфики народноречевого этикета позволяет говорить о перспективности и неисчерпанности темы настоящего диссертационного исследования.

Источники и их сокращения

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // <https://ruscorpora.ru/new/>.
- СДК — Архив «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры русского языка СПбГУ.

Список литературы

1. Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: Ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: верования, текст, ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. — М.: Наука, 1994. — С. 168–208.
2. Агапкина Т.А., Седакова И.А. Приговоры // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2008. — Т.4. — С. 272.
3. Адоньева С.Б. Ритуал, он же — обряд. Разговор об определениях // Персонал-Микс, 2007. Вып. 6. [Электронный ресурс] // http://folk.ru/Research/adonyeva_ritual_2007.php (дата обращения: 16.01.2024).
4. Азбелев С.Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора / отв. ред. Б.Н. Путилов. — М.–Л.: Наука, 1966. — С. 260–302.
5. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. — М.: Русский язык, 1975. — 183 с.
6. Артеменко Е.Б. Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Ч. II. — Воронеж: ВГПУ, 2005. — С. 99–108.
7. Астафьева Л.А. Сюжет и стиль былин: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.01.09. — Москва, 1993. — 36 с.
8. Афанасьев А.Н. Сказка и миф. — Воронеж: тип. В. Гольдштейна, 1864. — 82 с.
9. Байбурин А.К. Этнические стереотипы поведения. — Л.: Наука, 1985. — 330 с.
10. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб: Наука, 1993. — 237 с.
11. Байбурин А.К. А.А. Потебня: философия языка и мифа // Слово и миф. — М.: Правда, 1989. — С. 3–10.

12. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. — Л.: Наука, 1990. — 165 с.
13. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Орёл, 2002. — 40 с.
14. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания, 1992. — № 2. — С. 84–99.
15. Бартмицкий, Е. Некоторые спорные проблемы этнолингвистики // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с пол. — М.: Индрик, 2005. — С. 33–38.
16. Белова О.В., Виноградова Л.Н. Море // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: «Международные отношения», 2004. — Т.3. — С. 299.
17. Белова О.В., Виноградова Л.Н., Топорков А.Л. Земля // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 1999. — Т. 2. — С. 315.
18. Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Современные записки, 1993. — 383 с.
19. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. — 602 с.
20. Березович Е.Л., Кучко В.С. «На нищего, на пищевого...»: паремиология и лексика русского севера об обильном урожае. Этнолингвистические заметки // Традиционная культура. — М., 2018. — Т. 19. — № 5. — С. 63–71.
21. Бернштам Т.А. Введение // Русский Север: к проблеме локальных групп. — СПб.: МАЭ РАН, 1995. — С. 3–12.
22. Бернштам Т.А., Чистов К. В. От редакторов // Русский Север: ареалы и культурные традиции. — СПб.: Наука, 1992. — С. 3–6.
23. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: лексика былины. — Курск: Кур. гос. пед ун-т, 2006. — 314 с.

24. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. — М.: Искусство, 1971. — 511 с.
25. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л.: Наука, 1990.
26. Бунчук Т.Н. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры (Тексты *Vita herbae / rei* и кумулятив. сказки; актуал. слова-концепты): дис. ... канд. филол. наук. — СПб: С.-Петербур. гос. ун-т., 2003. — 25 с.
27. Буслаев Ф.И. Исторические очерки народной словесности и искусства: в 2 т. М., СПб.: Общественная польза, 1861. — Т. I. — 662 с.
28. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей. — М., 1858. — Ч. I. Этимология. — 244 с.
29. Валенцова М.М. Ткачество // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2012. — Т. 5. — С. 278.
30. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. — М.: Наука, 1975. — 142 с.
31. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1989. — 410 с.
32. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. — М-Л.: Учпедгиз, 1947. — 783 с.
33. Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. — М.: Индрик, 2016. — 384 с.
34. Виноградова Л.Н. Новобрачная в доме мужа: стереотипы этикетного и ритуального поведения // Логический анализ языка. Язык этики. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 325–332.
35. Виноградова Л.Н. Река // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2008. — Т.4. — С. 416.

36. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Запреты // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 1999. — Т.2. — С. 273.
37. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: структура текста // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов: сб. статей / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; отв. ред. С.М. Толстая, Т.В. Цивьян. — М.: Наука, 1993. — С. 60–82.
38. Винокур Т.Г. Диалогическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 135.
39. Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. — М., 1978. — № 5. — С. 18–28.
40. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. — 456 с.
41. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. — 4 изд. Т.1. — 810 с.
42. Гольдин В.Е. Этикет и речь. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. — 112 с.
43. Гофман А.Б., Левкович В.П. Обычай как форма социальной регуляции // Советская этнография, 1973. — 14–20.
44. Гречко В, А. Семантическая терминология А. А. Потєбни как система // Наукова спадщина О.О. Потєбні і сучасна філологія. — Київ, 1985. С. 167–168.
45. Гришанова В.Н. Обращение в говоре как отражение менталитета его носителей // Славянский альманах. — М., 1999. — С. 324–336.
46. Гришанова В.Н. Речевой этикет говора как элемент народной культуры // Славянский альманах. — М., 1998. — С.307–312.
47. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / под общ. ред. Г.В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 2000. — 396 с.

48. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. — М.: Индрик, 2012. — 936 с.
49. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. — М.: Индрик, 1997. — 912 с.
50. Давыдова О.А. Постоянные эпитеты — элемент варьирования поэтических формул (на материале русских волшебных сказок) // Исследование по исторической семантике. Калининград, 1980. — С. 125–130.
51. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. — М.: В университетской типографии, 1862. — 1095 с.
52. Егорова О.А. Традиционные формулы как знаковая характеристика фольклорного произведения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — М.: Науч.-информ. изд. центр и ред. журн. «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук», 2016. — Т. 1. — Т. 9(1). — С. 270–274.
53. Ерофеева И.В. Лексико-грамматические особенности прилагательного божии в летописном тексте // Вестник Вятского гос. ун-та. История языка. Диалектология., 2009. — С. 51–54.
54. Загидуллина М.В. Мультиmodalность: к вопросу о терминологической определенности // Теория журналистики и вопросы методов медиаисследований. Челябинск, 2019. — С. 181–188.
55. Занадворова А.В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. — М., 2003. — С. 381–402.
56. Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. — Л.: Изд-во АН СССР, 1929. — 151 с.
57. Земцовский И.И. К теории жанра в фольклоре // *Artes populares*, Edited by Vilmos Voigt. Budapest, 1985. — С. 24–30.
58. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры. — Вологда: ВПГУ, 2012.

59. Зорина Л.Ю. Вологодские благопожелания приполевых работах / Л.Ю. Зорина // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Материалы Международной научной конференции. Псков, 22-24 апреля 2010 г. — Псков: ПГПУ, 2010. — Ч. 1. — С. 74–78.

60. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в ситуации доения коровы // Севернорусские говоры / отв. ред. А.С. Герд. — СПб., 2012. — С. 131–149.

61. Зорина Л.Ю. Русские диалектные благопожелания в ситуациях льноводства, прядения и ткачества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. — № 5. — С. 68–75.

62. Иванов Е.Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2022. — Т. 13. — № 4. — С. 898–924.

63. Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895-1970). — М., 1975. — С. 44–76.

64. Иванова Т.Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор. Том 26. Проблемы текстологии фольклора. — Л., 1991. — С. 5–21.

65. Ильина Ю.Н. Севернорусские похоронно-поминальные причитания: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб: С.-Петербург. гос. ун-т., 2008. — 26 с.

66. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 56–77.

67. Климас И.С. Ядро фольклорного лексикона. — Курск: Кур. гос. пед ун-т, 2000. — 95 с.

68. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. — М.: ЛЕНАНД, 2022. — 400 с.
69. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. — 312 с.
70. Колесов В.В. Слово и дело: из истории русских слов. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. — 701 с.
71. Костомаров В.Г. Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. — М., 1967. — № 1. — С. 56–62.
72. Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. — Алматы: Евразия, 1995. — 178 с.
73. Культура Русского Севера / отв. ред. К.В. Чистов. — Л.: Наука, 1988. — 185 с.
74. Лаптева О.А. Нормативность некодифицированной литературной речи // Синтаксис и норма. — М., 1974. — С. 5–42.
75. Левада Ю.А. Социальная природа религии. — М.: Наука, 1965. — 263 с.
76. Левинтон Г.А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. — СПб., 1998. — С. 56–71.
77. Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. — М., 1976. — С. 212–236.
78. Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. — М.–Л.: Наука, 1964. — 106 с.
79. Максимов С.В. Крылатые слова. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры., 1955. — 448 с.
80. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики. — Л.: Наука, 1989. — 172 с.

81. Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. — М.: «Восточная литература» РАН, 1995. — 384 с.
82. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М.: «Восточная литература» РАН, 2000. — 407 с.
83. Мельникова Е.А. «Здесь русский дух...»: к истории Русского Севера на символической карте воображаемой России // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К.В. Чистова. — СПб., 2017. С. 6–22.
84. Мешкова О.В. Типы благопожеланий в традиционном русском родильно-крестильном обряде // Вестник Челябинского государственного университета, 2010. — № 34. — Вып. 49. — С. 69–72.
85. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса: Древности: Тр. Слав. комиссии Моск. археолог. о-ва. — М., 1895. — 34 с.
86. Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1897. — Т. I. — 464 с.
87. Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). — М.: ИЯз РАН, 2009. — 354 с.
88. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. — 1975. № 5. — С. 71–73.
89. Павлова М.Р. Магические приговоры в ткачестве // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов: сб. статей / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; отв. ред. С.М. Толстая, Т.В. Цивьян. — М.: Наука, 1993. — С. 170–183.
90. Пермяков Г.И. От поговорки до сказки. — М.: Наука, 1970. — 243 с.
91. Петров А.М. Синтаксис русских духовных стихов. — Петрозаводск: Карельский научный центр, 2012. — 164 с.
92. Плешакова В.В. Благопожелание как фольклорно-речевой жанр // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. — М., 1988. — С. 94–95.

93. Плешакова В.В. Русские благопожелания: Опыт типологии и истории: автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1997. — 19 с.
94. Плотникова А.А. Порог // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2008. Т.4. — С. 173.
95. Потебня А.А. Мысль и язык. — М.: Лабиринт, 1999. — 269 с.
96. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. — Харьков: Унив. тип., 1860. — 155 с.
97. Потебня. А.А. Объяснение малорусских и сродных народных песен. Ч.2. Колядки и щедровки. — Варшава: тип. М. Земкевича, 1887. — 810 с.
98. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. — М.: Высшая школа, 1990. — 342 с.
99. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. — СПб.: Наука, 1994. — 235 с.
100. Разумова И.А. Повествовательный стереотип в русской волшебной сказке. Дисс. ...канд. филол. наук. — Л., 1984. — 214 с.
101. Рошияну Н. Традиционные формы сказки. — М.: Наука, 1974. — 216 с.
102. Садова Т.С. Народная примета как текст: лингвистический аспект. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. — 212 с.
103. Садова Т.С. Сногадания и рассказы о снах в русском речевом обиходе: лингвистические заметки. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. — 144 с.
104. Садова Т.С., Чекина А.А. Парные фольклорные формулы // Когнитивная лингвистика в контексте современной науки: материалы Международной научной конференции. — Москва: Тамбов, 2023. — № 4(55). — С. 635–637.
105. Сими́на Г.Я. Языковые средства экспрессии в народных сказках // Язык жанров русского фольклора. — Петрозаводск, 1977. — С. 102–113.

106. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев; под ред. С.В. Вяткиной. — СПб., 2009. — 347 с.
107. Солнцев В.М. Вариативность // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 114–115.
108. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка (Читано на акте Императорского С.-Петербургского университета, 8 февраля 1849 года). — М., 1959. — 133 с.
109. Стернин И.А. Русский речевой этикет. — Воронеж: ВОИПКРО, 1996. — 124 с.
110. Сэпир Э. Язык. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. — 223 с.
111. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. — 449 с.
112. Толстая С.М. Московская школа этнолингвистики // *Opera Slavica*, 2002. — Вып. 2 (2). — С. 1–9.
113. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 528 с.
114. Толстая С.М. Оппозиции семантические // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*: в 5 т., — М.: «Международные отношения», 2004. — Т.3. — С. 557.
115. Толстая С.М. Преступление и наказание в свете мифологии // *Логический анализ языка. Язык этики*. — М., 2000. — С. 373–380.
116. Толстая С.М. Числа // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2012. — Т. 5. — С. 546.
117. Толстой Н.И. Архаический ритуал-диалог // *Очерки славянского языкознания*. — М.: Индрик, 2003. — С. 313–410.
118. Толстой Н.И. Бог // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* в 5 т. — М.: «Международные отношения», 1995. — Т. 1. — С. 202.

119. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 512 с.
120. Толстые Н.И. и С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. — М.: Институт славяноведения РАН, 2013. — 240 с
121. Топоров В.Н. О древнеиндийской заговорной традиции // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. — М.: «Восточная литература» РАН, 1995. — С. 8–105.
122. Тырникова Н.Г. Общее и специфическое национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. фил. наук. — Саратов, 2003. — 143 с.
123. Узнавал Е.С. Новоселье // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2004. — Т.3. — С. 412.
124. Усачева В.В. Капуста // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 1999. — Т. 2. — С. 458.
125. Усачева В.В. Лук // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2004. — Т. 3. — С. 140.
126. Фармаковская Н.И. Речевой этикет и культура общения. — М.: Высшая школа, 1989. — 156 с.
127. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. — М.: ЛЕНАНД, 2020. — 160 с.
128. Харченко В.К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. — 1992 — № 1 — С. 78–82.
129. Христофорова О.Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. — 80 с.
130. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. — 163 с.

131. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992. — 140 с.
132. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М.: Наука, 1990. — 207 с.
133. Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 279 с.
134. Цивьян Т.В. О роли слова в тексте магического действия // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов: сб. статей / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; отв. ред. С.М. Толстая, Т.В. Цивьян. — М.: Наука, 1993 — С. 111–121.
135. Чекина А.А. Синтаксис обрядово-этикетных формул одной прагматики // Когнитивные исследования языка. — Тамбов, 2023а. — № 3(54). — С. 320–325.
136. Чекина А.А. Синтаксис и прагматика одной обрядово-этикетной формулы народной речи // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы пятнадцатой Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка. — Владимир, 2023б. — С. 502–510.
137. Чекина А.А. Структурно-семантические особенности одной обрядово-этикетной формулы народной речи в ситуации ткачества // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2023в. — Т. 45 (6). — С. 23–28.
138. Чекина А.А. «Дедушко-домовеюшко, полюби мою семеюшку»: обрядово-этикетные формулы обращения к домовым в регионах Русского Севера // Вестник Донецкого национального университета. — Вып. 3., 2023г. — С. 119–125.
139. Чекина А.А. Приговоры на урожай: лингвистические особенности обрядово-этикетных текстов (по материалам полевых записей экспедиций в Тотемский район Вологодской области) // Русский Север-2024. Проблемы

изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ VIII Всероссийской научной конференции. — Вологда, 2024а. — С. 180–185.

140. Чекина А.А. Этикет народной речи: диалоговая форма // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — № 4, 2024б. — С. 160–169.

141. Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. — Тернополь: Крок, 2011. — 228 с.

142. Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. — 331 с.

143. Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. — 169 с.

144. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. — 212 с.

145. Черепанова О.А. Общепринятые и региональные формулы речевого этикета: комплиментарные обращения // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: сб. науч. трудов / отв. ред. Л.Г. Яцкевич. — Вологда, 1995. — С. 169–176.

146. Чистов К.В. Фольклор. Традиция. Текст: сб. ст. / К.В. Чистов. — М.: ОГИ, 2005. — 272 с.

147. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — М.: Учпедгиз, 1941. — 624 с.

148. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М.: Академия наук СССР, 1960. — 377 с.

149. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. — М., 2003. — 528 с.

150. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Язык и его функционирование: Избранные работы. — М., 1986. — С. 17–58.

151. Ясинская М.В. Скатерть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М.: «Международные отношения», 2012. — Т.5. — С. 12.

152. Lord A.B. *The Singer of Tales*. — Cambridge Mass.: Harvard univ. press, 1960. — 552 p.

153. Parry M. *Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. I. Homer and Homeric Style*. — *Harvard Studies in Classical Philology*, 1930. — V.41. — 50 p.

Словари

154. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. — М.: Аст-Пресс, 2001. — 672 с.
155. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. — Назрань, 2010. — 486 с.
156. СРМ — Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. — СПб., 2014.
157. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. — URL: <http://tapemark.narod.ru/les/598a.html> (дата обращения: 24.11.2024).
158. МАС — Словарь русского языка в четырех томах. Том I. А–Й. Изд. третье стереотип. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. — М.: Русский язык, 1981. — 699 с.
159. МАС — Словарь русского языка в четырех томах. — Том II. К–О. Изд. третье стереотип. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. — М.: Русский язык, 1986. — 736 с.
160. МАС — Словарь русского языка в четырех томах. Том IV. С–Я. Изд. третье стереотип. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. — М.: Русский язык, 1988. — 790 с.
161. Русская грамматика. Том I. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
162. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 2 / гл. ред. Ф.П. Филин. — Л.: Наука, 1966. — 317 с.
163. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 6 / гл. ред. Ф.П. Филин. — Л.: Наука, 1970. — 360 с.
164. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 9 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. — Л.: Наука, 1972. — 364 с.
165. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 11 / гл. ред. Ф.П. Филин. — Л.: Наука, 1976. — 364 с.

166. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 13 / гл. ред. Ф.П. Филин. — Л.: Наука, 1977. — 359 с.
167. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 14 / гл. ред. Ф.П. Филин. — Л.: Наука, 1978. — 376 с.
168. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 19 / гл. ред. Ф.П. Филин. — Л.: Наука, 1983. — 360 с.
169. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 21 / гл. ред. Ф.П. Филин. — Л.: Наука, 1986. — 360 с.
170. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 32 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 1998. — 272 с.
171. СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 49 вып. Вып. 37 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. — СПб.: Наука, 2004. — 416 с.
172. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — М.: «Международные отношения», 1995–2012.
173. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: Прогресс, 1987.
174. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / под ред. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачёва. — М.: Наука, 1975. — Вып. 2. — 238 с.

Приложение**Контексты, фиксирующие этикетные формы и формулы народной речи (по материалам Архива СДК)****Труд**

1. Если кто-то работает, надо сказать: «Бог в помощь!». Надо было обязательно здороваться. А то маленьких за уши таскали, можно было и оглохнуть. (Вязовия, Осташк., Селижар., СДК-59, 1997).
2. «Бог в помощь!» — «Бог да Бог, да и сам бы помог!» (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).
3. Еще говорили: «Бог-то Бог, да и сам бы помог». Это шутка такая. «Бог в помощь» обязательно говорили. [А отвечать обязательно?] «Спасибо» говорили. (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).
4. «Бог в помощь!» — говорили. (Раслово-Монастырское, Любим., Яросл., СДК-2024).
5. Ну, вот там человек работает, сейчас, правда, они так не говорят, идёт сосед, он должен сказать: «Помогай Бог...!» А он должен сказать, сказать: «Спасибо!». (Новый посёлок, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).
6. Дак это всегда говорили. Это кода дрова колят, я грю: «Ну, Бог помогают тебе?» — «Помогает». (Останково, Любимск., Яросл., СДК-2024).
7. Нет, ну мы всегда: «Труд на пользу» — «Спасибо, спасибо». Всегда говорим «Труд на пользу» и «Спасибо». Потому что как же — тебе говорят, а ты не ответишь? Надо ответить: «Спасибо». (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024).
8. «Ну хорошо, дело в пользу!». Работат кто, скажут: «Торговать в пользу!». А хто и ответит: «Не знам, може пользы нет, а делам». (Усть-Пёза, Мез., Арх., СДК-27, 1986).
9. Перед началом всякого дела помолись мысленно: «Господи, благослови». По окончании же: «Слава тебе, Господи». (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

10. Когда идёшь, кто-то работает, ты ему говори: «Труд в пользу!». Или: «Бог на помощь!». От отвечает: «Спасибо». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

11. Когда кто работал, говорили: «Бог на помощь!». Они отвечали: «Спасибо!». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

12. «Бог на помощчь!» или «Божья помощчь!» - говорили, а теперь говорят: «Труд на пользу!». (Кимжа, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

13. Раньше кто делает что, всё скажут: «Бог на помощь!». А теперь говорят: «Труд на пользу!». (Усть-Пёза, Мез., Арх., СДК-32, 1986).

14. «Труд на пользу!» — говорили при любой работе (Игнатово, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

15. Труд на пользу, Лёша! Бог помощь! (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

16. Я жну, ты скажи: «Бог помочь вам!». Я скажу: «Спасибо!». (Заболотье, Твер., Осташк., СДК-1991).

17. Если пашет или жнёт, говорили яму — кто скажет: «Бог помочь!» или «Труд на пользу!». (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

18. Бог помочь вам! — если работает. (Старорусс., Новг., СДК-54, 1994).

19. Когда ткёшь, кто зайдёт, — «Бог помощь», говорит. (Чёрная, Григорьево, Бат, Новг., СДК-, 1988).

20. Я мимо иду, она работает: «Бог помочь! Слышишь ай не?» — «Слышу, тётя Маня! — дальше иду. (Ракомо, Новг., Ногв., СДК-54, 1994).

21. — Труд на пользу! <...> «Труд на пользу» можно было сказать, и мы до сих пор <...> если кто-то там близкий работает, так скажешь чего, это не грешно ведь. — *А что ответить нужно на это?* — «Спасибо» скажут. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

22. «Труд на пользу!». (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

23. «Бог в помощь!» <...> Это одно и то же: «Труд на пользу!» и «Бог в помощь!». (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

24. Говорят: «Дай бы Бог сеять в кафтанах, а жать ячмень в одних сарафанах, чтобы тепло было». (Кимжа, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

25. Если кто-то работает, надо сказать: «Бог в помощь!». Надо было обязательно здороваться. А то маленьких за уши таскали, можно было и оглохнуть. (Вязовия, Осташк., Селижар., СДК-59, 1997).

26. Человек за работой — «Бог помощь!» — говорят. (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

27. Перед началом всякого дела помолись мысленно: «Господи, благослови». По окончании же: «Слава тебе, Господи». (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

28. «Труд на пользу!». «Спасибо! Но нежелательно такой пользы» (если приветствуемый занят тяжелым, бессмысленным трудом). (Тотьма, Волог., СДК-2000).

29. Помогай Бог! Труд в пользу! (Тотьма, Волог., СДК-2000).

30. «Помогай Бог!» или «Божья помощь!» Всё равно, что говорить (и старым, и молодым) (Тотьма, Волог., СДК-2000).

31. Люди, конечно, работали, ну что сказать, а обычаи так нас воспитывали, не знали, но всё равно: «Без Бога ни до порога!». Но уже не то дело, щас уже больше стало вот этого, религии. Но я лично крещёна, я маленькая ещё,... крестили дак. А мои дети не крещёны, щас вот стали креститься, а так — некрещёными пятеро их, никто некрещёным были из детей. (Каршево, Пудож., Карелия, СДК-2006).

32. Помоги вам Бог! — говорят старым. Труд на пользу! — говорят молодым. (Тотьма, Волог., СДК-2000).

33. Помогай Бог! (Закобьякино, Любим., Яросл., СДК-2024).

34. Бог в помощь! Труд на пользу! (Любим, Яросл., СДК-2024).

35. Без Бога ни до порога! (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).

36. Труд на пользу! (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

37. Бог на помочь! (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).
38. Дак труд на пользу говорят! (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).
39. Труд в пользу! (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).
40. Картошку, там, тоже копайшь, так — «Бог помощь тебе!». (Новосёлк., Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).
41. «Нейма́х» — это, вроде, как пожелание такое доброе, как: «Помогай Бог!». (Игокиничи, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).
42. Раньше скажут работу начинать, всё просятся ли чего-то: «Кузьмат, Бог ремесленный, пособи, помоги, хитрим, мудрим слух пошли, ко мне без слуха сам загляни». Это вот тоже чего-то делать, начинать дело такая навроде молитвы вот дак. Да, вот чего идёшь куда, бывало, когды, вот в лес пойдёшь, не заблудиться чтоб, потихоньку там благословясь. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).
43. Когда работают, говорят: «Привет труду!» (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).
44. Труд в пользу! (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).
45. Слава труду! (Закобякино, Любим., Яросл., СДК-2024).
46. Привет труду! (Закобякино, Любим., Яросл., СДК-2024).
47. «Бог в помощь!». Ответ: «Бог да Бог, да и сам будь неплох!». (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).
48. «Бог в помощь!». Ответ: «Бог да Бог, да и сам бы помог!» (говорили в шутку) (Любим, Яросл., СДК-2024).
49. А моя мать всегда начинала работать с такими словами: «Демьян-косьян, приди ко мне с семью дочерям». И всё у неё спорится, а косить иду: «Господи, благослови». (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).
50. [ткёт] Бог в помочь! (Сахарово Ржевск., Твер., СДК-1991).
51. Успех труду! (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).
52. Успех тябе работа! (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).
53. Бог в помощь! — Спасибо говорили. (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

54. [строит] Бог у помочь! А теперь больше: «Здравствуйте!» (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

55. «Труд на пользу!». «Здоровье в руки!». «Чистота в избе!» Бывает, и сам придумает. (Устрека, Мошенск., Новг., СДК-45, 1989).

Ткачество

56. А некоторые приговаривали: «Труд на пользу!» — когда в дом входили, если ткёт кто. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

57. Когда ткут, так говорили: «Спех тебе за став!». (Ковриг, Любытин., Новг., СДК-36, 1986).

58. Когда ткёт сидит, скаже: «Сто локот на пришвицу!». А она, как девка, ответит: «Сто женихов под окошко!». (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

59. Коли за работой сидишь, прядёшь значит, вот гость-то идёт, придёт, так скажет: «Спех за крёснами!». (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

60. Если ткачиха затыкала, а в это время кто зайдёт, то говорили: «Сиденье вашему!». А она и ответит: «Сидеть по-нашему!». Гость и сядет, чтоб полотно хорошо садилось. (Николо-Раменьё, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

61. Здоровались: «Сто локот на пришвицу!» — если ткёт. Отвечат: «Спасибо», — да и всё. (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

62. Если кто прядёт, войдёшь скажешь: «Сто локот на пришвицу!». Она ответит: «Сто рублей в карман!». (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

63. Когда ткёшь, кто зайдёт, — «Бог помощь», говорит. (Чёрная, Григорьево, Бат, Новг., СДК-1988).

64. Помню, что вот хозяйка если ткёт, да кто придёт, да пожеланье: «Сто локот на пришвицу». А хозяйка-то отвечала: «Сто рублей в карман». (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008).

65. Сто локот на пришвицу. Это которым надевается полотно на тканю-то это пришвица. А это бёрдо, которым хлопают-то, у ткацкого станка-

то. А от бёрды до пришивицы — это называется локот. Как единица измерения. (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

Стирка и полоскание белья

66. Когда кто стирает, говорят: «Белёнько!». (Ступино, Череп., Волог., СДК-37, 1987).

67. Коли бельё полощешь, то скажут: «Белёнько!» (Игнатово, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

68. Если кто-нибудь бельё полощет, а ты мимо идёшь, подойдёшь и скажешь: «Белёнько полощи!». А тебе и ответят: «Спасибо!» (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

69. Стирает — Белёнько тебе! (Старорусс., Новг., СДК-54, 1994).

70. Набело Бог на помочь! Ну, то есь чистому белью слава! (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

71. «Бог на помощь!» — «Спасибо!» — да и всё. Зайдёшь — хозяйка моет, дак: «Набело, Бог на помощь!». (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008).

72. Если я пришла на пруд, а вы полощците, говорю: «Белёнько!». (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987).

73. «Здравствуй-то» — худо говорили, а раньше — дак: «Помогай Бог!». Стирала — дак скажут: «Набело, Бог на помочь!». (Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

74. «Бело стирать (мыть)!» (Тотьма, Волог., СДК-2000).

75. Бельё моют — так «Беленьке тебе!» — говорили. (Ковриг, Любытин., Новг., СДК-36, 1986).

76. А стирали: «Набело корыто!». Или скажут: «Помогай Бог!». (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986).

77. Если бельё полощешь, а идёт кто, дак скажет: «Белёнько!». А ты ответишь: «Спасибо!» и дальше работаешь. (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

78. Когда полощешь бельё в воде, а вдруг кто-то проходит мимо, дак он сказать должен: «Бело на воде!», а ты и ответишь: «Спасибо!». (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

79. Я стираю, так идут и говорят: «Ой, Лида, белёнько!». «Белёнька» — ета значит: «Дай, Бог, здоровья!». Идёшь куда: «Будь здорова! Куда отправилась-то?». Я говорю: «Да вот отправилась там, в магазин». «Ой, дай, Бог, тебе удачи!» — или там что-нибудь такое. Картошку, там, тоже копаишь, так — «Бог помощь тебе!». (Новосёлок., Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

80. «Бог помочь!». «Белёнько!». (Алеховщина, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

81. Человеку, занимающемуся стиркой, говорили: «Белёнька вам!». (Игокиничи, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

Доение коровы

82. Если доят — «Море молока!». (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987).

83. Если заходишь в дом, а там корову доят, то надо сказать: «Море под коровой», а хозяйка отвечает: «Река молока». (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

84. Если хозяйка в хлеву доит корову, а зашёл кто-то, то он сказать должен: «Море под коровой», а хозяйка-то отвечает: «Река молока». (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

85. Как корову доит кто, с ним не здороваться надь, а сказать: «Море до колена!», чтоб молока больше надоить ему, море цело. (Остров, Пин., Арх., СДК-1985).

86. А кода корову доишь, говорят сустречаясь: «Море под корову!». Отвечаешь: «Давай Бог боле!». (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

87. Корову доит — «Вядро молока!» (Старорусс., Новг., СДК-54, 1994).

88. Коровушку доит хозяйка, говорили: «Ведром», чтоб ей надоить ведро (Гривы, Старорус., Новг., 1990).

89. /Когда заходили к поросенку, что-нибудь говорили ему?/ Нет. Мы, как поженились, отец нам корову привел сразу, вырастили они ее. Первый раз когда доят корову (когда отелилась она первый раз, первый телок — так говорят) так приговаривают: «Как эти строки лежали тихо и спокойно, так и ты стой тихо и спокойно», — чтобы она не лягалась, как говорится. А поросенка когда несли домой, приговаривали: «Как на кости мясо, а на мясо сало», — чтобы поросенок рос жирным и здоровым. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

90. С подойником идёшь, то не здороваются с тобой хозяйки. (Жердь, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

91. Хозяйку с подойником встретишь, то не здороваются. (Жердь, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

92. Когда покойник лежит в доме, то не стучаться да не здороваются. (Жердь, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

93. Когда в доме-то покойник, то не здороваешься. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

94. С молоком идёшь — нельзя здороваться. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

95. Встретишься с кем, молоко или воду несёшь, нельзя разговаривать с ним. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

96. Когда гадаешь-то, молчать надо, ни с кем не разговаривай, кто бы ни заговорил, молчи. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

97. Молоко несешь через дорогу кому, здороваться нельзя ни с кем. (Усть-Пёза, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

98. Это-то было, с подойником иди, уж не здоровайся, положешь, да уж здоровайся. Не здороватся они. А нынче нету больше. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

99. Когда с молоком встречаются, ты уж не говори ничего. И она тебе ничего не скажет. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

100. Идёт женщина с молоком, то не здороваётся. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

101. Когда с подойником шли, не здоровались. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

102. Говорят, идёт женщина с подойником да не раговариват. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

103. Молоко надоила, иди в дом, сразу носи его в запечье. С чужими не говори. Могут оприкосить молоко, всяки люди есть. Скажет: «Ой, молоко-то у тебя парно, сливок даст!». Смотришь, а всё наоборот. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

104. С молоком идёшь — не здоровайся. Поставь, дак тогда здоровайся, иду с молоком и уж молчу. Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985.

105. Доя корову, дак не здороваюца, и с молоком пойдёшь — тоже. (Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985). корова

106. С подойником идёшь да с молоком — здороваться нельзя. Поставишь молоко, да и здоровашься, чтобы не изурочил кто. Горюшка, Пин., Арх., СДК-23, 1985.

107. Иду с подойником, дак молчу, поставлю, потом здороваюсь. Прилук, Пин., Арх., СДК-26, 1985.

108. Говря нельзя говорить, когда доя. Вот и не говоришь. Горюшка, (Пин., Арх., СДК-23, 1985).

109. Идёшь с подойником со двора, скорей молоко ставишь, потом здороваешься, а с молоком поздоровалась — «Пусь Бог прощает нас грешных», — скажешь. Гора, Пин., Арх., СДК-26, 1985.

110. Доя корову, дак не здороваются, с молоком пойдёшь — тоже. (Слуда, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

111. Нельзя кода молоко несёшь, поставь его, тогда здоровася, а с молоком — не здоровася. С подойником идёшь — тожы не говори ничо, пока

не поставишь, не занесешь, так-от что хошь бутте, иди мимо, не разговаривай. (Сура, Пин., Арх., СДК-21, 1985).

112. И вот была примета: через реку молока не давать. Если с молоком идёт (женщина), то говорить нельзя, ни ставить нельзя и по гостям ходить нельзя с этим молоком, пока по дому не дойдёшь. Молоко из рук в руки не передают. Это на корову отражается. С молоком шутки плохи. (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008).

113. Там ходили некоторым, говорят, шо надо на реку ходить-то за водой, назад-то идти — дак и ни с кем не разговаривать. И вот эту воду тоже в баню, и вот эти бабушки тоже мыли. Мама, которы ходили, — говорят, молчать надо и ни с кем не разговаривать. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

114. Если подоила корову, идёшь с молоком в комнату, а там посторонние люди, в засолныш, запецье молоко поставь, потом уж здоровайся, а то корова твоя молока сбавит. (Усть-Пёза, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

115. Молоко несешь в дом, не здороваешься, пока не принесем. (Кимжа, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

Приготовление пищи

116. Ранешни времена не таки были, теперь пошёл в магазин и купил хлеба-то, когда я девкой была, хлебушко сами пекли, вкусной был, вот поставишь квашонку и выжидаешь времечко-то, акоть гость войдёт, скажет: «Спорынья в квашню!», чтобы хлеб вкусный был. (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

117. Когда квашню замешивают, раньше говорили: «Спорынья в квашню!». (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987).

118. Если тесто готовишь, а кто чужой и вошёл, то говорит: «Спорынья в квашню!». А ты отвечаешь: «Сто рублей в мошну!». (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

Огородничество

119. Про капусту слышал, сажаю когда: «Расти сочная, круглая». (Устье, Усть-Кубен. Волог., СДК-2005).

120. Расти с голову! (Троица, Любим., Ярослав., СДК-2024).
121. Расти с Богом! (Крутик, Любим., Ярослав., СДК-2024).
122. Расти с Богом! (Ермаково, Любим., Ярослав., СДК-2024).
123. Расти, вейся, на уход не надейся! (Троица, Любим., Ярослав., СДК-2024).
124. Сажают редьку, начинают кричать да сердить человека, чтоб редька горькая была. (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).
125. Коуды выращиваешь тыкву, нельзя передвигать плеть. (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).
126. Положу назёму кучу, так и Богу не кучусь (не жалуясь). (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).
127. А когда давала рассаду, вот многие не дают, что-то рóstят, хорошо растёт здесь, и с соседями, друзьями не делятся, а у нас мама говорила: если добром отдать не бойся, что унесут, мол, если будешь давать, так у тебя не будет родиться, породу унесут, она вот это меня учила: «Не бойся, породу не унесут» — говори три раза. Кому даёшь: «Даю благословясь, чтоб у тебя взошло, и у меня росло. Аминь». Три раза. А кто берёт, тот должен сказать: «Беру благословясь, чтоб у тебя росло, и у меня взошло». Аминь. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).
128. /Лук, когда передаете, что говорите?/ Свою половину ты бери, а мою мне оставь. Говорят, что если ты берешь с чужого огорода, то надо, чтобы не из рук в руки, а чтобы на землю поставил и с земли взял. Такое есть еще поверье. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).
129. Чего-то, не знаю. <...> Я сажу... так, да пусть там чего-то, говорили. Выводится на низшего, на писшего... <...> — «На писшего» — это что такое? Пусть даже и на сытого, и на голодного. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).
130. /Огород сажали раньше? Может, есть какие-нибудь приговоры при посадке?/ Конечно, сажали. И сейчас садим. Огородом, можно сказать, и живем. На капусту приговаривали: «Не родись голенаста, а родись

пузаста», — чтобы кочан наливался. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

131. Ну, вот капусту садят, дак говорят: «Не будь голенаста, а будь коренаста!». (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

132. Когда садят капусту, говорят: «Не будь голениста, а будь корениста!». (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

133. «Не родись голенаста, а родись пузаста!». (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

134. Лук когда садят и это говорят: «И на нищего, и на завидущего!». Чтобы хватило и на нищего, и на завидущего! (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

135. Вот Валя когда сажает что в огороде, говорит: «Расти с Богом для себя и для людей!». (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987).

136. Сажают редьку, начинают кричать да сердить человека, чтоб редька горькая была. (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).

137. «Родись, картошка. Ветка в оглоблю, картошка — в колесо». (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).

138. Ну начинаете полоть: «Благослови вас Бог, детки!». (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).

139. Когда сажаешь (капусту), надо, чтоб никто тебя не видел. Надо сказать: «Расти, капуста, густа, голенаста и пузаста». После этого хлопнуть себя три раза по ягодицам. (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).

140. Коуды выращиваешь тыкву, нельзя передвигать плеть. (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).

141. «Расти головаста, не голенаста!» (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000). капусту

142. «Расти на нищих, на пищих (писчих), на всех крещёных людей!». (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).

143. Положу назёму кучу, так и Богу не кучусь (не жалуясь). (Тотьма, Тотем., Волог., СДК-2000).

144. Про капусту слышал, сажаю когда: «Расти сочная, круглая». (Устье, Усть-Кубен. Волог., СДК-2005).

145. А когда давала рассаду, вот многие не дают, что-то рóстят, хорошо растёт здесь, и с соседями, друзьями не делятся, а у нас мама говорила: если добром отдать не бойся, что унесут, мол, если будешь давать, так у тебя не будет родиться, породу унесут, она вот это меня учила: «Не бойся, породу не унесут» — говори 3 раза. Кому даёшь: «Даю благословясь, чтоб у тебя возшло, и у меня росло. Аминь». Три раза. А кто берёт, тот должен сказать: «Беру благословясь, чтоб у тебя росло, и у меня возшло». Аминь. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

146. Ты, яблонька, расти, а ты, матушка зашла, хозяину клади давай». (Чёрная, Григорьево, Бат., Новг., 1988). огород

147. На Вознесенье, на седьмой неделе от Пасхи — яйца варили, сварят и идут на поле, и ребятишки и взрослые, взрослые и скажут: «Бросьте яйца через голову, чтобы рожь хороша уродилась». И когда яйца-то бросают, говорят: «Расти-расти, папонька, выше огорода, колос — по сажене, волос — по пядене, зерно — по яичному жёлтышу». (Сковятино, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

148. На Вознесенье, на седьмой неделе от Пасхи, яйца варили, сварят и идут на поле, и ребятишки, и взрослые, взрослые и скажут: «Бросайте яйца через голову, чтобы рожь хороша уродилась». И когда яйца-то бросают, говорят: «Рости-рости, папонька, выше огорода, колос — посажёне, волос — попядене, зерно по-яичному жёлтышу. (Сковятино, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

149. Когда рожь сеяли, то брали с собой на поле яйца, яйца-то вверх подбросят и приговаривают: «Рожковина-рожковина, поди к нашему овину». (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

150. Кончат всё жать и жнут самый последний сноп, потом принесут его домой, поставят в святой угол, воткнут в него серпы и скажут: «Жниво-

жниво, верни мою силу», а сноп-то последний бородой звали. (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

151. Знали куда сеять, лён рос не на высоком месте — на низком: «Расти большой и маленькой». Это коды лён сеяли, так приговаривали. (Шейно, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

152. Кидали ногой-то через голову, да — «Расти, лёно́к, большой да долгой», говорили, да вроде как песок бросали, вроде как песок, помню вот, что бросали и говорили всё. (Анфалово, Череп., Волог., СДК-38, 1987)

153. На Вознесение рожь будет колоситься, наварим яйца и все пойдём на поле все ходили, мушшины и женшшины, вот через головушку яйца-то и бросали: «Яровина-яровина, пойдя к нашему овину. Овин трещит, попадья-то верещит. Расти, колос, поядёни, а волос — посажéне. Расти, папонька, выше огорода». (Шейно, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

Посещение леса

154. Кто-то просится, кто-то нет: «Здравствуй, лес! Прощай, лес!» — это как оберешь. (Чёшегора, Пин., Арх., СДК-2008).

155. Дедушка-хозяин, здравствуйте, лисички-сестрички, медведи, зайчики, иду я в лес за грибами, храни Господи Иисусе. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

156. Люди мирские, люди всякие есь, хозяйева лесные, пустите на подворьице! (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008).

157. И у нас тётушка говорила: «Приходишь в лес: красна девица, не ленись, спелой яголке поклонись, а не спелу не збирай, птице-зверю оставляй, не ты одна у Бога». А когда из лесу выходишь, опять кланяешься: «Спасибо, дедушко-боровеюшко, походила, грибки-ягодки пособирала, теперь назад дорожку мне покажи». (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

158. Здравствуй, лес! (Троица, Любим., Яросл., СДК-2024).

159. Дух леса, спасибо тебе! (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).

160. /Чтобы в лес зайти, нужно что-то сказать?/ Раньше, по-моему... про клешней, вот клещи, говорили... «Я в лес, а клещ на лес, я в лес, а клещ на лес» — три раза. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

161. Когда идут за грибами в лес, говорят: «Дай Бог грибов на полную корзину!» (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

162. Говорят, надо идти, выбрать место, спросить хозяина: «Хозяин-лесовой, пусти меня не ночь ночевать, а век вековать». (Чёрная, Бат., Новг., 1988).

163. /Нужно что-то говорить, когда идешь за ягодами?/ Не знаю, я так говорила: «Господи, благослови» и всё. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

164. /А есть примеры о сборе ягод?/ У нас такого нет. У меня Сашка-брат приезжал раньше с Москвы, так пойдем с ним в лес. Он подходит к лесу, стоит минуту, что-то шепчет. Чего стоишь? — говорю. Я, говорит, медитирую. Я, говорит, прошу у Бога, спрашиваю у леса: «Боженька, своди меня в твой лес за дарами». Когда выходит, говорит: «Спасибо». Все время говорил он: «Спасибо, Боженька, тебе, что не зря сходили». (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

165. Ходишь и говоришь: «Дай Бог грибов на полную корзину!». (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

166. В лесу-то леша. То скажут: «Понеси тебя леший!». Так это сказала, и ушли с концом наши всё-то. Нельзя лешакаться в лесу-то. (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

167. Если пошла в лес не благословясь, то заблудишься. Как входишь в лес, сказать надо: «Господи, благослови». (Дубр., Череп., Волог., СДК-39, 1987).

168. Крестятся и говорят: «Добрый хозяин, помоги нам набрать ягод и грибов!». (Новосёлки, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

169. Хозяином называем дак а всё. Дак это всё, если, например, пошёл в лес за ягодами, дак надо перекреститься, чтоб тебе день ходить, и всё — ты

уж будешь со спокойем ходить. Надо, говорят, в лес зайти дак на четыре стороны поклониться и попросить, как говорится: «Лес-батюшка, а земля-матушка, дай, ну это». И выйти, и спасибо сказать. (Колодозеро, Пудож., Карелия, СДК-2006).

170. Пойдут в лес дак чтоб не ругались, а то, мол, леший-то этот возьмёт. У нас вот был случай, со мной учился парень в школе, и вот он ушёл в лес, ушёл рубить дров, топор у него, бить дров, топор у него тут, рукавицы на пеньке, а сам — исчез, так и не нашли его, бесследно. (Колодозеро, Пудож., Якушово, СДК-2006).

171. Дух леса, спасибо тебе! (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).

172. В лесу-то знаю, что леший, но слово «леший» нельзя упоминать, когда идёшь куда-то. И говорят, детей вот словом «леший» нельзя ругать. От так ведь всегда запрещено. (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

173. В бане лешачиха ведь есть у нас. Обдериха и лешачиха — кто как называет. Но обдериха больше, потому что нельзя говорить у нас, ни чертыхаться, ни лешакаться. «Обдериха» — правильно говорить надо, потому что надо всё говорить с Божьим словом. (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007). лес

174. Да нельзя-нельзя это слово говорить-то, считается, что это грех большой, лешакаться-то. Говорят, лучше матюкнуться, чем лешакнуться. (Ёркино, Пин., Арх., СДК-2007).

175. Ругаться нельзя, многие ругаются чёртом — упаси Боже — нельзя его поминать! (Хотяж, Новг., Ногв., СДК-54, 1994).

176. Нельзя [лешакаться], и чёрт тожы не говори никогда. Накличешь, наверно, на себя беду. Или «пошёл к чёрту» скажут — тожы нельзя говорить. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

177. [В лесу есть хозяин?] Есть, конечно. Нельзя лешакаться в лесу. Говорили, что будешь ходить вокруг да около. Лешакаться нельзя — лучшы матюком. (Чёшегора, Пин., Арх., СДК-2008).

178. Одна бабулька говорила: лучше матюкнуться, чем лешакнуться. (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

Охота

179. Как охотник идёт в лес, ему чё говорят? — «Ни пуха ни пера!». Он тоже должен сказать: «Иди ты к чёрту!». (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

180. На охоту пойдёшь, тебе скажут: «Ни пуха ни пера!». Ты ему отвечаешь: «К чёрту! К чёрту! К чёрту!». Три раза обязательно. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

181. «Рыбка да рябки, потеряй деньги!». Ето рябки есть рябы такие — птица. Ну, рябчик называется обыкновенно. Раньше ходили обычно, ставили силки да всё на ету вот. А рыбка да ета рыба. А хто скажет: «Рыбка да грибки!». «За грибами ведь тоже побегаешь!» (Игокиничи, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

182. Кто пошёл на охоту — желаешь удачи. А вот в старину говорили: «Если комара много — промысел будет». Так желаешь комарика в соседи. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

183. Охоты в наших местах и не было. Пожелаешь кому: «Вернись хорошо. Мешок, чтоб большой». Вот и всё. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

184. Если на охоту идёшь, ему говорят: «Ни пуха ни пера», а он должен отвечать: «Иди ты к чёрту». (Вольная Горка, Бат., Новг., СДК-1988).

185. На охоту когда человек идёт, всё говорят: «Помоги тебе Боже! Ни пуха ни пера!». (Новосёлок, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

186. Ни пуха ни пера! — К чёрту! (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

187. Иди с Богом, дай Бог тебе помочь! (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

188. «Ни в кого не стреляй и сам не застрелись!» (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024).

Рыболовство

189. «Здравствуй, — скажут, — успех в работе!». За рыбиной пойдут, так говорили; «Клёв на уду!». (Ковриг, Любытин., Новг., СДК-36, 1986).

190. Кто удит — «Клёв на уду!». (Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

191. «Клёв на уду!» — если идёшь на рыбалку. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

192. «Счастливого улова!» — так приговаривали, когда на рыбалку провожали. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

193. «Поезжай с Богом». Всё, как хочешь, дальше. (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

194. «Ни чешуйки ни хвоста!». А он тя должен послать: «К чёрту!». (Никольское, Тотем., Волог, ОРЗ-СДК, 2023).

195. «Ни чешуи ни хвоста!» — Иди к чёрту! (Крутик, Любим., Яросл., СДК-2024).

196. «Ни хвоста ни чешуи!» — Спасибо! (Ермаково, Любим., Яросл., СДК-2024).

197. Говорили: «Клюй, рыбка, большая и маленькая!». (Карпина гора, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

198. Слыхала, вот как на рыбалку пойдёшь, женщину встретишь — лучше ворачивайся домой, клёву не будет. (Труфанова, Пин., Арх., СДК-2008).

199. Человеку, идущему на рыбалку, говорили: «Человек ищет где лучше, а рыба — где глубже». «Мель пусть будет глубиной». (Игокиничи, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

200. Ни хвоста ни чешуи! (Ермаково, Любим., Яросл., СДК-2024).

Трапеза

201. Как идёшь, да чай пьют, скажи: «Чай с сахаром!». А обедают-то, дак: «Хлеб с солью!». А хозяин: «Спасибо». (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).

202. Зайдёшь, а там обедают, скажешь: «Хлеб с солью». А скажут: «Лоб с мозолью». «Хлеб да соль, ем да свой». (Прилук, Пин., Арх., СДК-23, 1985).
203. «Чай с сахаром!» — скажешь, а ответя: «Чаю пить!». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).
204. Когда едят, то заходят и говорят: «Хлеба исть!». А отвечают: «Спасибо!». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).
205. Приветствовали: «Хлеб да соль!» Добра пора, когда едят. Обедают. Чай пьют да скажут: «Чай да сахар!». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).
206. Если чай пьют: «Приятный аппетит!». А кушают, то «Хлеб-соль!». «Чай с сахаром!», говорят. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).
207. Едят, обедают ли что ли, зайдёт человек, скажут: «Хлеб с солью!». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).
208. Если едят — «Хлеб да соль!». Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985).
209. Когда чай пьют: «Чай с сахаром». А то — «Помогай Бог». (Засурье, Пин., Арх., СДК-26, 1985).
210. Зайдут, ты чай пьёшь, скажут: «Чай с сахаром!». (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985).
211. А едят если, то — «Хлеб с солью!». А ответя: «Хлеб исть». (Горушка, Пин., Арх., СДК-26, 1985).
212. «Хлеб с солью!» - обедали, а чай пьют: «Цай с сахаром!». (Арх., СДК-30, 1986).
213. Кто цай пьёт, ты зайдёшь, говорят: «Цай с сахаром!». «С сахаром, со всем!» — отвечаем. (Усть-Пёза, Мез., Арх., СДК-32, 1986).
214. «Бог на помочь», — кто как скажет. Теперь-то говорят: «Приятно вам кушать, хлеб и соль». (Григорьево, Бат., Новг., СДК-1988).
215. Как войдёшь, а там за столом сидят, говорят: «Приятно вам кушать! Хлеб да соль вам!» (Вятка, Твер, Осташк., Д-226, 1991).
216. Хлеб и соль! (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).
217. Хлеб да соль! (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024).

218. Ангела к трапезе! (Троица, Любим., Яросл., СДК-2024).

Баня

219. /А вечером в баню можно?/ Говорят, после восьми вечера вроде не надо, а бывает, что и темно идешь, как с работы справишься, так и идешь моешься. Говорят, надо оставлять воды, чтобы этот, как его, банщик-то, мог помыться. Всегда нужно поблагодарить. «Спасибо, банька милая» — своими словами. Всегда говорю. «Ой ты умница моя». Со всеми разговариваю: хоть теплица, кого похваляю, кого поругаю. Одна, с кем-то разговаривать надо. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

220. А из бани человек выйдет, надо сказать: «С лёгким паром!». (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

221. Смой, вода, вся худоба! Дай Бог тебе здоровья! (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

222. Как с гоголя вода, так с Наташи вся худоба! (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

223. С лёгким паром, детки! (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

224. В байну кто идёт, надо сказать: «Пар в байну вам», а оттуда: «С легким паром» (Заболотье, Твер, Осташ., СДК-1991).

225. «С лёгким паром!» — кто помылся. А кто не помылся: «С будущим!». (Тотьма, Волог., СДК-2000).

226. «Господи, благослови! С лёгким паром!». «Спасибо, баня, за помывку!» (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

227. Серков (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

228. С лёгким паром! (после бани). Жарься веником! (перед баней). (Останково, Любим., Яросл., СДК-2024).

229. «С легким паром» говорили. [А что ответить нужно?]. «Спасибо» говорили. Всегда дома стоял уже на столе чай, всем по стаканчику. (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).

230. Господи, благослови! (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).

231. Божья благодать! С лёгким паром! (Закобьякино, Любим., Ярослав., СДК-2024).

232. Пар в бане! (Закобьякино, Любим., Ярослав., СДК-2024).

Дорога

233. / Что говорят перед дальней дорогой?/ В лес пошла: «Огради меня, Господи, своим животворящим крестом». И три раза перекрестится. Или: «Господи, благослови меня в путь-дорожку». И ничего плохо ня будет. (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

234. «Счастливым путь!» (перед дальней дорогой). (Григорьево, Бат., Новг., СДК-1988).

235. Дай Бог вам хорошую путь, девочки! (Твер, Осташк., Д-226, 1991).

236. Ну ладно — час вам добрый! Идите, когда вернётесь. (Ветка, Твер, Осташк., Д-226, 1991).

237. Если идёшь да нагоняешь кого-нибудь, скажешь: «Мир дороге!». А тебе «спасибо» ответят (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

238. Счастливого пути, всё, да пусть вас Бог бережёт! На дорожку посидеть. (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

239. Счастливо тебе! С Богом! Добрый путь! Будьте здоровы! (Ракомо, Новг., Ногв., СДК-54, 1994).

240. /У кого надо проситься, когда в лес идёшь?/ У Бога, у Ангела своего. У каждого свой Ангел, вот ты говоришь: «Ангел мой, пойдём со мной, ты впереди, я позади. Никола Чудотворец, дорожку освети, рабому Божьему (называешь своё имя) и аминь». И всё, идёшь, и с тобой всё будет в порядке. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

241. Вот скажут, пойдёшь в дорогу, никогда не надо говорить: «Ой, я сейчас быстро дойду». Надо идти, скажут: «Ладно, пойдём с Богом, там Никола Чудотворец, там Георгий Победоносец, дайте счастливой, хорошей дороги дойти до дому». (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

242. /А зачем крест носят?/ Óбереж, я когда куды поеду, так ещё бумажна иконка есть, пресвятая Божья Мать Богородица с собой, пойду скажу: «Береги меня, храни меня, на дорогах, на перепутьях». (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

243. А в дорогу обязательно читали на хлеб, на соль, и где-то зашивали крошку, зашивали воскресну-ту, честному-ту кресту, хлеб с солью, и крошечку, и какую-то тряпочку, и в одежду зашивали, это в армию отправляли, куда-то. Если куда-то едешь в путь, просишь Господа: «Сохрани меня, Господь, да будь со мной, и Ангел Хранитель над головой». (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

244. /А у человека ангел есть?/ Говорят, что есь, так вот говорят: «В дальнюю дорогу!». Куда-то вот ты, например, поехала, пошла из дому, и перед порогом говоришь: «Ангел мой, Хранитель мой, ты впереди, я за тобой» — и пошёл. Слышала ещё, наверное, ещё дома слышала, шо вот пошёл-поехал тебя провожают, и человек сзади выходит и кофшиком или кружкой водой сзади плеснёт вслед, типа как по воде, как по маслу пошёл, чтобы как хороший путь, что ли, была. (Труфанова, Пин., Арх., СДК-2008).

245. Провожали куда, так говорили: «Скатертью тебе дорожка!». (Ясенское, Осташк., Тверск., СДК-60, 1997).

246. «Скатертью дорога» — плохо. Не в добрый путь (Давыдово, Твер., Осташк., СДК-1993).

247. /Что нужно сказать перед выходом из дома?/ Я вот выхожу с дому и говорю: «Добрый домовой, пойдём со мной», и иду спокойно. (Новосёлки, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

248. Идёшь куда: «Будь здорова! Куда отправилась-то?». Я говорю: «Да вот отправилась там, в магазин». «Ой, дай, Бог, тебе удачи!» — или там что-нибудь такое. (Новосёлок., Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

249. «В дальнюю дорогу» — близкие говорили. «Долгих лет жизни!». «Счастливого пути!». (Вязовия, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

250. Если человек отправлялся в дальний путь, соберут стол, посадят на дорожку, вот и всё напутствие. (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

251. У меня дак, конечно, такая примета. Вот скажут: «Куда пошла?». Ну и всё, ни в путь значит. С какой целью шла — будешь обратно возвращаться, ничо не получится. Вот уже много раз проверяла, обкудывали значит. Да: «Куда пошла?». Девчонки отвечают: «На кудыкину гору». Когда кто идёт, так никого не просят «куда пошла». А — «Далёко ли? Далёко ли пошла?» (Устье, Усть-Кубенск., Волог., СДК-2005).

252. А перед сном всё Богу какое желание, а у дальнюю дорогу провожают: садятся на диван, помолчать, Богу помолятся, просят прощения «Прости меня грешного». (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

253. Если куда идёт человек, дак не ругайте, не проклиняйте, а пожелайте пути хорошего, вот ругались...(Алеховщина, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

254. А на работу идёшь: «Пресвятая мать-Богородица впереди / Исус Христос сзади/ Ангелы по краям / Что Исусу Христу / То и нам». (Зуёво, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

255. «Крещусь крестом и пойду со Христом!». (Алеховщина, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

256. Вставаешь, так — «Господи, благослови». (Алеховщина, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

257. Дак вот выйдёшь и говори, перекрестись и скажи: «Спаси, Господи, от гада плывучего, от зверя бегучёва». Вот так и скажи. (Игокиничи, Лодейнопол., Лен., СДК-62, 1999).

258. Ну, конечно, детей вот кто-то куда поедет, я всегда говорю: «Поди с Богом!» «Идите счастливо!» «Идите с Бо(х)ом!» «Дай вам Бог всего доброго!». Конечно, как говорят: «Без Бога ни до порога!». Всё равно мы это говорим, верим ищо там. (Тотьма, Волог., СДК-2000).

259. Давай Бог вам святой час! (Байгорово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

260. Ангел мой, хранитель мой, иди впереди, я за тобой — и ничего не случится. (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

261. Бог, благослови! (Закобякино, Любим., Яросл., СДК-2024).

262. Перекрещу и: «Откуда ушёл, туда и вернись!» (Закобякино, Любим., Яросл., СДК-2024).

263. Поезжай с Богом! (Крутик, Любим., Яросл., СДК-2024).

264. Гладкой дороги! Счастливого пути! (Троица, Любим., Яросл., СДК-2024).

265. Ангела-Хранителя! (Любим, Яросл., СДК-2024)

266. Господи, помоги! (Любим, Яросл., СДК-2024)

267. С Богом! (Ермаково, Любим., Яросл., СДК-2024)

268. Ни гвоздя ни жезла! (Ермаково, Любим., Яросл., СДК-2024).

Дом

269. Раньше в дом приходили, перекрещиваются, у порога стоят и говорят: «Мир дому!». Йим отвечают: «Принимаем мир!». (Тотьма, Волог., СДК-2000).

270. Или входят, говорят: «С ангелом!». (Тотьма, Волог., СДК-2000).

271. Когда заходят в дом, говорят: «Мир вашему дому!» (Никольское, Тотем., Волог., СДК-ОРЗ-2023).

272. Дедушка-домовеюшка, пусти, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

273. Поклонишься в четыре угла и скажешь: «Дедушка-домовеюшка, пой, корми, на меня, хозяйюшка, не надейся». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

274. Пошли сын да невестка в новый дом, я взяла хлеба, соли, крупки. Зашла: «Дедушко-домовеюшко, прими моих детуцек, обогревай, обувай, одевай, на добры дела их наставляй». Обошла по углам. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

275. А скотину заводили, я слыхала: «Дедушко-домовеюшко, возьми мою скотинушку, прими, пой, корми и люби». Морочили сами себе. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

276. Корову купила, да говорила тётя: «Вот тебе, пестронушка, дом и место, земля и вода, и родима сторона, пей, ешь и ходи, я тебе хозяйка, а ты мне — верной слуга». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

277. В новый дом петуха да кошку носили, чтобы ночевать веселей. Дак вот говорили: «Дедушко-домовеюшко, пусти нас на подворьице». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

278. В новый дом входили, нову вещь занесут, а хто приходит, тоже хто чего принесёт: я — кошку приносила: «Дедушко-домовеюшко, пусти жить. Я прихожу сюда на житьё-бытьё, буду тебя приберать, ласкать. Говорят, дедко-домовейко забрался, давил да душил. «Дедушко-домовеюшко, ты скажи, к добру ли, к плоху». Он ответит: «К добру ид к лиху». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

279. «Дедушко-домовеюшко, пусти пожить, да ты не обижай, да скотину не тревожь». (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986).

280. «Дедушка-домовеюшко, пой, корми, по шерсти гладь». (Петрово, Мез., Арх., СДК-30, 1986).

281. Дак да, как же, бывает всегда в доме, как грится, домовой обычно. Вот сейчас мы тоже в городе ведь живём, приезжаем сюда, обязательно говорим: «Дедушко-домовей, пусти пожить-поночевать» — это приговариваем всегда, вот мы заходим, мы уезжаем ведь никто не остаётся вот допустим, приедем в мае, допустим, обязательно и живём спокойно. Ну, так уж заведено, наэно (наверно), приться надо, ак это в любой избушке ведь, допустим, в лесных избушках тож бывает. Надо проситься, дак вот тоже вот: «Дедушко-домовой, пусти переночевать». (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

282. [Когда входят из старого дома в новый] Поклонись у ворот и скажи: «Дедушка-домохозяйюшко, пойдём с нами». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

283. [Когда вводят в хлев новую скотину] Дедушка-домовеюшка, полюби у меня пестронушка, пой, корми, дроти. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

284. Дедушко-доможировошко, пусти скотинку постоять, не мучь, полюби! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

285. Дедушко-домохозяйюшко, полюби мою скотинушку. Скотинку — на полы, а сам — под полы. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

286. Поклониться во все четыре сторону и сказать: «Дедушко-доможирошко, полюби мою скотинушку, люби своей дорогой ласкоточкой, гладь своей золотой лапочкой. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

287. Домовеюшко-дедушко, прими нашу скотинку, напой, накорми и полюби. И так — три раза. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

288. Дедушко-доможировошко, пусти скотинку постоять, не мучь, полюби. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

289. Дедушко-домохозяйюшко, полюби у меня пестронушка, пой, корми, дроти. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

290. Покупают, заводят корову и пригориват: «Дедушко-домовеюшко, пусти на подворьюшко». Кусочек хлеба скружат над головой коровы, и скормят, чтобы она ходила. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

291. Скотину заводили, скажут: «Дедушко-домовеюшко, пусти на подворье, навсегда, вот те дом, да трава, да родима сторона». Говорят, что всё дедушко-домовеюшко какой-то. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

292. «Дедушко-домовеюшко, прими мою скотинушку, пой, корми досыта». Это когда корову заводили. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

293. Попросишься у домовейки: «Пой, корми, на меня на хозяйюшку не надейся». Не попросилась-то я крёсница, да корова вся мокра, домовейка муцил. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

294. Ягышок родится, надь просится, не попросишься — так пропадёт. «Дедушко-домовеюшко, примай мово Борюшку, на меня лентяюшку, не надейся, пой, корми досыта». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

295. Слова были: «Раба ты, пестронушка, никуда не ходи, пойдй во свой угол, во свой терем, до трёх раз скажи. Это чтоб корова домой шла». (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

296. Когда заведёшь скотину домой, замести её следы метелкой и эту грязь с её следами положить ей в хлев, где она стоит. Выкормить в куске хлеба серы из ушей, посыпав кусок хлеба солью и сказать: «Во имя отца, сына и святого духа. Аминь». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

297. «Дедушко-доможирушко, пусти на подворьице» — и корову заводишь или овцу там тоже. Всё надо проситься, кошку даже, и почапать надь, в печку тоже попроситься, лапками о печку. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

298. [Когда в дом вносят новорожденного] Когда ребенок родится, заносили в избу, все углы крестили да приговаривали: «Дедушко-домовеюшко, при млáдина раба божья, обувай, одевай, золотой лапочкой гладь, да на хозяев не надейся. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

299. Когда входишь в новый дом: «Дедушка-домовеюшка, пусти, пой, корми, обувай, одевай и обогревай. Люби и береги!» (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

300. Дедушко-домовейко, полюби мою семеюшку! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

301. Скотинушку заводят: «Дедушко-домовеюшко, пусти на подворице», — если во свой хлев везут. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

302. Корова если лягается, соседка слова написала: вымя мыть, доить да приговаривать: «Стой, моя пестронушка, как столп середовой, бабки стояли, мамка стояла, тебе, моя пестронушка, стоять велели. Стой горой, теци рекой, (чтобы хорошо доилась, обильно), держи ногу колоткой-колоткой. Аминь. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

303. Вот ты пришла домой и говоришь: «Дедушко-домовеюшко, пусти меня на подворье, хозяйюшко, не пугай и меня не задевай». (Тимощелье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

304. Домовика просить надо: «Вот будем жить, да я, да муж, да ещё кто там, нас береги да храни, да. [А из старого дому не зовут домового?] Нет, в новый дом заходишь, тут и хозяин новый и всё по-новому. Мы в новый дом заходили, к нам кто идёт, охапку дров несёт, например, кто денег сколько может положить — немножко, кто иконку принесёт. Это чтобы жилось в доме. (Труфанова, Пин., Арх., СДК-2008).

305. Если скотину покупали, домой вели и говорят: «Батюшка-дворовой, пойдём со мной». А если на ново место: «Пойдём жить, да нам служить». (Ступино, Череп., Волог., СДК-37, 1987).

306. Домовой и сейчас есть, проситься надо: «Дедушка-доможирушко, бабушка-домождорушка, пусти на подворьице скотинку успокоить, самим да пожить, безо всякой притчи, чтобы плохо не было. Что во дворе, то и в доме — всё домовой, он дом и хозяйство хранит. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

307. У дедушка домового проситься надо в новый дом. Не попросишься — оно будет пугать, ходить по дому ночью. Скажут: «Дедушка меня сегодня выдавил, это не к добру». Когда давит, спросить надо: к добру ли к лиху. (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984).

308. Дедушко-домовой есь. Когда в новый дом переедешь, надо проситься, поклоняйся: «Дедушко-домовой, пусти!». Поклоняйся. Не попросишься — так говоря, будет пугать. Ночью ходит по дому, чуешь, что ходит, а ведеть-то не ведеши. (Кеврола, Пинеж., Арх., СДК-1984).

309. Когда идёшь в дом, надо сказать: «Дедушко, пусти на проживание». А я вот не просилась, мне и говорят: ты так и живёшь плохо, что не попросилась. (Немнюга, Пинеж., Арх., СДК-1984).

310. Хлебца отрежь кусочек, в угол положи — и скажи: «Хозяин-дворовой, прими подарочек, чтоб корова домой ходила». (Чёрная, Бат., Новг., 1988).

311. [Просились ли в новый дом?] Да, как-то она говорила: «Дедушка-домовеюшка да матушка-домовиха, пустите жить, будем с вами дружно там

жить» — даже она клала куда-то, по-моему, хлеб, в угол куда ли. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

312. [Нужно ли проситься в новый дом?] Это-то говорили, меня свекровь учила, скота запускать в новый хлеб или корова телится, домовой чтобы полюбил, говорила: попросись у домового. «Дедушко-домовеюшко или доможирушко» — я уж забыла, не знаю, я даже своим девкам говорила: квартиры получили — попроситесь у домового. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

313. «Дедушко-доможирушко, пусти нас пожить» — мама это говорила. Сначала поклонилась на все четыре угла и сказала. (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

314. «Дедушко-домовеюшко, хозяин-домохозяйюшка, пустите на подворьице, рабу божью или кого там». Ну дед-домовой, ласково его так называют. (Шотогорка, Пин., Арх., СДК-2008).

315. Просились вот с животиной, или вот захожу я в новый дом да в новый или куда-то на квартиру, и надо как-то проситься: «Дедушко-атаманушко, пусти нас там с коровушкой или с овечкой, или с кем ли» - вот так вот. Какие слова только говорили вот эти, эти все говорят. (Кобелёво, Пин., Арх., СДК-2008).

316. «Дедушко-доможирушко, пусти нашу скотиночку жить-поживать, добра наживать», а если невзлюбит дедушко-доманушко начнёт ходить по избы, вот домовой-то есть, хозяин избы, мы его не видели. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

317. «Дедушко-домовеюшко, пусти жить-ночевать, сам не беспокойся и нас не беспокой, сам живи и не расстраивайся и нас не расстраивай». (Большое Кротово, Пин., Арх., СДК-2008).

318. Надо попроситься. Надо ить в любой дом, куды хоть заходишь наперво, дак проситься: «Хозяин да хозяйюшка, пустите пожить да там поночевать, деточек моих и там всех, перечисли и всё, и перекрестись.

Кормите и водите чистый. И в баню идёшь всё надо. (Красное, Пин., Арх., СДК-2008).

319. Вот когда в дом входили — вносили корыто, потому что бельё грязно полно́, богаты-то. Заходили просились у дедушко-домовидушко: «Пусти нашу семью, привечи всех, пой сладко, води гладко». Также и скота приводили тоже просили, чтобы дедушко любил. И, наверна, также и в бане, и везде, наверно, дедушко-домовой хозяин всего дом и построенья. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

320. Вот ты заходишь, куды в первый раз: «Дедушко-доможирушко, бабушко Соломнидушко, прими раба Божья» — до трёх раз. (Чёшегора, Пин., Арх., СДК-2008).

321. Кто должен первым заходить в новый дом? Хозяин да хозяйка-то, кошка, и попросится в дом у дедушки и домодедушки: «Дедушко-домовой, пусти пожить». (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

322. «Дедушка-доможирушко, храни меня, сбереги и всё. В хлев скотину заведёшь — тоже просишься. Она (соседка) всё молоко в четыре угла лила. Подоит немножко корову и льёт в четыре угла. (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

323. В любом доме домовой есть, в любой квартире, в любом дворе. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

324. Скотину приведут, читают вот: «Хозяин-домовой, ты мою скотину-то напой, накорми». (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

325. Домовой-дедушка, хозяин дома. Говорят, везде он. Да, ведь козочку заводишь во хлев, слова говоришь: «Дедушка-домовинушка, бабушка-домовина, пусти на постоянно местечко, пои, корми козочку, чтоб не обижали, сухо местечко стели, малых детушек расти». (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

326. Домовой должен быть в каждом доме. Когда в дом заходишь, надо попроситься у домового, чтоб он тебя пустил в дом жить: «Дедушка-домовой, пусти таких-то в дом жить». (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

327. Ну, как: «Дедушка-доможирушка, пусти в дом. Спасибо тебе, что всё сохранил в доме». (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

328. Вот скотину покупаешь, так просятся. Как-то «хозяин да хозяйюшка», — всё говорили, — «примите ли пустите, хозяин да хозяйюшка всё», домовые, наверно. В доме тоже, говоря, бывает, в дом-от тоже просятся, когда заходят. Ну, теперь-то всё освещают, когда в новые дома заходят. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

329. Тоже просились ведь как, с чем-то (заходят), сначала кошку запускали. Чего несли, Игнатий вот заходил у нас в новый дом, мимо дома нашего дак, пошли, цего несли-то, кто скажет — корыто нести надь, кто скажет — кошку, кто скажет — квашню надь нести сначала. Входит-то в новой-то дом. Как-то тоже просились, скажут: «Дедушко-доможирушко, пусти там какого Николая пожить», во дворó просились-ба. (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

330. Раньше скажут — домовой в каждом доме есь. Дедушко-доможирушка, хто знат, хто бывает Бог, король ли хто, ласка, ласка это бегала раньше. Пошли, всё Дуся говорила, из старого дома в новый дом, дак я, говорит, видела — дедушка-доможирушка с нами полетел, ласка, мёне кошки такия вот, как горноста́й. Да́к мужики говоря: это горноста́й. Она говорит: это ласка — дедушко-доможирушко. В каждом доме есь, и всё просятся дак. Скотину-то вот во хлев ставить тоже просятся: «Дедушко-доможирушко, пусти скотину-ту в дом, пой сладко ли, води гладко, корми». (Пиринемь, Пин., Арх., СДК-2008).

331. В новый дом, значитсё, говоришь: «Дедушко-доможирушко, пусти нас пожить с хлебом, с солью и с третьей любовью». В каждый угол посыпать соль-хлеб, во все комнаты, угол в тот-тот-тот (показывает в четыре угла). (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

332. У дедушка просятся: «Дедушка-доможирушка, пусти скотинку на подворьё, пой, корми сытёхонько, гладь, дрочи гладёхонько, на меня на хозяйюшку не надейся» — вот так. / В каждом доме домовой-то дедушка ведь

есть, в каждом доме. И вот переходят — дом срубят, из старого дома пойдут жить в новый, дак тоже го зовут: «Дедушка-доможирушка, пойдём с нами в новый дом, со своей женой доманушкой — вот так ещё приговаривали. А не позвать — он будё выть в старом доме. Я помню в Верхнём всё говорили, что тамотки дедушка всё пуга, пуга. Тоже уехали тут в город, а говорят, что надо, если поедешь куда, надо чтобы постель постлать, хоть такую, нехорошу, но постель надо обязательно постлать, чтобы дедушка ходил, ночевал. Это если дом сотавляешь. А тобывает скажут: дедушка выдавил. / Так вот, что ли, он будет волноваться. Что и в углы ведь кусочки положат, хлеб — в хлеву вот просятся и хлеба положат — для дедушка, наверно. / Кошку, кошка — хозяин дома. (Марьина, Пин., Арх., СДК-2008).

Чих, зевота, кашель

333. Как из-за стола встанут, да «спасибо» скажут, так и говоришь: «Чем богаты, тем и рады!» (Вятка, Твер, Осташк., Д-226, 1991).

334. Коды человек чихнул, говорили: «Будь здоров!». Левый глаз чешется — к слезам, а правый — к радости. (Слуда, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

335. Чихнёшь если, говорят: «Счастлив будь!». (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

336. «Спица в нос да пара колос! Две оси разодрало и твои ноздри». (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

337. Если чихнул: «Будь здоров за сто коров!». (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

338. Когда замучит, чихат и чихат, ему говорят: «Спица в нос!». А он отвечает: «Спасибо на мягкой затычке!». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

339. Говорили: «Будь здоров!». От отвечает: «Спасибо!». И всё. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

340. Чихат, чихат, надоест. Говорили ему: «Спица в нос да пара колос!». От отвечал: «Спасибо на доброй затычке!». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

341. Чихнул разок, скажут: «Живите богато, будьте здоровы!». Отвечашь: «Спасибо!». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

342. Если чихнул да скажу: «Будь здрава!». Если маленька зачихат, то «Будь здоров, младенец!». (Жердь, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

343. «Будь здоров да счастлив!». (Кимжа, Мез., Арх., СДК-28, 1986).

344. Если кто-то чихнул, то говорили: «Будь здоров!» (Вязовия, Осташк., Селижар., СДК-59, 1997).

345. А чихнётъ: «Будьте здоровы!». — «Спасибо» — отвечает. (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

346. /Что полагается говорить, когда человек зевает?/ «Лень-позевота вся на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого». (Закокурье, Мез., Арх., СДК-27, 1986). зевота

347. /Что полагается говорить, когда человек споткнулся?/ Запнёсся, так сразу говорят, — леший надавал, как я ногу навередил. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

348. Если споткнулся, говорят: «Возьми собой!». (Ковриг, Любытин., Новг., СДК-36, 1986).

349. Споткнулся, говорят: «Чёрт тебя взял». Икнул — душа с богом разговаривает. (Луково, Любытин., Новг., СДК-36, 1986).

350. Споткнулся: «Бог с тобой!» (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

351. Закашлялся, кто-то спешит, а товарищ ему: «Что ж так это ты, Христос с тобой!» (Сахарово, Ржевск., Твер., СДК-1991).

352. Когда екчеца, говорят, свинья об угол попу чешет. (Ковриг, Любытин., Новг., СДК-36, 1986).

353. Сколько за столом посидишь, столько и в раю побудеешь. (Ковриг, Любытин., Новг., СДК-36, 1986).

354. /Что говорят, если человек икает?/ Черви в могиле вспоминают, девяту кобылу доедают, тебя дожидают. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

Приготовление ко сну

355. /Какие слова произносили перед сном?/ «Свят Бог над домом, Свят Бог над головой, Свят Бог над рабой» — так говорили, три раза повтори. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

356. Чтобы не лягалась, слова были разны. Садись под коровушку: «Ногами не лягайся, хвостом не машись, рогами не мотайся». Кака корова по мсати-то, так и называли. До трёх раз говоришь. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

357. У меня было эдак на стаде две коровы. Днём придут, пастухи видят, днём выходят коровы, отпускает. Приду в обед подою. Вечером никак им ходу нет домой, коровам, не отпускает. И так было у меня поди, с неделю длилось. Пошла к этой женщине. Пришла — она мне сделала, рассказала на кусок, на хлеб, подала кусок и потом денюжку. Вот и сказала от так сделай. Я сделала, как она мне велела, коровы первые домой идут. Они нашаптывают на кусок или на воду, или на кусок. Вот подают тебе кусок, подают тебе денюжку, вот только и скажут, с какого пола отпускала скотинушку, через лево плечо кидай кусок и денюжку. И скажи, что: «Батюшка-полевой, отпусти мою коровушку домой», — и всё. (Красный Берег, Волог., Волог., СДК-2005).

358. Какие слова произносили перед сном?/
Мать перед сном молитву учила меня говорить:

«Ложусь со Христом,
Награждаюсь крестом.
Там ангелы стоят
Мою душу сторожат».

Так три раза. (Ясенское, Осташк., Тверск., СДК-60, 1997).

359. Родители говорили, чтоб мы на ночь молитву читали «Отче наш». (Ясенское, Осташк., Тверск., СДК-60, 1997).

360. Сон плохой нельзя рассказывать. Надо перевернуть подушку и сказать: «Куда ночь, туда и сон». (Ясенское, Осташк., Селижар., Тверск., СДК-59, 1997).

Праздники

361. А уж сеял каждой сам, сам и приговаривал: «А вот Борисов день, Бориса и Глеба, народи, Господи, хлеба» — это весной, а потом уже благодарят, это шестого августа, народил, господи, корму и хлеба, а вот там где-то говорят совсем не так, по-своему. (Шейно, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

362. Придем, бывало, со старичком-то, сядем, посидим в поле на мешочки с хлебом (зерном), Богу помолимся. Говорили: «Уроди, Господи, хорошего хлебца, на нищово братия, на всех православных христиан». Если маленькие (ребята) есь и с маленькими ходят, бывало, и тех учат: перекрестись Господу, Богу молись, шtbody Господи хлебца уродив на всех православных христиан. Хозяйка бросит в землю перву горску на полосе, потом маленькие, а потом Хозяин и пойдет засевать, а мы с робятами пойдем домой. (Тотьма, Волог., СДК-2000).

363. Батюшка-Покров, дай хорошую свекровь! (Искра, Череп., Волог., СДК-37, 1987).

364. А уж сеял каждой сам, сам и приговаривал: «А вот Борисов день, Бориса и Глеба, народи, Господи, хлеба» — это весной, а потом уже благодарят, это шестого августа, народил, господи, корму и хлеба, а вот там где-то говорят совсем не так, по-своему. (Шейно, Череп., Волог., СДК-38, 1987).

365. На Рождество раньше-то коровушки из теста делали, да и не только коровушек и овечек, и лошадей, и кур, и рыб — всяку всячину наделают, ребятишки соберутся и колядовать идут и говорят: «Коляда-Коляда, дедушка да бабушка, подайте по коровушке овсеца», скажешь так, вот тебе и отдадут — кто коровушку, кто лошадку, кто чего. (Средние Чудьи, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

366. В Егорий возьму иконку и весь двор обойду, и приговариваю: «Егорий-батюшка, сохрани мою скотинушку от злых людей, от зверей», а то

два ремешка постелю накрест и замок повешу на первую дверь на двор, тогда коровушка будет дома держаться (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

ЭФФ различной тематики

367. «Дай бог, чтоб ему счастья не было!» (обманул кто-то). (Григорьево, Бат., Новг., СДК-1988).

368. «Сколько на хмеле шишечек, столько у вас ребятащечек» (пожелание на свадьбу). (Чёрная, Бат., Новг., СДК-1988).

369. Вставай, дочка, а то наши ядят, а ваши — глядят! (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

370. — Спасибо! — На здоровье! Своя сила в рот носила! (Вятка, Твер., Осташк., СДК-1991).

371. Снимайте своё холщовое, мы повесим своё шелковое! К свадебному обряду. (Чижово, Старорусс., Новг., СДК-54, 1994).

372. /Какие слова произносили перед выгоном скота?/ «Ходи Бог с тобой на вольку» — так скажу и всё. (Заозерье, Мез., Арх., СДК-27, 1986).

373. Сохрани, береги, господи, мою построечку с окладново бревна и до охлупня. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

374. Да у нас кошки теперь никого, ни куриц, никого не дерёт, кошаков запускают. А так говорится: «Мохнатый зверь — да на богатый двор». (Каршево, Пудож., Карелия, СДК-2006).

375. Худые ребята (хилые), дак через межу проймают; по поднизу прокапывают землю и приговаривают: «Ты, земля, дай здоровья, а не то к себе возьми». (Тотьма, Волог., СДК-2000).

376. Когда купишь коровушку, приведёшь на двор и перед тем, как в стадо выпустить, три раза возьмёшь земельки не под копытца, бросишь через голову и скажешь: «Дай, Господи, на владение», — это чтоб дом знала. (Сковятино, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

377. В новокупку пояс перед коровой клали, чтоб она перешагнула, знать гулять не будет и в стадо ходить будет, и ведь верная, девки, примета, в войну не было у нас коровы, вот я и пошла к председателю, а он тёлку-то и

даёт, а на что она мне с малыми ребятами, вот и пошла искать коровушку, купила я кормилицу за зерно, открыла я ворота, да растерялась, её сразу и ввели, хозяин снял веревочку и сказал: «Дай тебе, Бог, на владенье!» да и в руку поклат, да что за напасть — не гуляет моя корова, вот я и вспомнила, что пояс-то подложить забыла, выгоню её, коровушку в стадо, а она всё домой, вот я как-то фартук и бросила, и потом хоть раз бы со стада сбежала, стала как все. (Николо-Раменье, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

378. Говорят, на кладбище не здороваются. Когда с похорон придут, заслонку откроют да посмотри, чтоб не скучал. (Жердь, Мез., Арх., СДК-31, 1986).

379. Сколько она лечила, всё в банях. Одного мальчика от испуга вылечила. Сначала сказала, что приготовить, велела баню истопить, чтом пришла лечить-то, так всё молчала. С ней никто и не говорит, когда она лечит кого. Знают, не ответит. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

380. Нельзя здороваться, кода в доме покойник. Нехорошо же, кода в доме поюкний. Входишь, а ты здоровья желаешь хозяевам. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

381. Был случай со мной. Идёт старушка, Николаевной звали. Крицу: «Николаевна, здравствуй! Погоди!». А она молчит, я снова ей кричу. Остановилась она, вылила воду, что с реки несла, со мной поздоровалась. Поняла я, что она несла молчану воду, а тогда разговаривать нельзя. (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

382. Молчану воду несу, всё молчу, всё молчу. Встречаю кого: «Здравствуйте!». А я молчу. Трудно её нести, ни с кем не поговори. А если заговоришь, выливай воду и носи снова. Так можно много раз идти, но не говори только! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

383. Нельзя здороваться, когда в доме покойник. Нехорошо же! (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

384. Моют когда полы, нельзя разговаривать, а то умрёшь. (Слуда, Пин., Арх., СДК-26, 1985).

385. Во хлеве не здоровайся, со скотиной коды живёшь, гони, во двор не пускай никогда никого, нельзя пускать никого ко скоту. (Сура, Пин., Арх., СДК-21, 1985).

386. Дак, за руку не здороваются ведь, когда на похороны идёшь дак не здороваются, только могут кивнуть и всё. (Шотова, Пин., Арх., СДК-2008).

387. Один дяденька заблудился, вот и решил костёр развести, и не может сучья-то те положить, всё один к другому кладёт, а надобно на крестик, видно нечистый попутал, вот и сказал: «А ну, господи, благослови!». Как сказал это, враз костёр и разжёл. (Игнатово, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

388. /Когда заходили к поросенку, что-нибудь говорили ему?/ Нет. Мы, как поженились, отец нам корову привел сразу, вырастили они ее. Первый раз когда доят корову (когда отелилась она первый раз, первый телок — так говорят) так приговаривают: «Как эти строки лежали тихо и спокойно, так и ты стой тихо и спокойно», — чтобы она не лягалась, как говорится. А поросенка когда несли домой, приговаривали: «Как на кости мясо, а на мясо сало», — чтобы поросенок рос жирным и здоровым. (Никольское, Тотем., Волог., ОРЗ-СДК, 2023).

389. Кто поперхнулся или захлебнулся, спрашивает хозяйку или соседа за столом пожалела, что ли? И та отвечает: «Это не моя жалость, а твоя жадность». (Лампожня, Мез., Арх., СДК-29, 1986).

390. Если старушки сидят, то им говорят: «Сиденью вашему!». А они уж отвечают: «Сидеть по-нашему!» (Игнатово, Череп., Волог., СДК-41, 1987).

391. В некоторых деревнях они (женщины) не здороваются, а говорят: «Лебедь белая!» (и при этом кланяются). (Тотьма, Волог., СДК-2000).

392. Раньше к старичкам не так относились. Как встретят на улице старика, дак всё говорят: «Здрасьте, Ваше степенство!». (Кисово, Волог. Череп. СДК-40, 1987).

393. (Этикетная формула встречи) — Откуда ты такая явилась? — Из тех ворот, откуда весь народ (Твер. Осташк. 1991).

394. (Старшим): Здравствуйте! Шапочку снимали, кланялись. (Ракомо, Новг., Ногв., СДК-54, 1994).

395. Да, со всеми здоровались. Кто-то идет, да, незнакомый: «Здравствуйте». Забытое какое-то, в городе же не так. (Фомино, Любим., Яросл., СДК-2024).